

А.Е. БИЖКЕНОВА

**ГРАММАТИКА И
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ
ЯЗЫКАХ**

МОНОГРАФИЯ

Астана, 2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Л.Н. ГУМИЛЕВА

А.Е. БИЖКЕНОВА

**ГРАММАТИКА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ**

Астана, 2025

**УДК 80/81
ББК 81.2
Б59**

*Рекомендовано к печати решением Ученого Совета НАО
«Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева»,
протокол №15 от 27 февраля 2025 года*

Рецензенты:

Г.И. Исина, доктор филологических наук, профессор, г.Караганда, Казахстан
Д.Д. Шайбакова, доктор филологических наук, профессор, г.Алматы, Казахстан
Т.А. Буркова, доктор филологических наук, профессор, г.Уфа, Башкортостан,
Российская Федерация

А.Е. Бижкенова. Грамматика и словообразовательные процессы в современных языках. Монография. – Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2025. – 158 с.

ISBN 978-601-385-047-4

Монография посвящена изучению проблем грамматической науки как важной основополагающей науки о языках, а также направлений словообразовательных процессов, ведущих к расширению словарных составов в современных казахском, русском и немецком языках. В работе рассматриваются общие грамматические положения о словообразовании, определяются роль и место словообразования в лингвистической науке, говорится об его основных понятиях и категориях, связи с семантикой словесных единиц, мотивированности деривативных основ и других актуальных вопросах, позволяющих вывести объект научного анализа в ранг важных внутриязыковых процессов, влияющих на развитие языков.

Монография предназначена для студентов, магистрантов и докторантов филологических специальностей, а также всем, кто интересуется вопросами грамматики и словообразования в современных языках.

ISBN 978-601-385-047-4

**УДК 80/81
ББК 81.2**

© А.Е. Бижкенова А.Е., 2025
© ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА 1. Грамматический строй как направление современных исследований языков.....	5
Приоритеты языковой типологии для грамматического анализа.....	7
Типология лингвистических номинаций.....	16
Грамматика и текст.....	21
ГЛАВА 2. Словообразование. История и современное состояние исследований.....	32
Словообразование в свете новых парадигм исследований: когнитивная морфология.....	38
Словообразование и его роль в языке.....	44
Основные понятия словообразования.....	57
- <i>Словообразовательный формант</i>	
- <i>Словообразовательное значение</i>	
- <i>Словообразовательный тип</i>	
- <i>Словообразовательное гнездо</i>	
Словообразовательная модель: моделирование и прайминг.....	69
ГЛАВА 3. Способы словообразования.....	78
Словопроизводство	
Словосложение.....	84
Другие виды словообразования в языках.....	90
Салиентные (существенные) языковые механизмы в основе деривативных процессов.....	96
<i>Семантический сдвиг</i>	
<i>Словообразовательная метафора</i>	
<i>Метонимия как способ номинации</i>	
ГЛАВА 4. Термины и способы их образования.....	109
<i>Термины техники, образованные от имен собственных, и их номинативные особенности</i>	
ГЛАВА 5. Неологизмы и процессы заимствования как актуальные пути расширения лексиконов современных языков.....	120
<i>Казахский язык. Общая характеристика внутриязыковых процессов</i>	
<i>Немецкий язык</i>	
<i>Русский язык</i>	
Заимствование как результат интегральных процессов.....	135
<i>Англицизмы в русском и казахском языках</i>	
Заключение.....	150
Использованная литература.....	152

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивные процессы мирового развития и каждого, отдельного взятого государства ведут, без всякого сомнения, к развитию во всех сферах деятельности. Язык, являясь неотъемлемой частью человеческой коммуникации и взаимодействия, относится, в первую очередь к особо подвижным субстанциям, вбирающим в себя все изменения в окружающем мире. Каждый язык, таким образом, отличается особой динамикой, а потому вследствие этого подвержен регулярным изменениям. Изменения в языках требуют непрерывного наблюдения и тщательного изучения ввиду их многообразия и новизны.

Язык как социальное явление развивается синхронно с общественными изменениями, его словообразовательная функция обусловлена необходимостью называния новых предметов или явлений. Современные внутриязыковые процессы, таким образом, не являются оторванными от активных внеязыковых явлений. Наблюдения за новыми тезаурусами, например, немецкого, русского и казахского языков позволяют провести параллель между стремительными темпами развития общественно-политической жизни и языковыми формами в их семантической репрезентации.

Целью данной монографии является рассмотрение языка и языковых явлений сквозь призму грамматики и структурных образований и становление новых лексических единиц. В конечном счете важным является языковая номинация, обозначение реальности или события окружающей среды, абстракций и видов деятельности в изменчивом мире. Все номинации подчинены общественному развитию и тенденциям динамики человеческого мировоззрения. Поэтому изменчивость назывной лексики притягивает исследовательский интерес и усиливает его в плане компаративного подхода и сопоставления разноструктурных языков.

В монографии в качестве базы исследования служат корпуса новой лексики в казахском, русском и немецком языках, а также методы их словообразования и другие пути, ведущие к расширению словарных составов.

ГЛАВА 1.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКОВ

Исследования в области грамматики и грамматических строений в языках относятся, по праву, к центральным направлениям исследований в лингвистике.

История грамматических исследований – это история поиска понимания языковой структуры, ее развития и ее роли в человеческой жизни. История насчитывает тысячелетия. Она, на самом деле, тесно связаны с развитием письменности, языков и культур.

Первые известные грамматические исследования уходят во времена Месопотамии и Древнего Египта (грамматические таблицы Вавилонских и египетских писцов). В Древней Греции грамматические учения восходят к трудам Аристотеля, Демосфена и Диониссия Галикарнасского (морфология, синтаксис, структура языка). Основы средневековой грамматики созданы Варроном и Донатом в Древнем Риме. Арабские ученые Абу-ас-Салих и Сибавайхи анализировали морфологию, синтаксис и фонетику арабского языка.

В новом времени в эпоху Ренессанса грамматика стала аналитической, языки стали изучаться в сравнительном аспекте. Вильгельм фон Гумбольдт и Франц Бопп развили сравнительно-историческое языкознание, что привело к пониманию родства языков.

Структурная лингвистика Фердинанда де Соссюра изучала язык как систему знаков, а генеративная грамматика Ноама Хомского сосредоточилась в настоящее время на ментальной структуре языка и его универсальных принципах.

Так что это за наука – грамматика, которой ученые посвятили столько внимания и продолжают ею интересоваться по сегодняшний день? Давайте разбираться.

Грамматика как наука о построении слов и предложений в языке дает ответы на такие важные вопросы, как словообразование и изменение форм слова в синтагме (морфология), связи слов в предложении и правила фразообразования (синтаксис), соотнесение звукового формата и графемной формы слова (морфонология), изменение словарного состава (историческая грамматика, лексикология). Одним словом, грамматика дает возможность понимания о деятельности языка и его функционирования.

Грамматика – это не просто набор правил, это есть система, которая помогает понять, как язык работает, как его можно использовать для коммуникации.

Одним словом, грамматика – это основа, фундамент, «скелет» языка, без которого язык не может существовать. Изучение любого иностранного языка необходимо начинать с изучения его основных правил построения. Никак нельзя обучать лишь готовым репликам без осознанного подхода к правилам их внутренней организации и путей «сцепления» слов в предложении. Обучаясь иностранному языку, необходимо, в первую очередь, понимать, как слово образуется, как отдельные слова соединяются между собой во фразе, как слова могут меняться для передачи той или иной мысли, как подобрать нужное слово.

Таким образом, при изучении иностранного языка обучение основам грамматики является неотъемлемым компонентом учебного процесса, который не может остаться без активного внимания, а основной принцип изучения грамматики – это осознанность в использовании грамматических правил, а не автоматическое заучивание.

Грамматический строй языка – это мощная исследовательская база, предоставляющая ценную информацию о различных аспектах человеческого мышления, культуры и общества. Именно поэтому такие исследования представляют собой многогранный процесс, требующий междисциплинарного подхода.

Современные исследования в области грамматики продолжают развиваться. Сегодня они охватывают множество аспектов. Выявление, например, универсальных закономерностей и особенностей в разных языках требует анализа языкового разнообразия и глубоких типологических наблюдений; изучение связи между языком и мышлением, а также формированием и восприятием речи требует рассмотрения связи структур языка и ментальности говорящего человека; проведение эмпирических антропометрий относительности частотности функционирования той или иной языковой структуры в коммуникативном акте; интересными являются изучения социальных факторов (возраст, пол, социальный статус, профессиональное образование и контекст) на грамматические варианты и их использование в речи – эти и многие другие проблемы становятся сегодня важными и интересными для пополнения

теоретических и практических сведений и знаний грамматического строя в языках.

Изучение грамматики как живой системы, которая глубоко взаимодействует с культурой и обществом, становится сегодня важным в аспекте соответствия общему доминирующему антропоцентрическому подходу в научных исследованиях. Такие направления, как литература и грамматика позволяют рассмотреть временные формы и стилистику речи для описания эмоций и создания атмосферы как на индивидуальном авторском уровне, так и в разрезе большого литературного течения. Грамматический строй является относительно устойчивым, все же в историческом и диахроническом срезе можно наблюдать изменения форм выражения, структуры речи, вкрапления из иностранных языков и другое. Такие исследования в сопоставлении с синхроническим состоянием грамматического оформления речевых конструкций, несомненно, принесет новые факты и подходы в научном исследовании грамматических тем.

Итак, аспекты исследований фокусируются сегодня на межпредметном уровне. Сюда относятся типологические исследования, выявляющие общие и уникальные закономерности в языках; структурные исследования, анализирующие построение предложений и словосочетаний, словообразование; социолингвистические исследования, позволяющие изучать лингвистические контакты, влияния, ареальные особенности различий в грамматике; психолингвистические исследования, изучающие когнитивные аспекты в грамматике; цифровые исследования, дающие возможность машинного участия в формировании грамматических навыков и т.п.

Приоритеты языковой типологии для грамматического анализа

Постулат о том, что истина познается в сравнении, известен давно, понятен и аксиоматичен. Еще А.Потебня писал о том, что мысль о сравнении языков есть для языкознания такое же великое открытие как идея человечества для истории. Один язык составляет практически единый предмет исследования. Но, как справедливо заметил Ф. де Соссюр, это единство в теоретическом отношении является поверхностным, в то время, как контрастность языков «скрывает в себе глубокое внутреннее единство» [Соссюр, 1967:118]. Далее находим у

Ф. де Соссюра такую мысль, что «только через такие сравнения народ осознает свой собственный язык» [там же:228].

Таким образом, принимая во внимание всю важность и необходимость сравнительного изучения словообразовательных процессов, мы предприняли попытку комплексно и фундаментально проанализировать современные языковые явления и тенденции на материалах немецкого, казахского и русского языков. Известно, что эти языки неоднородны по своей морфологической структуре и генетически далеки друг от друга. Но в связи с реально имеющимися фактами частых социальных контактов в обществе и их динамическим развитием в будущем есть необходимость изучения указанных неродственных языков в их сопоставлении. На важность сопоставительного анализа неродственных языков в теоретических и практических целях указывали Л.В.Щерба, В.Н.Ярцева, В.Г.Гак и другие ведущие ученые. Ф. де Соссюр подчеркивал, что сравнения далеких языков «всегда возможны и полезны» [Соссюр, 1967:230].

Для дальнейшего изложения определимся с отдельными терминами. Так, под *типом* нами понимается обычное его научное значение – модель (образец), которой соответствует определенная группа явлений, а *типология* – есть выявление и упорядочение различных типов существования объекта. Любое явление, типы существования которого исследуются, характеризуется многими свойствами, аспектами и различные типы будут выделяться относительно одного аспекта этого явления. Поэтому согласимся с В.Г.Гаком, что «одну общую типологию для явления построить невозможно, она отразит лишь одну сторону объекта» [Гак, 1998: 310]. Так, к примеру, для рассмотрения в данной монографии важна морфологическая типология языков, влияющая на представление совпадений и различий в структурных механизмах сопоставляемых языков в ходе формирования лексических номинаций. Итак, в центре внимания находится внутренняя структура языков и ее функции, причем каждый аспект структуры дает основание для построения специфической типологии (морфологическая типология, синтаксическая типология).

Как известно, языки различаются между собой, по большей мере, структурными особенностями и строением лексических единиц. Поэтому, изучая современные грамматические и номинативные процессы в языках, целесообразным является обращение к общей морфологической типологии языков. Ведь, типология как

самостоятельная область лингвистического знания занимается выявлением способов (типов) организации языковой структуры, систематизируя наблюдения над всеми возможными направлениями структурных сходств и различий, имеющихся между языками.

Лингвистическая типология сложилась исторически как классификация языков по некоторым особенностям их внутренней структуры. Главным источником явилась морфологическая классификация, наиболее полно изложенная в трудах В.Гумбольдта [Гумбольдт, 1985]. Согласно Гумбольдту, «слово может оформляться только двумя способами: путем внутренней модификации или путем внешних наращений. Ни то, ни другое невозможно, если язык жестко ограничивает все слова их корневой формой, не допуская возможностей внешней аффиксации и не оставляя места для внутренних изменений» [Гумбольдт, 1984:120]. Здесь речь идет, как понимаем, с одной стороны, о флективных языках, с другой стороны, об изолирующих языках. Великий гуманист подчеркивал то, что языки различаются по структуре и внутренним механизмам регулирования лексики, служащей оформлению высказывания в потоке речи. Отсюда вытекает, что изучение особенностей языкового строя языков возможно лишь путем их типологического сопоставления. Каковы основные направления такой типологии и в чем состоят ее важные результаты для современного описания внутренних языковых явлений – попробуем разобраться дальше.

Итак, основная задача типологии заключается в следующем – ответить на вопрос: как (чем) языки отличаются друг от друга?

Так называемая, *КАК-типология* разрабатывает таксономию – классификацию языков по всевозможным параметрам.

Для таксономии требуется:

1) Отбор параметров (оснований для классификации), по которым проводится сравнение языков (например: морфологическая структура слова).

2) Установление типов возможностей реализации каждого конкретного параметра в разных языках, т. е. установление классов языков по данному признаку (например: изолирующий, агглютинативный, флективный способы построения слова).

В. Гумбольдт различал флективный, агглютинативный, изолирующий и инкорпорирующий типы (классы) языков. В первых двух широко представлена аффиксация. Однако здесь имеются существенные различия: так, значения агглютинативных аффиксов –

это отдельные и однозначные граммы (напр., в каз.яз. в слове ара – лар- мн.ч., а –га – дат.падеж), а флективные аффиксы связаны с совокупностью (сочетанием) грамм: аралар – пила (им.п. мн.ч. и твор.п. ед.ч.), арага – пиле (дат.п. ед.ч., вин.п.).

К агглютинативным языкам относятся тюркские языки (турецкий, киргизский, казахский, азербайджанский, татарский и т.д.), корейский, японский, грузинский, языки финно-угорской группы (чувашский, финский, марийский, венгерский и так далее), некоторые африканские и искусственные языки.

К флективным (фузионным) относят практически все индоевропейские языки: латинский, литовский, ирландский, немецкий и многие другие. Славянские языки также относятся к флективным языкам.

Кроме того, различают аналитические и синтетические языки по внутренним признакам выражения грамматического значения в языках.

В синтетических языках грамматические значения выражаются в пределах самого слова (аффиксация, внутренняя флексия, ударение, супплетивизм), то есть формами самих слов.

К синтетическим языкам принадлежат, например, все славянские языки (кроме болгарского), санскрит, древнегреческий, латынь, немецкий, якутский, суахили и др.

Особую проблему составляет соотношение в языках изолирования и аналитизма. Это особо актуально для германских языков, как английский и африкаанс. Полное отсутствие в них словоизменения (окончаний, суффиксов, приставок и т. д.), при этом передача грамматических значений - посредством служебных слов (предлоги, модальные глаголы и т. п.) и фиксированный порядок слов и/или интонационные вариации требуют уточнения критериев морфологической классификации в связи с наличием аналитического типа словоизменения.

К языкам аналитического типа относятся все романские языки, английский, болгарский, новоперсидский, датский и др.

Классический пример различия аналитических и синтетических языков:

Англ. I love you может быть правильно воспринята только при такой последовательности слов. Нельзя сказать Love you I или I you love.

Рус. «Я тебя люблю» может достаточно легко трансформироваться в «Тебя люблю я», «Тебя я люблю» и так далее, потому что грамматические значения находятся внутри самих слов и не зависят от положения в предложении.

Итак, в зависимости от того, какие способы преобладают, различают языки аналитического и синтетического строя. Важно отметить, что чистых аналитических или синтетических не существует. Так, в аналитическом английском число в существительных отображается с помощью окончания *-s*.

В изолирующих (аморфных, односложных, корневых) языках ведущим грамматическим средством служит порядок слов и интонация. Так, в китайском языке одно и то же определяющее слово может в зависимости от положения от определяемого выступать и как определение, и как предикатив: например, *leng tianki* – холодная погода, а *tianki leng* – погода холодна. Время, число, лицо должны передаваться отдельными словами типа: вчера, сегодня, много, а также порядком слов. Таким образом, яркий пример изолирующего языка – китайский. В нём совершенно отсутствует спряжение глаголов и склонение. К изолирующим относятся и другие азиатские языки: лаосский, вьетнамский, кхмерский.

Подобные изолирующие языки еще называются аморфными. Термин «аморфный» в строгом смысле может быть отнесен лишь к так называемым корнеизолирующим языкам, поскольку они в полном смысле лишены формы слова, в них нет не только формы словоизменений, но и форм словообразования, предложения же представляют собой последовательность неизменяемых корней, границы которых совпадают с границами слов... Частей речи в этих языках нет. Однако Гумбольдт считал, что «вообще нет языков, лишенных формы». Любой язык, в том числе и китайский, по его мнению, имеет форму, складывающуюся из словоформ, однако не сводимых к ним. Он писал, что «под формой языка разумеется отнюдь не только так называемая грамматическая форма.... Понятие формы языка выходит далеко за пределы правил сочетания и даже словообразования» [Гумбольдт, 1984: 72]. В этом спорном вопросе мы займем позицию В.П.Даниленко, который доказывал, что понятие формы слова или словоформы является общеграмматическим. Оно не сводится лишь к морфологической разновидности. В предложении слово демонстрирует три формы – лексическую, грамматическую и синтаксическую. Таким образом, в коммуникации слово подчинено

трем видам деятельности – лексикализации (выражение целевого смысла), морфологизация (целенаправленная корректность формы слова), синтаксизация (акцент на роль и членство в предложении) [ср.: Даниленко, 2000: 58–66].

Инкорпорирующие языки не всегда в классификациях выделяются. Важнейшая черта таких языков – нечеткое разграничение словоформы и предложения. Сюда относятся чукотский, корякский, индейские языки.

Предложение является сложным комплексом с включением служебных частей в виде лишенных морфологического оформления лексических элементов. Например, чукотское *г-ача-каа-нмы-лен* «жирного оленя убили» здесь: *г-* и *-лен* служебные элементы со значением прошедшего времени и 3 л. мн.ч., а между ними инкорпорированы *ача*, *каа* и *нмы* означают «жир», «олень» и «убийство».

Этот тип языков называют полисинтетическими — те, в которых все члены предложения (полная инкорпорация) или некоторые компоненты словосочетания (частичная инкорпорация) соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них. Другими словами, целое предложение может оказываться внутри одного массивного слова, несущего как основную информацию, так и дополнительные оттенки эмоциональные и смысловые.

При внешнем объяснении сущность-следствие и сущность-причина являются объектами разной природы. Так, кажущийся произвольным предпочтительный порядок категорий в глагольной словоформе: *корень + вид + время + наклонение* объясняется тем, что в значении каждой из данных категорий имеется переменная, которая заполняется значением той морфемы, которая непосредственно ей предшествует в глагольной словоформе.

Например, в русс.: *с-дел-ал*.

По идее противопоставление внутренних/внешних относительно, на самом деле, их можно считать только внутренними, т. е. апеллирующими к внутреннему устройству языковой системы.

Другой важный вопрос, стоящий перед сопоставительной типологией языков – объяснить каузативный фокус особенностей внутренней деятельности языков. Такое разноплановое и далеко разбросанное поле выражения словообразовательных, словоизменительных и слово соединительных способов не может быть хаотичным и может объясняться определенными причинами. Поэтому

оправданным является существование так называемой *Почему-типологии*.

ПОЧЕМУ-типология основывается на фундаментальной гипотезе о функциональной мотивированности в языке:

Язык для осуществления своего предназначения должен иметь не произвольную природу (структуру), а именно такую, которая оптимально была бы согласована со способами его использования.

Эта гипотеза, если она верна, объясняет, почему объяснительные цели ПОЧЕМУ-типологии невозможно одной таксономией достичь, они требуют функционального, ориентированного на деятельность подхода в исследованиях.

Необходимо перейти к новой фазе – к динамической типологии.

Несколько существенных черт динамической модели, согласно Кибрику.

1. Связь языкового поведения человека с прочими видами поведения.

Во-первых, устройство языкового механизма и способов его варьирования объяснять такими прагматическими факторами:

- принцип гештальта – организуй свое поведение при помощи гештальтов (Лакофф)

- принцип экономии - достигай цели с наименьшей затратой сил (Пешковский)

- Принцип приоритета – из нескольких альтернатив выбирай приоритетную (Кибрик)

- Принцип динамического стереотипа – запоминай полезные связи между явлениями как единый автоматически обрабатываемый комплекс (Хьюман)

Во-вторых, объяснять формирование языковых способностей под воздействием языковых потребностей. Здесь важны:

- когнитивная способность, обеспечивающая мыслительную деятельность,

- перцептивная способность, связывающая человека с окружающей действительностью,

- коммуникативная способность, регулирующая поведение в коммуникативной среде,

- социальная способность, регулирующая поведение в социальной среде.

При поиске релевантных смысловых единиц-параметров (цветовые обозначения, оппозиция имен и предикатов,

множественность, семантические роли, каузативность, перформативность предикатов и т.п.) рано или поздно надо обратиться к экстралингвистическим прототипам, к концептуальным мыслительным схемам, к коммуникативным намерениям, к модели сознания участника речевого акта.

Оправдывает себя метапринцип иконичности:

- При прочих равных условиях, кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен этому опыту (Гифон).

Простота языка обеспечивается за счет общности стратегий, приводящих в действие отдельные языковые механизмы, со стратегиями другого поведения человека.

2. Динамический метод в типологии основан на:

- неполной детерминированности по сравнению с полной детерминированностью (если..., то обязательно (не) сделай так);

- множественности языковых процессов для одного и того же речемыслевого намерения;

- наличию устойчивых идиоэтнических типовых блок-схем (гештальтов).

Итак, динамическая типология не отрицает, а вбирает все позитивные результаты таксономической типологии. Сегодня доминирует ПОЧЕМУ-типология, а ее методологическим ядром является – динамический подход.

Итак, все вышеописанные теории типологии и модели грамматического анализа важны с точки зрения более детального и глубокого осмысления языковых факторов в сравнительном аспекте. Опираясь на типологические классификации в морфологии различных языков, можно вывести современные тенденции внутренних процессов, ведущих к изменению лексического состава и функциональной активности номинативной деятельности современных языков в условиях их сопоставления с тем, чтобы определить универсальность и уникальность языковых фактов.

Грамматические явления в языках могут изучаться разными способами. Так, в теории системных исследований грамматики, как пишет А.В.Бондарко, существуют моносистемный и полисистемный виды анализа [Бондарко 2004:5-6]. Моносистемный анализ предполагает выделение отдельных подсистем, объединенных единством признаков, полисистемный – направлен на изучение языковых фактов, содержащих не только однородные, но разнородные

элементы. При моносистемном анализе доминируют вопросы «как устроена система?», «каковы признаки ее компонентов?», «каково содержание анализируемых форм и конструкций?».

Вслед за А.В.Бондарко, можем настаивать на том, что в традиционной грамматике преобладает моносистемный (системно-дифференцирующий, уровневый) анализ грамматических единиц, классов и категорий морфологии и синтаксиса, т. е. грамматических форм слова и синтаксических конструкций с однородным содержанием. Отсюда вывод: традиционная грамматика – это грамматика уровневая и исходно-формальная, описывающая языковой материал по принципу *от формы к значению*.

При проведении комплексных исследований моносистемный анализ может доминировать, но не всегда являться единственным способом получения знаний об объекте. Так, к примеру, рассмотрение функций морфологической категории в синтаксисе – это уже есть выход за границы очерченной подсистемы морфологии и рассмотрение взаимодействий в рамках грамматической системы языка в целом. И таких задач исследователь может ставить перед собой достаточно много.

Полисистемный анализ изучает разноуровневые элементы языка (морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические) в их разнообразных сочетаниях и взаимосвязях. Здесь речь идет уже о принципах функциональной грамматики, изучающей элементы языка в условиях системной интеграции. Тут важным становится поиск ответов на следующие вопросы: «как функционируют языковые средства?». «какими средствами выражается содержание в речи?», «как выстраивается функционально-семантическая система?», «каковы закономерности взаимодействия изучаемых категорий в речи?».

Полисистемный анализ позволяет вывести на новый уровень изучение грамматических категорий и рассматривать их в аспекте функционально-семантических полей разного вида, например, исследование морфологических, синтаксических и лексических средств для выражения семантики темпоральности.

Полисистемный анализ, по утверждению А.В.Бондарко, является одним из признаков функциональной грамматики, которая связана с подходом «от семантики к средствам выражения» [Бондарко 2004: 7].

В традиционной и функциональной грамматике важным является понятие грамматической категории, которая может использоваться

для анализа языков разных типов. Грамматическая категория относится равно к морфологии и синтаксису. Под грамматической категорией понимается система грамматических форм (морфологическая категория) или типов синтаксических конструкций (синтаксическая категория), объединяемая обобщенным значением, представляющим собой родовое понятие (наклонение, время, лицо, число и т.п.) по отношению к значениям отдельных видовых компонентов (разные наклонения, времена, лица, числа и т.д.) данной категории [ср.: Бондарко 2004: 9].

Таким образом, разная морфологическая и синтаксическая составляющая языков может все же быть подведенной в одно русло аналитических исследований, используя единые понятия и подходы.

Основным научным подходом в сравнительном исследовании может быть выбрано типологическое наблюдение разнородных языков, реализации подлежат в таком случае контенсивная, инвентаризационная и импликационная типологии. Контенсивная типология ориентирована на анализ семантических категорий и способов их выражения в языках. Инвентаризационная типология имеет целью констатировать структурные сходства и различия в сравниваемых языках. В задачи импликационной типологии входит интерпретация систем языков в плане совместимости-несовместимости структурных характеристик и определение сообразности словообразовательных уровней языков.

Итак, как изложено выше, есть много разных подходов к изучению грамматического строя языков в типологическом плане. Именно сравнительно-сопоставительный анализ может дать возможность изучения состояния и имеющихся векторов развития родного языка. В этом видится великое значение научных методов познания.

Типология лингвистических номинаций

Разберемся с понятием номинации. Этот термин, как и многие другие в лингвистике, не отличается строй однозначностью. В одном лишь словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой находим три значения. Номинация понимается как процесс наименования и как результат этого процесса, т.е. само наименование. Такое понимание является распространенным и отражает лексическую полисемию в терминологии. Многие термины в лингвистике понимаются именно

так – как процесс и результат, поэтому в дальнейшем мы будем понимать этот термин также в этих двух ипостасях – как действие (механизм, алгоритм) и как результат (языковая единица, номинация), как того и требует, на наш взгляд, бинарность этимологического значения термина лат. *nominatio* - «1.наименование, 2.дача имени».

Базовый уровень номинации – имя существительное, оно признается ядерным и основным типом номинации. В.Г.Гак пишет, что все другие номинации, которые подключаются в круг отношений «имя существительное – предмет», могут расцениваться как периферийные, производные разновидности номинаций [Гак 1998:313]. Отвечая на вопрос, как быть с другими номинациями, выражающими качество, отношения, процессы, действия, события, состояния, чувства, эмоции и другое, что связано с мировосприятием человека, ученый говорит о необходимости в содержательном аспекте понимать номинацию как обозначение всего отраженного и понимаемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого. Мы полностью разделяем такую позицию, и понимаем под номинацией, таким образом, любое наименование в языках, имеющее смысл для успешной жизнедеятельности человека, его понимания окружающей действительности.

Еще один пункт, где мы разделяем точку зрения известного ученого, касается того, что грамматические средства имеют номинативную функцию. Грамматическое средство (словообразовательное, словоизменительное, служебное слово, словоформа), являясь морфологическим явлением, способствует указанию на признак объекта, вследствие чего и формируется лексическая номинация. В противном случае номинация не может состояться и вовсе. Так, к примеру, различие пола лица в немецком и русском языках происходит через наличие необходимого суффикса – *Arbeiter/Arbeiterin; продавец/продащица*. Или в следующем примере можно наблюдать словоизменительные аффиксы, ведущие к смысловому различению: *Үйде емес, үйдің артында*.

Процесс номинации - сложное явление, включающее в себя несколько компонентов. Согласно В.Г.Гаку, основными компонентами являются: *номинатор, номинанты, адресат, номинат*. Все компоненты находятся между собой в отношениях социального фактора информативности и субъективного фактора. Каждый их аспектов номинации может быть выделен в качестве типологического параметра и изучаться отдельно. К изучению добавляется внешняя

форма, функция и иерархия номинаций. Предлагается формировать «типологию типологий» номинации по следующим аспектам:

1. Иерархия номинаций
2. Функция номинации
3. Именуемый объект (номинат)
4. Структура (внешняя форма) наименования
5. Способ номинации (в т.ч. внутренняя форма)
6. Именуемый объект (с учетом социального фактора, информативного аспекта и субъективного отношения к объекту номинации)
7. Соотношение номинации с другими в парадигматике
8. Соотношение номинации с другими в синтагматике.

Каждый из указанных параметров может рассматриваться как аспект специального лингвистического наблюдения в типологии. Так, иерархия номинаций выделяет первичные и вторичные наименования (примарные и секундарные имена) на основе выделения исходных и производных (деривативных) единиц номинации.

Функция номинации различает языковые и речевые номинации. Традиционно семантический треугольник различает три компонента: денотат (предмет), сигнификат (понятийная соотнесенность объекта номинации) и коннотат (дополнительный компонент с качеством оценки). Такой же анализ можно применить к значимым грамматическим морфемам и конструкциям. Номинатом в языковой системе является сигнификат – мыслительный конструкт, ассоциативный элемент с экстраполяцией признаков на внелингвистические объекты. На этой основе слово обобщает, абстрагируя от конкретного объекта, исключая его индивидуальность. Примеры: *Äpfel duften aromatisch*. Алмалардың хош исі бар. Яблоки имеют вкусный запах.

В актуализированной речи объектом номинации является денотат – реальный предмет, лицо, признак, действие, чувство и пр., несущее важную информацию на момент совершения речи. *Dieser Mensch ist klug*. Мына адам ақылды екен. Этот человек умен.

Объект номинации может быть элементным и событийным (ситуативным). Элементная номинация обозначает определенный элемент реальности: конкретный предмет, качество, процесс, отношение или мыслимый объект. Номинантом может быть слово или словосочетание, свободная морфема, синтаксема, интонема. Событийным номинантом может быть событие, факт, выражаемые

посредством предложения (пропозитивная номинация). Здесь оба элемента находятся в отношениях целого и частного. Предложение рассматривается как одна речевая единица (знак). Взаимоотношения двух типов номинаций можно представить так:

Таблица 1.

Объект номинации	функция	
	языковая	речевая
элементная	Слово в языке (лексема)	Слово в речи
событийная	Модель предложения	высказывание

Слово в языке именуется, не указывая на актуальную (социальную, эмоциональную и пр.) информацию в отличие от слова в речи. Например: *der Freund – mein lieber Freund*; *жолдас – жолдасым менің*; *друг – друг мой дорогой*.

Внешняя форма номинаций выражается в самостоятельных (лексических) и несамостоятельных (грамматических, интонационных) средствах. Несамостоятельным способом могут обозначаться массовые классы предметов, качества, отношения и пр. Например, разница в возрасте, объеме, росте и пр. Может выражать грамматически: *das Kalb/das Kälbchen*, *күлын/күлыншак*; *теленек/теленочек*.

Для событийных номинантов используются обе формы:

Номинант	Прямая номинация
Элемент ситуации (пр.: стекло)	Знаменательное слово (застеклить)
Сложный элемент (пр.: столовая)	Словосочетание (столовая комната)
Ситуация (событие) (пр.: смех)	Простое предложение (кто-то постоянно смеется)
Событие в отношении (пр.: сон после обеда)	Сложное предложение (кто-то не пришел из-за ритуала послеобеденного сна)

Способ обозначения может различаться 1) по связанности или обособленности номинации; 2) по внутренней форме (признак, семантический образ в основе); 3) по связи внешней структуры и значения слова (мотивированность). Первые содержат расчлененные и нерасчлененные наименования: *Fräulein* (Frau), *куда-ги* (куда), *директ-риса* (директор). Нерасчлененные: *Affe* (Affe), *төрайым* (төраға), *кобыла* (кобыла). Непосредственные/опосредованные номинации характеризуются непосредственным и косвенным

отношением к обозначаемому объекту. Например: непосредственно – имя собственное, нарицательное, прилагательное и др. – *Fischer sitzt am Ufer/Мағрипа осында/Отец* читает книгу. Опосредованно: *Jener weiss nichts/ Бұл қайдан келген/ Он* не знает ничего.

Внутренняя форма отражает признак, семантический образ обобщенно или индивидуализируя, опрощенно или осложненно, кваликативно или релятивно. Например: *Правительство – Министр просвещения* (Гани Бектаевич); *тащить* (опрощение, семантическая узость) – *нести* (сложно, многозначно); *молодой человек* (признак) – *мой сосед* (состояние).

Связь структуры с обозначаемым номинатом называют мотивом номинации. Номинация бывает мотивированной и немотивированной на основе проецированности к исходной основе. Сложные слова зачастую мотивированы, потому что восходят к производящему слову: *Ehr-geiz, көш-басшы, свино-пас*. Мотивированные делятся на абсолютно мотивированные (*вход-ная* дверь), относительно мотивированные (*спа-льня*), частично мотивированные (*бужен-ина*), прямо мотивированные (*ледо-кол*), косвенно мотивированные (*извергать*) и др.

Субъект номинации и адресат выражаются в прагматическом аспекте. Отношение может быть объективным и оценочным. В речи выражается через синонимы, гиперо-гипонимы, метафорометонимические переносы и др. (парадигматика): *arbeiten - schöpfen; жұру – сандалу; упасть – шлепнуться*. Синтагматически обусловленная номинация выбирается в зависимости от наименования другого номината, семантически связанного с объектом. Например: если человек, то глагол *идти* (*gehen, жұру*), если птица, то – *лететь* (*fliegen, ұшу*), если рыба – то *плыть* (*schwimmen, жүзу*) и т.д. Таким образом, здесь речь идет о семантическом согласовании номинации на уровне речи.

Итак, типология номинаций имеет многомерность, широту структурного и семантического выражения, связанность во внутренней и внешней форме, а также подвержена уникальным и универсальным признакам и механизмам функционирования на уровне системной парадигматики и функциональной синтагматики.

Грамматика и текст

Грамматические явления, в частности словообразовательные функции и деятельность словообразования в процессе коммуникации, а также стилистические проблемы грамматики и словообразования относятся к наименее изученным в современном языкознании. Специалистами рассмотрены только те, которые наиболее доступны наблюдению.

Актуальность перечисленных проблем грамматики и словообразования заключается, однако, не только в их слабой изученности, но, прежде всего, в их значении как для стилистики, так и словообразования, а шире – для теории грамматики языка. Они имеют и практическое значение для формирования культуры речи, как носителей языка, так и тех, для кого тот или иной язык является неродным.

Основанием для специального выделения стилистического аспекта грамматических явлений, в частности словообразования является, с одной стороны, специфика построения стилистических категорий, базирующихся на использовании разных форм языкового содержания (парадигматика и инвариантность лексем); с другой стороны – специфика словообразования как источника постоянного пополнения языка неологизмами, как системы, механизм которой обладает огромными возможностями лексической вербализации реального содержания, а следовательно пополнения языка новыми вариантами стилистических форм. В связи с этим словообразование и является одной из основ построения стилистических категорий в текстах разных функциональных стилей.

В целом исследование любого из живых языков и его внутренних процессов наиболее полно проявляется в плоскости уровневого анализа. Как известно, к наивысшему уровню языка причисляют текст, в котором наблюдается функциональная активность всех уровневых признаков отдельного слова или словосочетания. Поэтому и грамматика, как один из основных уровней языка, определяющий строение и оформление речевого оборота, наиболее полно раскрывается в своей деятельности именно в тексте. Рассмотрим эту тему подробнее.

В современной лингвистике понятию текста уделено немало внимания. Существует более 400 определений этого понятия. Текст – особый вид высказывания, обладающий способностью

воспроизведения на основе грамматических и лексических закономерностей. Текст не есть хаотическое нагромождение единиц разных уровней, а упорядоченная система, в которой все взаимообусловлено и взаимосвязано.

Текст, таким образом, организуется как устойчивое построение, имеющее целью более или менее длительное существование. Воспроизводятся лишь грамматические схемы, формулы – модели, создающиеся в течение длительного исторического развития языка. Воспроизводятся типы предложений и словосочетаний, состоящие из словоформ из различных синтаксических парадигм.

Лексическое наполнение не воспроизводится, а каждый раз определяется заново с учетом коммуникативной установки говорящего. Строение текста подчинено концептуально-тематическому содержанию.

Многообразие форм построения текста вытекает из множества концептуально-тематических установок, что ведет к отбору лексических и грамматических средств из общего языкового фонда, иногда к созданию новых слов и даже новых вариантов грамматических структур (ср.: рекламы, СМИ и т. д.).

Существует необходимость создания новой науки, изучающей текст и его строение – теорию текста. Наука о текстах становится пролонгированной лингвистикой. В объективной реальности языка текст существует как законченное целое (письменный, устный, монологический текст или диалог), имеющее начало, развитие и конец, позволяющее сделать заключение реализации обмена целеполагающей информацией.

Но растворять грамматику в теории текста нет оснований. Она имеет своей законное место в реализации языковой коммуникации. Поэтому нужно искать места соприкосновения двух важных понятий – грамматики и текста и выяснить роль и соположение их относительно друг друга. О том, что грамматика есть самостоятельное учение о языковом строении и функционировании языковых средств для выражения мысли и обмена суждениями, нет никаких сомнений. В то же время, как справедливо задает вопрос М.Я.Блох [Блох 1986: 114], «должна ли наука грамматика распространить область своих интересов и на текст как целое, на текст как конечный результат речетворческой деятельности» человека? Ответ, как пишет ученый, дает сама действительность развития языкознания. «...Грамматика не может отрываться от того, что составляет самую сущность языка как

системы средств выражения: она изучает текст лишь с точки зрения языковых средств его образования, вылуцывая их из текста-продукта, текста – развертывающегося или готового произведения речетворчества» [там же].

Самой устойчивой единицей языка является предложение. Предложение рассматривалось грамматистами прошлых лет как высший грамматически организованный сегмент языка. Такое представление предложения в грамматике сохранилось до раннего этапа современной лингвистики. Наиболее четко данная мысль отражена в известном положении Л. Блумфилда о том, что «предложения в любом высказывании разграничиваются уже в силу того простого обстоятельства, что каждое предложение – это независимая языковая форма, не включенная посредством той или иной грамматической конструкции в какую-нибудь более сложную языковую форму» [Блумфилд 1968: 178–179]. Предложение может воспроизводиться без опоры на контекст или ситуацию. Предложение может выступать не только в текстах, но и в разовых высказываниях, спонтанных и не рассчитанных на воспроизведение.

Отсюда вывод: предложение есть основная единица грамматического строя. Итак, ответив на вопрос о грамматической релевантности понятия «целый текст» как совокупности форм выражения смысла, необходимо определить, какое место в грамматическом изучении текста должно занять предложение. В современных трудах, связанных с изучением текста, имеются разные суждения по этому поводу и есть попытки сместить предложение на роли «языковой модели», выявляющейся лишь во внутренней структуре текста. А текстообразующими элементами в устной речи объявляется синтагма как смысловой сегмент, выделяемый фонетическим членением речи, а в письменной речи – сверхфразовое единство (СФЕ). Вместе с тем, как утверждает М.Я.Блох, «ни одна из «истинных» единиц текста, указываемых в качестве альтернатив предложению, не располагает собственными средствами предикации» [Блох 1986:114]. Согласимся с автором, что вне предложения текст никак не выражает смыслы и не содержит суждений и умозаключений, а значит не может быть полноценным средством отражения действительности.

Именно предложение – есть минимальная единица текста – «наименьшая речь» (Платон), «минимальное речевое произведение»

(А.И.Смирницкий), «предикативно-оформленная единица сообщения» (М.Я.Блох).

В зависимости от стилистики текста существуют приоритеты тех или иных грамматических форм. Но такое взаимопроникновение текста и грамматики не отменяет их самостоятельности.

Тексты науки, техники не определяют синтаксических компонентов в предложениях. Они определяются общими грамматическими чертами этих функциональных стилей.

Малоформатные тексты в виде пословиц и поговорок являются готовыми конструкциями, языковым шаблоном, воспроизводимым по памяти спонтанно. Есть импровизированные тексты (изложение, сочинение, эссе, выступления и т. д.), которые варьируют грамматическими формами. Импровизированный текст предполагает разовое произнесение отрезка речевой цепи и, строго говоря, не обладает признаками текста. Основной принцип текста – его воспроизводимость как конкретной целостности. Особым видом является интерпретация текста, перевод, когда грамматической структуре оригинала дается другой, в т. ч., иноязычный эквивалент. Здесь можно говорить о частичной или неполной воспроизводимости.

При всей разнородности сфер текстов в грамматической сфере существует изоморфизм, затрагивающий структуру текста и структуру предложения. Это зависит от естественности языка, его изменчивости и функциональной многозначности.

На каждое слово и каждое выражение в речевой цепи накладывается несколько смысловых слоев, что образует т. н. подтекст, «вертикальный текст» (Арутюнова).

Сфера текста и грамматики тесно взаимосвязаны, но все же различны.

Текст – это в высшей степени многообразная, целевая, исторически и функционально изменчивая единица социальной и коммуникативно-когнитивной практики. Текст имеет закономерности построения, которые можно изучать лингвистическими методами.

Сверхфразовые единства существуют во взаимодействии с отдельными предложениями, которые остаются высшей единицей грамматического строя языка.

А.А.Реформатский приводит интересный пример о том, как два римлянина поспорили, кто из них скажет или напишет самую короткую фразу. Один сказал (написал): *Eo rus* (эо рус) – «Я еду в деревню», а другой ответил: *I* (и) – «Поезжай». Реформатский пишет,

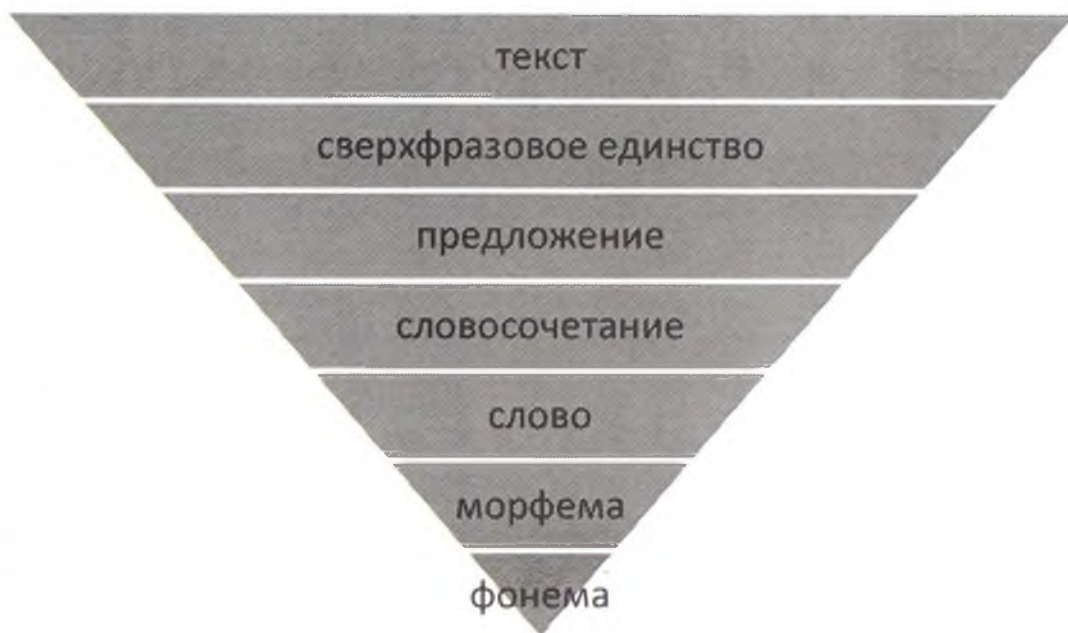
что это самые короткие фразы (написание), которые можно себе представить. Но что в них заключено?

- 1) [i] – это звук, т. е. фонема.
- 2) i – это корень слова (морфема).
- 3) i – это слово (глагол в повелительном наклонении).
- 4) I — это предложение, сообщение.

«Маленькое» I включает в себе все, что составляет язык вообще: 1) звуки, буквы (фонетика); 2) морфемы (корни, суффиксы, окончания) (морфология); 3) слова – лексика; 4) предложения – синтаксис. Больше в языке ничего не бывает и не может быть» [Реформатский 1955:21]. Для того, чтобы глубже понять роль и функционирование данных единиц, существующих в языке, рассмотрим уровневую структуру, составляющую основу языковой системности.

Ярусную (уровневую) иерархию в языке можно условно представить в виде некой перевернутой пирамиды, как показано ниже на Рисунке 1.

Рисунок 1. Полная уровневая иерархия в языке

Итак, базовым и наименьшим сегментом языка является фонема. Морфема, слово, предложение составляют сегментные значимые единицы языка, имеющий каждый свой набор функций. Все сегментные единицы языка соотносятся друг с другом так, что большие сегменты делятся на более мелкие, причем данное деление

обнаруживает ранговый или ярусный характер. Так, высший уровень составляет текст, содержащий тематически и логически выстроенный комплекс фразовых предложений, объединенных целью речевого высказывания; сверхфразовое единство содержит отдельные предложения, объединенные единой темой; предложение, как комплексный сегмент раскладывается на словосочетания, словосочетания – на отдельные слова, слова делятся на морфемы, а морфемы – на фонемы. Так выглядит иерархия уровней языка, когда единицы более низкого уровня формируют единицы более высшего уровня.

Нижний исходный уровень языка составляют фонемы, образующие материальную форму, звуковой форматив, «оболочку» для единиц более высокого уровня, не обладая при этом определенным смыслоразличительным содержанием. Фонемы не являются знаковыми сегментными единицами языка.

Над фонемным уровнем располагается морфемный уровень. Морфема есть элементарная значимая часть слова. Она состоит из фонем, причем простейшие морфемы содержат лишь одну фонему. Ср.: рус. *стол, даль*; англ. *mist-y, speak-s*; каз. *жау, кел*; нем. *braun, kalt*. Как видно из этих примеров и в других практических применениях, морфема выражает прямые денотативные, абстрактные сигнификативные (отвлеченные), переносные коннотативные и в целом на уровне речи референциальные (дискурсивные) и номинативные значения.

Следующий - лексический уровень языка охватывает слова (лексемы). Слово – это ключевая номинативная единица языка, называющая предметы, явления, действия, признаки, качество и отношения в пространстве и действительности. Слово строится из морфем, элементарное слово состоит из одной морфемы (Single). М.Я.Блох пишет, что при этом надо учесть, что именно слово является одно морфемным по составу, а не морфема выступает в роли слова. В доказательство этому положению, находим у автора следующий ряд примеров с формой *but*, выступающей в разных грамматических категориях в английском языке и при этом проявляющей разные лексические значения, что свойственно только слову. Сравним: *last, but not least* (союз); *there was nothing, but firelight* (предлог); *but it's what you like* (частица); *those words were but excuses* (наречие); *but do much the same* (местоимение); *that was a large but* (существительное); *his*

repeated *but*s are really trying (существительное во множественном числе) [Блох 1986: 45].

Следующим уровнем является уровень словосочетаний (фразем, синтагм). Под словосочетанием понимается, как правило, смысловое и грамматическое сочетание двух или нескольких полнозначных слов (при необходимости с участием служебных слов) для обозначения предметов, явлений или отношений окружающей реальности, т. е. реализующие номинативную функцию. Словосочетания могут быть фразеологически устойчивыми (*Live and learn; Good luck; чуть кондратий не хватил; құдай басқа салмасын*) и свободными - самостоятельно лексическими, например: *голубое небо, добро пожаловать, письмо маме*, либо синтаксическими в составе предложения, например: *провели вечер хорошо, очень быстро бежали, известное его произведение*.

Над уровнем словосочетаний находится уровень предложений (предикации). Предложение – это минимальная единица языка и речи, состоящая из одного или нескольких слов (словосочетаний), связанных между собой семантически и грамматически для выражения некоторой законченной мысли или описания некоторой ситуации и отражения отношения мысли к действительности (предикация). Предложение представляет собой структурно-функциональную модель, выражающую комплекс коммуникативных (дискурсивных, референциальных) значений. Предложение может иметь множество простых и сложных конструкций, между которыми устанавливаются свои иерархические соотношения (ср.: Блох 1986:47).

Сверхфразовые единства образуются рядом отдельных и самостоятельных предложений, связанных при помощи кумулятивной (накопительной, суммирующей) связи. Другими словами, сверхфразовые единства – есть синтаксически связанная последовательность самостоятельных предложений с широким семантическим спектром в рамках определенной коммуникативной ситуации.

Текст как целое, являясь конечной фазой реализации функций элементов языка в речетворчестве представляется знаково-тематическим явлением: для раскрытия определенной темы все языковые единицы и средства их связи функционируют в системном режиме, подчиняясь структуре и соположению в информационном единстве.

Вместе с инвентаризацией единиц выявляется характер структурных связей между единицами того или иного уровня. Различаются два типа отношений: ассоциативные (по Л.Ельмслеву, парадигматические) и синтагматические.

«Парадигма – это классификационный ряд, в котором иерархические отношения возможны, не необходимы», - пишет В.Г.Адмони [Адмони 1988:118]. В целом парадигма есть линейное образование. Парадигматические отношения связывают группы единиц, более или менее однородных, близких по функции, например, формы склонения одного и того же существительного (работа, работе, работу и т.д.), спряжения глагола (работаю, работаешь, работаем и др.), либо аналогичные по значению (работать, творить, созидать и др.), противоположные (спать-работать) и т.д. Парадигматическая структура может выступать в форме поля – грамматические поля, грамматико-лексические поля (Е.В.Гулыга, Е.И.Шендельс), семантико-функциональные поля (А.В.Бондарко). Из таких парадигм, хранящихся в памяти говорящих и слушающих, выбирается отдельная, связанная по форме и содержанию единица для построения высказывания.

Р.Якобсон называет эти отношения отношениями выбора, селекции. Они играют класс образующую роль [Якобсон, 1985].

В области языковой парадигматики проявляется дублирование языковых единиц (синонимы, дублиеты, варианты, гиперо-гипонимы) и средств языкового выражения (грамматические категории). Отдельные ученые оценивают дублирование в парадигматике как «бесполезную перегруженность» и считают, что «в идеале не требуется иметь более одной формы для передачи некоторого функционального значения» [Блох 1986:36]. С этим можно как согласиться (однозначность всегда оправданна), так и не согласиться, так как для говорящего язык должен предоставить возможность выбора того языкового средства, которое наиболее точно будет соответствовать выражению цели высказывания. Например: *идти по улице* или *тащиться по улице* никак не однозначны по силе высказывания и деталям семантического отражения формы действия. Это важно для достижения цели высказывания.

Но вместе с тем, наличие вариантов слова может иногда приводить в замешательство при изучении языков, в особенности, если речь идет о нормативном использовании, закреплённом в словарях. Так, к примеру, в немецком языке словарь Duden дает слову

неофициальный два правильных варианта: *unoffiziell* и *inoffiziell*, здесь уже необходимо изучить этимологию вариантов и исходить из наиболее употребимого слова. Такие случаи в языках немногочисленны. Они в действительности являются избыточными и привносят определенную хаотичность в лексический строй языка, а потому такие дублетные варианты со временем теряют абсолютную взаимозаменяемость в силу изменения объема значений и сфер функционирования слов. То же касается и абсолютных синонимов в языках, которых не так много (рус.: век/столетие; азбука/алфавит; копир/ксерокс; каз.: кішкентай/каршадай/жұдырықтай; қарыз/парыз/борыш; нем.: Telefon/Fernsprecher; Perron/Bahnsteig; Sonnabend/Samstag; Beifall/Applaus).

Роль антонимов и слов с противоположным значением (оппозитивов) в парадигматике языка огромная. Это, в первую очередь, слова, выражающие несовместимые действия, противоположное качество или признак, прямо противоположный смысл. Антонимы бывают разные по виду: контрарные (градуальность: *быстрый-умеренный-медленный*); комплементарные (отрицание утверждает наличие другого: мужчина-женщина; брать-давать); контррадикторные (взаимоисключение: жизнь-смерть).

Гиперо-гипонимические отношения выражают наличие тематических групп с архисемой во главе: дерево → ель, береза, кедр, тополь; цветок → лепесток, стебель, тычинка, пестик, корень. Все эти слова передают детали относительно основного слова и служат для более точного высказывания в условиях речевой коммуникации.

Таким образом, парадигматические отношения в языке служат смысловой и тематической систематизации лексики и являются неотъемлемым компонентом грамматической организации выражения смысла. Поле в грамматическом смысле – это некоторое количество различных взаимодействий между сходными и несходными языковыми явлениями, связанными одним общим признаком. Взаимоотношения между отдельными словами в парадигме могут наслаиваться друг на друга и объединяться, выражая какое-то усложненное общее значение или выполняя общую функцию, дополняя и уточняя друг друга (Пример: *Я приеду в четверг поздно вечером* – здесь все компоненты, кроме первого, выражают темпоральность).

Синтагматические отношения – это непосредственные отношения элементов языка в сегментной (линейной)

последовательности. Синтагматические отношения связывают между собой составляющие одного высказывания (Мой - любимый - учитель). По Р. Якобсону, — это «комбинаторные отношения». Они лежат в основе сочетаний элементов в линейные ряды. Это отношения линейной зависимости, когда использование одной единицы требует или запрещает использование другой единицы того же уровня.

Синтагматические отношения — это отношения, как пишет В.Г.Адмони, «топологические, отношения последовательности одних речевых компонентов по отношению к другим, т.е. это отношения непосредственно топологического соседства, контактности, топологической отдаленности, дистантности и топологической включенности (интерпозиционности), а также отношения пропозиции и постпозиции» [Адмони 1988: 138]. Синтагматические отношения играют большую роль при оформлении грамматических единств как компонентов грамматической системы построения.

В более специальном значении синтагматика отражает отношения внутри синтагм и между синтагмами, т.е. отрезками речи, объединенными в определённую целостность ритмико-интонационными и смысловыми факторами. Отношения между словоформами в речевой цепи и системой наслаивающихся на них грамматических значений принято называть батизматическими. Но их изучение и разработка относятся к наиболее слабым в теории современной грамматики.

Синтагматические отношения напрямую связаны с актуальным членением предложения. В этой связи есть множество направлений, изучающих связи в сочетании слов, фраз, предложении с целью выражения смысла, эмоций, логики и т.д. Здесь такие новые термины, как тема — рема, актуальное членение речи, функциональная перспектива предложения, стратегия высказывания, цель коммуникации, авторская интенция, речевое программирование, моделирование и т.д. показывают важность новых подходов в анализе проблем предикативной и логико-грамматической сочетаемости единиц на уровне речи.

Парадигматические и синтагматические отношения неразрывно связаны: наличие парадигм однородных единиц (вариантов фонем, синонимичных морфем, слов-синонимов, антонимов, омонимов, форм словоизменений и т.д.) позволяет выбор для речи, а синтагматические зависимости определяют направление и результат выбора, селекции.

Например, *труппа* и *экипаж* – это обозначения группы лиц с производственной деятельностью, но нельзя их смешивать в употреблении: не скажешь *Труппа самолета* или *Экипаж театра*.

Элементы языка неравноправны в иерархических отношениях. Низшими уровнями по вертикали являются фонетический и морфологический, высшими – лексический и синтаксический. Элементы низкого уровня входят в состав высокого уровня.

Тесная связь всех элементов языка, их взаимозависимость и взаимообусловленность позволяют говорить о языке как единой структуре. При этом каждый язык обладает своей структурой, сложившейся в течение длительного периода исторического развития.

ГЛАВА 2.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

На основе имеющихся учений можно выделить четыре модели учения о словообразовании:

1. Диахронически-историческое словообразование. Оно объясняет исторические условия возникновения всей лексики современного языка. Словообразование здесь имеет свое полноценное место наряду с наукой о звуках, синтаксисом и семантикой.

2. Для семантического словообразования вопросы основосложения, деривации и т.д. есть специальная область словесного значения. Структурные исследования находятся на самом нижнем уровне, нежели проблемы содержания, в частности значения, являющиеся важнейшими. Слова организуются на основе их системных связей в отличающиеся по содержанию группы, в том числе и в области словообразования.

3. Дискриптивное, структуралистское языкознание интегрирует проблемы возникновения слов с морфематикой. При чем речь идет не о словообразовании как таковом, а о морфемной идентификации.

4. Генеративная грамматика относит учение об образовании слов к синтаксису, это значит, что она рассматривает большинство положений словообразования как продукты трансформаций. Словообразование по этой модели является факультативной трансформацией, т.е. трансформацией, которая не изменяет глубинную структуру синтагмы, а лишь придает ей другую поверхностную структуру.

С таким положением вещей не хотелось бы соглашаться. Каждый из указанных видов анализа словообразования выделяет лишь одну из сторон этого глобального языкового явления, без которого практически не обойдется ни грамматика, ни лексика в целом. Поэтому хотелось бы обратить внимание на комплексность словообразовательной науки, ее предметность и результативность, деятельность и функциональность, взаимосвязь со всеми языковыми механизмами на всех уровнях. На наш взгляд, целесообразным видится подход к словообразованию как к языковому процессу и результату одновременно. Словообразование как самостоятельная

отрасль среди других лингвистических дисциплин заслуживает перевода из «падчериц» лингвистики в ее «законного ребенка» и должна занять место между грамматикой и лексикологией.

Из числа немногих работ, посвященных проблемам словообразования в текстах, следует выделить работы В.Н.Виноградовой, а также ряд статей, разрабатывающих отдельные вопросы синхронической стилистики словообразовательных категорий, среди которых статьи М.Д.Степановой, Н.Г.Юсупова, Е.А.Земской, И.Онгейзер, В.Флейшера, И.Барц и др. Наиболее интересна работа Е.А.Земской. Предложенная ею классификация словообразовательных функций в тексте (собственно номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная и стилистическая функции) заслуживает внимания.

Тенденции в словообразовании любого языка необходимо наблюдать с двух позиций: словарной и разговорной. Поэтому фундаментальные исследования необходимо направлять на научную интерпретацию этих двух аспектов.

Как уже предопределено выше в работе рассматриваются грамматические структуры, образования лексики казахского, русского и немецкого языков, изучаются неологизмы как номинативные единицы в языках.

Анализ неологизмов показывает, что пополнение современных языков происходит зачастую следующим способами:

1) морфологическим в результате аффиксальных новообразований и преобразований имеющих основ, т.е. морфологической деривацией;

2) семантическим в результате переосмыслений имеющих значений слов, т.е. семантических сдвигов или семантической деривацией;

3) путем сложения основ или композитообразований;

4) путем сокращения основ;

5) путем аббревиации;

5) путем заимствования из других языков.

При этом основы стремятся к контаминации, гибридизации, широкому видовому диапазону заимствования, морфемному сцеплению (сложные основы) и т.д.

Динамические изменения происходят на разных языковых уровнях, но особенно они заметны в лексике, как наиболее открытой и гибкой системе языка. Немецкий ученый Петер Браун подчеркивает,

что «ни в какой своей части язык не подвергается таким сильным изменениям, как в сфере словаря» [Braun 1997:158]. С этим не приходится спорить, ибо исследовательские акценты действительно прикованы, в первую очередь, к корпусам новых слов, бурно разрастающихся ввиду как активности внутренних языковых процессов, так и развивающихся межъязыковых контактов.

Тенденции в развитии живого языка особенно четко прослеживаются на примере семантики вновь введенных в лексикон единиц. Однако «значение в языке, - как пишет В.Н.Ярцева, – не может существовать само по себе, вне определенных форм...» [Ярцева 1975:4]. Именно по этой причине выявление семантических свойств лексем и их изменений видится невозможным без учета особенностей их словообразовательных характеристик и структур. Словообразование, как известно, служит группировке слов в отдельные лексические разряды, способствует формированию лексических значений. На почве словообразования устанавливаются системные отношения между лексикой и грамматикой. В.Г.Адмони подчеркивал, что «понятие грамматической системы необычайно важно не только потому, что это языковая реальность, без учета которой невозможно понимание никаких проявлений речевой деятельности..., но ... оно является едва ли не величайшим шагом в процессе создания абстрактного мышления» [Адмони 1988:61].

Еще Ф. де Соссюр считал, что языковое «развитие происходит в форме следующих друг за другом новшеств, являющихся особыми процессами, которые подсчитываются, описываются и классифицируются в соответствии со своей природой (как звуковые, лексические, морфологические, синтаксические и др. факты) [Соссюр 2001:5-54]. Динамика словарного состава обусловлена, таким образом, в значительной степени развитием словообразовательной системы, образованием новых и изменением существующих моделей слов, увеличением или уменьшением их продуктивности и многими другими факторами словообразовательного процесса.

XXI век отмечен существенными изменениями в геополитике, экономике и социальной сферах всех государств на планете. Данные изменения не могут не отразиться в языках народов мира и продолжают фиксироваться в них ежедневно. Естественно, языковые процессы не обходятся при этом без словообразовательных механизмов. Язык и его словообразование являются своеобразным барометром общественного развития, чутко реагирующим на

малейшие изменения в жизни общества. Сегодня можно констатировать словообразовательный «бум» практически во всех национальных языках. Не в последнюю очередь этот «бум» связан со стремительным темпом развития компьютерных и других коммуникационных технологий, которые прочно вошли в нашу жизнь. Трудно представить себя уже без мобильной связи и интернета, скоростных поездов и самолетов, полетов в космос и нанотехнологий. Все это новые понятия, новые предметы и объекты, новые виды деятельности, признаки и явления, которые требуется назвать определенными и совершенно конкретными словами. Не названными, не номинированными не остаются никакие новшества в жизни и деятельности человека. Одним из аспектов теории языковой номинации, которая и изучает законы наименования, является словообразование, которое отличается сегодня очень большой и активной деятельностью.

Сегодня, таким образом, в языках наблюдается особая активность номинативной деятельности. Так, немецкий язык очень подвержен влиянию английского языка, поэтому сильно изменяется его словарный состав, который содержит много англицизмов. В результате появился смешанный словарь, который порой проблематичен для восприятия и функционирования, если говорящий не владеет английским языком. Немцы в шутку или всерьез породили термин *Denglisch*, говорящий сам за себя и характеризующий состояние гибридности современного национального словаря.

Глобализационные процессы в мире не оставляют шансов языкам развиваться изолированно, поэтому и в русском языке наряду со своим национальным словообразованием активны процессы вливаний извне. Вопросы окказионального словообразования, процессов опрощения лексических форм, а также многочисленные полурусские-полуамериканские слова представляют достаточную сложность для лингвистического анализа тезауруса.

Казахский язык переживает на данный момент настоящий «бум» в процессах обновления и расширения словаря. У него несколько причин для этого. Наряду с международными контактами, в языке идет восстановление утраченных корней, а также образование новых наименований путем использования исконно казахских слов. Такой процесс из-за его быстрых темпов не может избежать противоречий. Так, к примеру, наблюдаются разные формы и модели новых слов, что зачастую приводит не только к неправильному восприятию значения,

тем более, если этимон у единицы непрозрачен, но и прямо выражаемому прагматическому «сопротивлению» к восприятию незнакомых языковых единиц. Об этом будем говорить ниже.

Таким образом, бурные процессы в современном словообразовании объясняются, как было обозначено выше, причинами внеязыковыми и внутриязыковыми, которые чаще всего переплетаются и усиливают друг друга. Например, законы аналогии, экономии речевых средств, законы противоречий, как правило, на уровне словообразования поддерживаются или стимулируются социальными причинами. Так, ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии (термин «языковая экономия» впервые введен О. Еперсенем или «закон экономии языковых усилий» А. Мартине), а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей. Кроме этого, есть внутриязыковые законы, которые также регулируют изменения словообразования, ориентируя его, например, на связи с мыслительными процессами и установками говорящего. Таким образом, изучая изменения словообразовательной парадигмы необходимо заглянуть во внутреннюю форму деривата и попытаться выяснить причину изменения, она будет продиктована разными причинами и будет иметь разную форму выражения.

Несмотря на первостепенную роль словообразования для расширения словарного состава языка, этому разделу грамматики, на наш взгляд, все еще не уделяется в лингвистике заслуженного внимания. Это обуславливается, по всей видимости, тем фактом, что большинство теорий грамматики зачастую понимаются как теории предложения. «Лингвистикой правит семантика», - пишет Л.К.Жаналина [2011: 399]. М.А.Кронгауз, описывая автономность и «замкнутость» словообразования справедливо отмечает, что «традиционное словообразование не слишком «интересуется» общетеоретическими веяниями, так и сами теории не слишком интересуются словообразованием» [2008: 204–205].

Наука об образовании слов в составе грамматического учения о структуре языка в своем развитии всегда сопровождается определяющим эпитетом, акцентирующим основной ракурс научного подхода.

Важным в последние десятилетия является определение словообразования как «деятельности», по Е.А.Земской (1992).

З.А.Харитончик напоминает, что словообразование делится на синхронное и диахроническое [Харитончик 2005:8]. Синхронное словообразование изучает соответствующую современную систему, а диахроническое (или историческое) рассматривает словообразовательные связи слова в историческом его развитии. Интегративное словообразование выстраивает линию рассмотрения словообразовательных процессов на основе взаимодействия языка и словообразования в речевой деятельности, в результате синтеза семасиологического и ономасиологических подходов с целью выявления целостности статике и динамики словообразования как единой интегративной модели [Улукханов 1996; Жаналина 2011].

Функциональное описание объединяет словообразование с другими областями языка, которые образуют общую номинативную систему. Функциональное единоначалие лексических единиц, словообразовательных средств, морфологии, синтаксиса работает на выполнение единой функции языка – номинативной. Таким образом, словообразование не отделимо от функциональной грамматики и лингвистики в целом. Объектом словообразования является, как пишет Л.К.Жаналина, «процесс создания производного слова как номинативной единицы, способной выполнять номинативную функцию» [2011:7]. С этим не приходится спорить, примем данное положение как исходное при дальнейшем подходе к изучению процессов словообразования в современных языках.

Активность словообразовательных механизмов в языках ведет к появлению разнообразных новых форм и проявлений в новообразованиях. Многие из них отличаются эффектом неожиданности, поэтому зачастую вызывают противоречивость в восприятии. Тем не менее, словообразовательные явления, как свершившийся языковой факт и его результаты, требуют внимательного рассмотрения и изучения. Невозможно отрицать существующее в современной лингвистике мнение о важности изучения грамматической науки во всем ее многообразии и изменчивости.

В то же время словообразование, как неотъемлемая часть грамматики должна не только изучаться, но и выйти на новые подходы, которые ориентированы, в первую очередь, на изучение функциональности его механизма, на способность отражения реального мира в том объеме, в каком необходимо владеть носителям языка для осуществления межъязыковой и межкультурной

коммуникации. Ибо не зря В.Г.Адмони совершенно справедливо отмечал неразрывность связи грамматической системы с речью: «...во всех языках мира присутствуют коммуникативно-грамматические категории, в которых в формализованном виде воплотились те или иные значения, непосредственно связанные с актом коммуникации и с распределением партнеров рече-коммуникативного акта...» [Адмони 1988:59].

Таким образом, словообразование, которое начало рассматриваться как самостоятельная наука сравнительно недавно (с середины 50-х годов XX в.), накопила достаточное количество исследований и имеет благоприятные перспективы развития, в том числе с использованием новейших подходов антропоцентрического характера, потому как именно словообразовательные структуры находятся в основе формирования человеческой мысли в ходе практической деятельности.

Словообразование в свете новых парадигм исследований: когнитивная морфология

В настоящее время в науке сложилась точка зрения, согласно которой язык является отражением когнитивных структур, а между когнитивными и языковыми структурами существуют определенные корреляции [Bechtel, 1988; Демьянков, 1994; Кубрякова, 1994; Ивина, 2003]. Это позволяет объединить сведения о сознании человека, его мыслительной и речевой деятельности, которые накоплены такими разными науками, как психология, лингвистика, физиология, антропология и др.

Современная когнитивная лингвистика рассматривает язык как когнитивную деятельность, базирующуюся на таких способностях человека, как восприятие и категоризация. По мнению Е.С.Кубряковой, «вопрос о значении языкового знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышу» знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [Кубрякова 1981:23]

Отражение и воспроизведение действительности в мышлении человека, обусловленное взаимодействием субъекта и объекта в процессе практической деятельности, результатом чего является новое знание о мире, понимается нами как познание. М.Н.Володина пишет,

что «значение слов, отражающее познавательный опыт конкретного человеческого сообщества, говорящего на одном языке, обеспечивает человеку возможность конвенциональной ориентации в мире» [Володина 1998:9].

Грамматика переживает сегодня в этом русле новую ступень своего развития, рассматриваясь на междисциплинарном уровне, у теоретиков находим такие определения для нее, как «вычислительная система», «порождающая грамматика» (Н.Хомский), «ментальная грамматика» (Р.Джакендофф), «коммуникативная грамматика» (Г.А.Золотова), «когнитивная грамматика» (Р.У.Лангакер), «функциональная грамматика» (А.В.Бондарко).

Новые направления исследований в грамматике связаны с современным взглядом на язык в целом, как «зеркала мышления» и поиском ответов на вопросы:

- Что такое знание языка?
- Как оно приобретается? [Хомский 2005: 17].

Каждый человек обладает интуитивным знанием языка, которое регулирует языковое поведение человека. Это есть сложная система, применяющаяся человеком автоматически и бессознательно, что является нормальной характеристикой обыденного использования языка и грамматических знаний соответственно. Человек рождается со способностью к языковым знаниям. Н.Хомский пишет, что «усвоение языка можно рассматривать как переход от состояния мышления при рождении, от начального когнитивного состояния, к тому стабильному состоянию, которое соответствует знанию родного естественного языка» [там же: 22]. По Хомскому, теория начального когнитивного состояния называется *универсальной грамматикой*, а теория конкретного стабильного состояния называется *конкретной грамматикой*. Все знания о родном языке (английском, французском, немецком, казахском и т.д.) приобретаются благодаря «компоненту разума – мозга, который в эксплицитной форме моделируется универсальной грамматикой во взаимодействии с конкретным ходом языкового опыта» [там же].

Таким образом, с Н.Хомским не приходится спорить по поводу биологии человека и врожденной способности к говорению и мыслительной деятельности, «инстинктивной склонности» к языку (Ч.Дарвин). Поэтому грамматика как неотъемлемая часть языка и основа его структуры вполне связывается с когнитивными навыками и

способствует расширению познавательных границ и развитию речетворческой деятельности личности.

Как известно, в 50-е годы XX в. появилась идея изучать язык как природный объект – как когнитивную способность, входящую в биологическую сущность, физически представленную в человеческом мозге и доступную для исследования естественными науками. Ранние работы Н.Хомского и ряда дальнейших его последователей способствовали развитию теории лингвистики в этом направлении и привели, по сути, ко «второй когнитивной революции». Этот подход лег в основу Минималистской программы Н.Хомского, где в центр исследований помещено замечательное качество устройства языка: изящество и экономия в осуществлении им основополагающей задачи соединения звука и смысла в неограниченной области.

«Новым стало то, что язык впервые стал изучаться с помощью формальных моделей, способных уловить определенные фундаментальные факты, касающиеся человеческого языка» [Хомский 2005: 13]. Главный вывод Хомского заключается в неизменности того, что «естественные языки включают в себя рекурсивные порождающие процедуры. ... Когда мы говорим, мы свободно выбираем порожденную нашей рекурсивной процедурой структуру, которая согласуется с нашими коммуникативными интенциями; конкретный выбор в конкретной ситуации дискурса – это и есть свободный акт речи в сосюровском смысле, однако исходная процедура, задающая возможные «модели построения», подчинена строгим правилам» [там же: 16].

Таким образом, развитие когнитивной революции привело к тому, что в лингвистике появились новые направления и принципы научного поиска, среди которых самым основным становится человеческий аспект – человек в центре как основной носитель языка и языковых знаний, а также его речепорождающие и реально отражательные способности. Принцип антропоцентризма заключается в том, что все объясняется через восприятие, осмысление, целеполагание и отражение человеком.

Все уровни языка становятся объектом наблюдения с применением новых подходов. И перед словообразованием как инкорпорированной наукой встает проблема соотнесения устоявшегося понятийного аппарата с новой научной парадигмой знания. Многие традиционные позиции грамматической теории могут быть сегодня пересмотрены в контексте описанных новых

исследовательских парадигм в лингвистике – когнитивной и антропоцентрической.

Термин «когнитивная грамматика» впервые появился в 70-х гг. XX в. в работах Дж. Лакоффа, Г. Томпсона, Р. Лангакера, основные идеи которых стали отправным пунктом в развитии когнитивной лингвистики вообще. С точки зрения когнитивной грамматики существующие языки состоят исключительно из семантических, фонологических и символических единиц (условные сочетания фонологических и семантических единиц). Р. Лангакер признает, что основной причиной появления грамматических структур являются когнитивные процессы. В своей теории Р. Лангакер широко применяет принципы гештальтпсихологии и проводит аналогии между языковой структурой и аспектами визуального восприятия. Дж. Лакофф, рассматривая такие традиционные для когнитивизма проблемы, как человеческое понимание мира, отражение знаний о мире в языке через систему взаимосвязанных понятий – категорий, образующих концептуальную систему, обращает внимание на понятие категоризации, представляющей собой определенный способ организации человеческого опыта.

Современная когнитивная наука более не рассматривает грамматику как чисто формально-техническую структуру, предназначенную только для выражения и оформления более высокого порядка, т.е. семантики. Философские категории формы и содержания в своем неразрывном единстве завоевали центральное положение в лингвистических учениях как неотъемлемые компоненты единого анализа, если речь идет о синтетическом изучении гносеологических функций словесного знака. Согласимся с Архипкиной Г.Д. в том, что «грамматическое значение – это не условие истинности, а концепт, в котором отражены не только объективные свойства описываемого знаком явления, но, прежде всего, субъективное видение носителем данного языка этого явления, способ его концептуализации» [Архипкина 2006] .

Когнитивная теория, согласно Кубряковой Е.С., воспринимает грамматику как систему, отражающую человеческий опыт познания мира и осмысления окружающей нас действительности (пусть не прямое и непосредственное, но глубоко детерминированное когнитивными факторами) [2002:13].

В одной из первых работ, где была поставлена проблема когнитивной морфологии, роль морфологии связывается, прежде

всего, с выражением внутри нее разного рода абстрактных категорий и с распределением слов по разным разрядам. «Морфология когнитивна, - пишет Н.А.Слюсарева, - хотя на первый взгляд она выступает в виде техники для синтаксиса» [1986:18], добавляя к этому, что она помогает переходить от более «наивного» отражения действительности в сторону более обобщенного и более опосредованного ее отражения.

Е.С.Кубрякова, соглашаясь в основном с этим утверждением, полагает, что все-таки необходимо внести отдельные уточнения. В частности, она размышляет по этому поводу так: «Даже если морфология ... способствовала бы только оформлению высказывания, она не перестала бы являться «когнитивной», - связанной с познавательными процессами и служащей отражению и передаче ее результатов». Основную «заслугу» морфологии как когнитивной категории ученый видит в том, что «большинство морфологических средств и морфологических операций служит созданию классов противопоставленных слов, причем противопоставленных концептуально» [2002:25]. Функции словообразовательной морфологии обнаруживаются при производстве дериватов на уровне словообразовательных типов, схем, формул, являющихся целостными и типизированными с точки зрения реализации семантических разрядов слов. Именно этот факт связывает словообразовательную морфологию с фиксацией совершенно определенных структур знания о мире и позволяет классифицировать эти структуры на основе их понятийной отнесенности к объектам реального мира.

Связь с процессами категоризации и субкатегоризации и четкая связь этих процессов со средствами их формального выражения позволяет говорить о когнитивности морфологии, в частности, о том, как и в каких формах она помогает материализовать и классифицировать знания о мире. «Когнитивная функция морфологических явлений определяется их задействованностью в проведение процессов мышления, в осуществление ментальной или интеллектуальной деятельности человеческого разума – деятельности по обработке информации, ее хранению, ее сортировке и, наконец, извлечению, использованию и новому преобразованию» [Кубрякова 2002:25-26].

Развитие грамматической системы, в частности, словообразовательных механизмов в ходе изменения словарного состава языков есть процесс непрерывного возникновения и

обоснования экстра- и интралингвистических отношений между старым и новым, между формой и содержанием. Соотношение мотивированного деривата и мотивирующего этимона является образцом (моделью) образования вторичной лексики. Объектом синхронного словообразования является и то, «как сделаны слова», и то, «как делаются слова» (Л.В.Щерба), или точнее, «как могут быть сделаны слова» (И.С.Улукханов) с целью отображения реального. Последняя проблема тесно связана с продуктивностью словообразовательного типа (форманта), существующего в синхронной системе словообразования.

На словообразование распространяются всеобщие современные принципы исследования, выделенные Кубряковой Е.С.: антропоцентризм, экспансионизм, функциональность и экспланаторность. Методология исследования словообразовательных средств с когнитивных функционально-семиотических позиций ориентирована на экспланаторность, т.е. носит выраженный объяснительный характер. Морфологическая структура новых слов должна быть не только выявлена и описана, но и объяснена с подключением ее онтологических функций.

Аналитические словообразовательные формы дериватов позволяют иногда выявить сходное содержание при инвариантном наборе морфем. Например, возьмем немецкий семантический дериват *Dietrich* в «бестелесной» форме немецкого имени собственного и русский дериват *Фомка* в форме «бестелесного» прозвищного варианта (формант –к-) от мужского имени Фома в одном и том же значении – «отмычка замков, используемая ворами». И, тем не менее, формы выражения в языках разнятся, что доказывает основной тезис когнитивной грамматики: в языковую способность человека входит способность представить и описать наблюдаемое им явление или ситуацию по-разному. «Поэтому, - пишет Е.С.Кубрякова, - само различие в способах языкового представления (символизации) какого-либо значения не случайно и ориентировано на то, чтобы ввести в фокус внимания определенную деталь ситуации (объекта – А.Б.), высветить ту или иную ее особенность за счет других или изобразить объективно одну и ту же ситуацию (один и тот же объект – А.Б.) с подчеркиванием в ней важных для человека разных обстоятельств. Морфологии и создаваемым в ней морфологическим структурам принадлежит в этом смысле и с к л ю ч и т е л ь н а я роль» (разрядка – А.Б.) [Кубрякова 2002:26].

Словообразование и его роль в языке

В каждой языковой системе выработан особый механизм, при помощи которого происходит качественное и количественное расширение словаря. Основная масса новых единиц в любом словаре образуется с помощью словообразовательных средств языка. Словообразование, его арсенал средств рассматривается как один из важнейших путей пополнения словарного состава языка. Словообразование подразумевает комплекс определенных правил, методов, наличие моделей, схем, образцов, грамматических частиц в виде суффиксов, префиксов, инфиксов, полуаффиксов и тд.

Термин «словообразование» обозначает раздел языкознания, изучающий процессы образования слов, их строение, а также систему, в которую они входят. Таким образом, термин имеет два основных значения, которые следует четко различать. В первом своем значении он употребляется для выражения постоянного процесса образования новых слов в языке. Во втором значении термин относится к форме выражения каждого нового слова, представляющего собой результат словообразовательной деятельности языка.

Одной из наиболее важных задач словообразования является изучение структуры слова, его составляющих частей и различных взаимоотношений между ними. Главной задачей словообразования является определение отличия производного слова от непроизводного и установления их признаков. Еще одна важная задача - определение способа образования слов, т.к. сам способ является одной из важнейших характеристик морфемной системы языка в целом. Кроме того, к задачам словообразования относится изучение формальных, семантических, генетических и других закономерностей и особенностей образования новых лексических единиц, возникающих в процессе развития языка.

Словообразование называют термином «деривация» [Земская 1992]. Хотя в германском языкознании под деривацией принято считать префиксально-инфиксально-суффиксальное словопроизводство [Грефен, Лидтке 2008:87; Буш, Стеншке 2008: 99; Альтманн 2011:38]. В дальнейшем в работе мы придерживаемся именно этого взгляда на деривацию.

Согласно типологии Е.А.Земской [1992:8], деривационный механизм различается по 5 функциям: 1) собственно номинативной; 2) конструктивной; 3) компрессивной; 4) экспрессивной и 5)

стилистической. Напомним, что собственно номинативная функция подразумевает создание наименования новой реалии или переименования старой – предмета, действия, признака. Конструктивное же словообразование производит изменение структуры речи, соединяет пропозиции, упрощает синтаксис высказывания. Компрессивная функция словообразования служит для разного рода сокращения номинации, формативной универбации, аббревиации. Экспрессивное словообразование используется для выражения индивидуальных эмоций говорящего, а стилистическая функция позволяет широко использовать коннотацию семантики базисного слова.

Предлагая функциональный подход к словообразованию, Е.А.Земская подчеркивает два момента: 1) все производные, а не только номинативные, выполняют номинативную функцию, ибо являются словами, а любое слово именует; 2) в акте коммуникации некоторые производные могут выступать полифункционально. В общепринятом словообразовании выделяют *словопроизводство* (при использовании аффиксации), *словосложение* (при участии минимум двух полнозначных единиц), *конверсию* (при переходе, или транспозиции, слов из одной части речи в другую), *аббревиацию* (при сокращении исходных слов), *контаминацию* и др.

Каждый язык в силу своей структурированности демонстрирует определенные и наиболее характерные ему способы словообразования. Так, к примеру, немецкий язык на протяжении всей своей истории остается приверженным к явлениям словесного синтеза, который появился в средние века и достиг чудовищных размахов в настоящее время. Ни один из других европейских языков не имеет столь расширенных пластов сложных слов, как современный немецкий язык. Петер Браун, изучая лексический состав немецкого языка, в конце прошлого столетия подчеркивал среди активных тенденций немецкого словообразования именно усиление универбальности [Braun 1993:159]. Тому основаниями являются следующие причины:

1) Все возрастающая номинативная необходимость во всех сферах современной жизнедеятельности общества (*Coronaferien, Spendenmarathon, Laptopstasche, Literaturpapst*);

2) Стремление к уточнению (*Doppelstaatsangehörigkeit, Korona Schutzimpfung*);

3) Стремление к языковой экономии (*Doppeldiplomausbildungsprogramm*);

4) Стремление к стилистическому эффекту (*impfneidisch, Computerwitwe, Kaputtalismus*).

Эти и другие причины приводят к активности сложения основ в одну лексическую единицу сегодня и в других языках. Легко наблюдать нарастающие процессы, например, в казахском языке (*ғаламтор, мәжілісмен, бетбұрыс, шағын аудан, түйеқұс, төраға, атазаң*). Очень много чужеродной лексики проникает в последнее время в казахский язык вследствие процессов глобальной интеграции, и возникают гибридные словосложения и словосочетания, одна часть которого, как правило, англоязычная, как например: *Қазгидромет, Instagram желісі, Facebook парашағы, короновирус індеті, пресс-хатшы, астана-холдинг*. Причем словосложение в силу своей столь активной продуктивности постепенно обрастает новыми формами и приемами, что влияет, в свою очередь, на нормы языка и правила правописания. К ним подробнее вернемся несколько позже.

Образование новых слов с помощью формальных средств называется *деривацией*, а сами произведенные слова - *дериватами*. Как известно, изучение деривационных процессов по их типу и последствиям является важной фактической основой для проведения типологических исследований.

Рассматривая термин "деривация" в широком смысле слова, Е.Курилович [Курилович 1962] выделяет *лексическую* и *синтаксическую* деривации. Лексическая деривация предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции [ук.соч.:63]. При лексической деривации значение мотивирующего слова чаще всего полностью входит в значение мотивированного, а в случаях стилистической модификации имеет место тождество лексических значений мотивирующего и мотивированного при стилистической маркированности последнего. Например, в казахском языке: *көзқарас* «взгляд», «отношение» от основ *көз* «глаза» и *қарау* «смотреть» или инфрақұрылым «инфраструктура». Касательно другого вида деривации, Е.Курилович полагает, что синтаксическая деривация происходит внутри одного и того же лексического значения [ук. соч.:62].

Этого же мнения придерживается И.С.Улукханов, который считает, что при синтаксической деривации имеет место тождество всех компонентов значения, мотивирующего и мотивированного за

исключением грамматического значения [Улуханов 2001:106]. Возьмем в качестве примеров синтаксической деривации производные на основе собственных имен (деонимов) типа¹: нем. *Wagnerianer* «поклонник музыки Вагнера», *Platoniker* «последователь учения Платона», *Rudbeckia* «шляпа как у естествоиспытателя Рудбека»; рус. *тэтчеризм* «форма британской консервативной идеологии, названная в честь лидера Консервативной партии Маргарет Тэтчер». *буденовка* «шапка, похожая по форме на шлем в коннице Буденного»; каз. *асанқайғылық* «впадение в траур», *қожанасырлау* «похож на Кожанасыра, хитер», *мыстандық* «злодействие как у Мыстан кемпір», *жақаевшылар* «последователи Жакаева». Суффиксы в немецком языке *-ismus*, *-ianer*, *-iker*, *-ia*, в русских примерах *-щин-*, *-к-*, в казахских словах *-ист*, *-изм*, *-дық/-лық*, *-шы*, *-лау/-лану* рассматриваются как словообразовательные средства становления синтаксических дериватов.

Ряд других исследователей (В.Виноградов, А.Уфимцева, В.Телия, И.Ольшанский, В.Флейшер, Р.Фишер, Т.Шиппан) различают семантическую и морфологическую деривации, подразумевая под морфологической деривацией синтаксическую деривацию у Е.Куриловича [см.: Курилович 1962:23; Шиппан 1987:63; Жаналина 1992:108]. Под семантической же деривацией понимается бесформантная конверсия или собственно семантическая транспозиция. Если вновь обратиться к примерам словопроизводства на основе собственных имен, то при транспозиции (трансформации) происходит перекаатегоризация исходного собственного имени: переходя в категорию нарицательной лексики, он изменяет не только языковую функцию идентификации единичного денотата, но и синтаксическую функцию, расширяя свои возможности употребления в предложении. Примеров простого перехода собственных имен в категорию нарицательной лексики, не отягощенного словообразовательными элементами, в языках достаточно много,

¹ Нами изучался процесс перехода имен собственных в имена нарицательные, результаты многолетних исследований изложены в нескольких монографиях на данную тему (Процесс деонимизации в современном немецком языке.-Алматы: Алем, 1998; Zum Problem der Entstehung von Gattungsnamen auf Grundlage von Eigennamen im gegenwärtigen Deutsch.-Arbeitspapiere IBKM Nr.2-Oldenburg: Carl v. Ossietzky Universität, 2000; Содержательный и словообразовательный потенциал деонимов.-Алматы: Ғылым, 2003; Теория и практика когнитивного деонимообразования.-Астана: Полиграфия, 2005 и др.). В своих исследованиях мы эти единицы называем деонимами, разделяя мнение немецких ученых Х.Кальверкемпера, Ф.Дебуса, В.Ваккернагеля, В.Швейкарта и др. В русскоязычных работах встречаются другие термины.

например: нем. *Adonis* «красивый юноша»; рус. *голгофа* «место мучений»); каз. *тұмар* «оберег» и др.

Анализируя активные процессы в русском языке, и, отмечая при этом словообразовательные новшества, Н.С. Валгина, в частности, пишет, что «способы словообразования, типы и даже формальные словообразовательные средства (суффиксы) черпаются в самой словообразовательной системе, собственно новыми оказываются только номинации, единицы наименования, созданные «по образу и подобию»» [42]. Здесь речь также идет о семантических сдвигах значения в уже существующих в языке единицах, т.е. о семантической деривации. В качестве яркого доказательства тому, автор приводит пример со словом *челнок*, где наблюдает следующую картину: *челнок* в значении «деталь ткацкого станка» дает только одно звено в словообразовательной цепочке - *челночный*; новое значение слова *челнок* «перекупщик» в обыденном просторечии значительно увеличивает цепочку, расширяя словообразовательные возможности данной мотивирующей основы: *челночник*, *челночица*, *челночиха*, *сочелночники*, *почелночить*; сочетательные возможности прилагательного *челночный* тоже расширяются: *челночный бизнес*, *челночный маршрут*, *челночная операция*, *челночные перевозки*.

Таким образом, семантическая деривация относится на данный момент к активным словообразовательным процессам в языках, причем, как нетрудно заметить, этот процесс приводит к расширению лексиконов путем расширения словообразовательных гнезд.

В традиционном практическом словообразовании, как было определено выше, выделяют несколько **способов словообразования**: аффиксацию, сложение основ, аббревиацию, усечение основы и др. Например, при использовании аффиксации характерно следующее словопроизводство: суффиксальное (рус. чаевые; нем. *leasen*), префиксальное (рус. *недоучить*, нем. *MitMission*), постфиксальное (рус. *кланяться*) и смешанное, представляющее собой различные комбинации формальных средств словообразования, например суффиксально-префиксальное (рус. *подзащитный*, нем. *updaten*), префиксально-постфиксальное (рус. *переучиться*), префиксально-суффиксально-постфиксальное (рус. *расщедриться*) и др.

При словосложении как способе словообразования, имеющем синтаксическую базу, выделяются два типа: 1) копулятивный или сочинительный (комбинация равноправных компонентов,

например: немецко-русский, глухонемой, нем. *Dichterkomponist*, каз. күйсандық); 2) детерминативный или подчинительный (среди сочетающихся компонентов выделяются главные и зависимые, например: нем. *Hausarbeit*, англ. *Bookshelf*, каз. түпнұсқа, басқұда). В этих процессах активно обнаруживается связь лексического (даже семантического) уровня языка и грамматического, словообразовательного. Например, можно наблюдать расширение словообразовательных моделей, произведенных от слов в новых значениях.

Известно, что словообразование – явление формально-семантическое, и в связи с тезисом об исходном свободном корне в него следует включать только классическую деривацию, основывающуюся на принципе нанизывания морфем, так называемая агглютинация. Агглютинация выявляется при образовании слов путем использования аффиксов, чаще всего суффиксов. Морфемы языков квалифицируются нами по следующим источникам: Кузнецова Н.И., Ефремова Т.Ф. [416], Камзебаева Р.Е. [415], W.Fleischer, I.Barz [215].

Следствием агглютинации можно считать и рост интерфиксации – появление внутреннего суффикса-интерфикса, который помогает «развести» несочетающиеся или неудобно сочетающиеся фонемы на стыке морфем.

Например, слова с суффиксом *-анин* (*-ане*) приобретают наращение *-ч-* (*-чанин*). Комплекс *-чанин* (*-чане*) все более становится универсальным при обозначении лица (лиц), по принадлежности к нации, народу; по отнесенности к городу, местности проживания: Астана – *астанчане*, *астанчанин* (ср.: англичане, датчане). При образовании подобных наименований часто возникают практические трудности, так как производящее слово-наименование имеет «нестандартную» форму. Так, от названия новой столицы Казахстана Астаны трудно было произвести соответствующие однокоренные слова, поэтому некоторое время ходили в параллельном употреблении разные варианты. Например, прилагательные от Астаны – астанайский, астанинский, астанчанский и даже астанский. Со временем установилась форма *астанинский*.

Процессы агглютинации и их следствия оказались достаточно плодотворными в языках. Их активизация объясняется тем, что словообразовательная система унифицируется, а словообразовательные связи становятся более прозрачными. Наложение морфем упрощает словообразовательные модели, делает

их более экономными, следовательно, процессы эти соответствуют внутренним потребностям языка.

Суффиксы осуществляют включение обозначаемого в определенный семантический разряд – это может быть определенная часть речи или же другая семантическая группировка: класс имен действующего лица, класс названий для «вместилищ» знаний, класс признаков предметов, класс коллективов лиц и др. Кроме суффиксации, подлежат упоминанию сложение основ, усечение корневых морфем, конверсия, контаминация, аббревиация и т.д. Каждый способ словообразования не просто служит созданию стереотипной серии дериватов с определенным значением и имеет свой диапазон действия, но он также связан с выполнением ономазиологической функции.

Словообразовательные способы, таким образом, имеют свойство приводить к семантической конвергенции, т.е. «сортировать» производные на основе их структурной характеристики не только в грамматически единые категории, но и смысловые слои, строящиеся по логике гиперо-гипонимических отношений. Явление в словообразовательном процессе настолько широко представлено, что впору признавать словообразовательную конвергенцию универсальным свойством словообразовательного типа. Например, суффикс *-ость*, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде не допускавших подобные образования: *светскость*, *детскость*. В казахском языке активным становятся полусуффиксы (суффиксоиды) *-тану*, *-жай* и др., способствующие становлению наименований учений и исследовательских направлений: *Сәкентану* «Сакеноведение» (от: Сакен Сейфуллин), *Шоқантану* «Шокановедение» (от: Шокан Уалиханов), *Өзінөзітану* «самопознание»; *әуежай* «аэропорт», *сапаржай* «путешествие», *мұражай* «музей», *орын-жай* «предприятие» (пример: спорттық оңалту мақсатында орын-жай) и т.п. Или, например, введение новой бытовой и коммуникационной техники приводит к образованию необычных глаголов, поскольку этой техникой надо управлять, т.е. производить определенные действия. В таком случае в русском языке выручают известные словообразовательные глагольные модели: ксерокс – *ксерить*, СМС – *эсмэсить*, то же в немецком языке: *mail - mailen*.

Конвергентность типична и очень важна, на наш взгляд, особенно для терминологической лексики, в частности, в качестве примера, образованной на основе имен собственных. По словообразовательным формантам можно безошибочно определить не только класс терминологических номинаций, но и их семантический разряд; так, названия химических элементов образуются путем прибавления к производящей основе суффикса *-ium* в немецком языке и его варианта *-ий* в русском и казахском языках или наименования металлов опознаются по форманту *-um* (*-it*) в русском, казахском и немецком языках. Сравним термины для обозначения радиоактивного химического элемента, образованные от фамилии русского ученого Дм. Ив. Менделеева: *менделевий* (рус., каз.) – *Mendelevium* (нем.); или термины для обозначения минерала, образованные от фамилии французского геолога Ж. Гарниера: *гарниерит* (рус., каз.) – *Garnierit* (нем.). Как видно из примеров, терминология как система символов для отображения научной сферы человеческого познания стремится к международной стандартизации, что особенно важно в узких областях науки и техники для установления межъязыковой научно-профессиональной коммуникации. «...Сходное мыслительное содержание в системах разных языков может иметь разные степени экспликации, - пишет В.Н.Ярцева, - но независимо от «дробности» значений одна грамматическая категория всегда объединена «ведущим смысловым началом»» [1:9].

Таким образом, общая характеристика словообразования как самостоятельной науки предвещает дальнейшее детальное рассмотрение всех выше упомянутых внутриязыковых явлений, имеющихся общим термином «словообразование».

Морфемная структура слова

Морфология или учение о формах относится к традиционным основам языкознания с древних времен. Понятие впервые использовано И.В. фон Гете в 1796 г. для одного из запланированных им учений об образе (облике) одушевленного предмета, сравнительная морфология в биологической сфере (*morph* – в пер. с греч. «форма; вид, облик, образ»). В лингвистике «Морфология» понимается двояко: как непосредственно языковая структура, так и учение о языковых структурах.

Слово состоит из отдельных морфем. Морфема – это мельчайший структурный элемент слова, обладающий значением. Морфема в отличие от слова не самостоятельна синтаксически, т. е. в речи может употребляться только как компонент слова, и семантически, поскольку не может служить средством называния денотата. Морфема является, таким образом, связанной формой (*bound form*) и лишена самостоятельного функционирования в речи. Известные деривационные морфемы могут указывать на грамматический статус слов, не способствуя пониманию их семантики, как, например: "Should, anerous, enthroprose call homovirtue, duin-nafear!" (Joyce).

Наряду с этим, морфема – это главный компонент словопроизводства, а во флективных языках – неотъемлемая часть словоизменения. Она повторяема в грамматической структуре языковых единиц языка, а потому узнаваема и в деривации придает слову морфолого-синтаксический статус.

Морфема является минимальной значимой частью слова и его строительным «кирпичиком». Как справедливо отмечает М.Ю.Казак [Казак 2012:4], «современное понимание морфемы восходит к учению И.А. Бодуэна де Куртенэ, который определял морфему как «далее неразложимый морфологический элемент языкового мышления» и рассматривал термин «морфема» в качестве родового понятия, объединяющего видовые понятия (корень, префикс, суффикс, окончание). Из учения И.А. Бодуэна де Куртенэ следует, что морфема – это живая единица языка; элемент слова, зависимый от слова; наделена значением; имеет не только значение, но и звуковое выражение; простейшая минимальная единица, далее не делимая с морфологической точки зрения».

Различают грамматические и лексические морфемы. Весь комплекс морфем еще называют аффиксами, которые состоят из словообразовательных аффиксов (суффиксы, префиксы, инфиксы) и словоизменяющие аффиксы или флексии (окончания). Носителями основного лексического значения являются морфемы корневые, а значения дополнительного – аффиксальные, которые в зависимости от позиции в слове именуются префиксами (стоящие перед корнем) и суффиксами (занимающие позицию после корня).

Согласно Л. Блумфилду, корневые морфемы в языке обычно однородны по своей структуре. В английском и немецком языках это, прежде всего односложные элементы, такие как *man* (Mann), *cut* (tun), *red* (rot). Корневая морфема обычно отвечает в слове за передачу более

конкретного значения, нежели морфема аффиксальная. В знаменательных словах корневая морфема (или морфемы, если в слове их несколько, как, например, в *blackboard* или *schoolboy*) несет часть целостного лексического значения, образуя смысловое ядро слова; именно на корневой морфеме основывается и мотивировка слова.

Аффиксальные морфемы, видоизменяющие слово, в свою очередь, подразделяются на словоизменятельные (модифицируют грамматическое значение) и словообразовательные (модифицируют лексическое значение). Они выполняют грамматическую функцию, не влияя на лексическое значение слова. Словоизменятельные аффиксы универсальны, т. е. применимы для всех (или большинства) слов данной грамматической категории. В качестве примеров можно назвать англ. суффиксы степеней сравнения *-er* и *-est*, суффикс *-s* множественного числа существительных, суффикс *-ing* в вербалиях и т. д. В нем. языке: *-s* форма генитива в среднем и мужском роде, *-en* — множественное число существительных женского рода и существительных слабого склонения, *-st* глагольная форма 2 л. ед. ч. и т. д.

К грамматическим морфемам относятся части слова, служащие для образования грамматических словоформ: префиксы, суффиксы, окончания множественного числа, степеней сравнения прилагательных, временных форм глагола, спряжения глаголов по лицам, склонение именных частей речи по падежам. Например, в немецком языке: префикс *ge-* и суффикс *-t* для глагольной формы *Partizip II (gemacht)*, суффикс простой прошедшей формы глагола *-te (machte)*, суффикс инфинитивной формы глагола *-en (machen)*, суффиксы сравнительной *-er (grösser)* и превосходной степени прилагательных *-st (grösst(e))*, суффиксы множественного числа существительных (*-er, -en, -s, -e*).

К лексическим морфемам относятся словообразовательные морфемы: суффиксы, префиксы, инфиксы. Примеры с немецкого языка: глагольные префиксы *be-, ge-, er-, ver-, zer-, ent-, emp-, miss-, ab-, an-, mit-, nach-, zu-, bei-*;

суффиксы глаголов: *lächeln, studieren*; номинальные суффиксы женского рода: *-haft, -schaft, -heit, -keit, -in, -e, -tion, -ei, -ung*; суффиксы мужского рода: *-er, -ler, -ling, -ar, -ismus, -ist, -ant, -ent*; суффиксы среднего рода: *-um, -lein, -chen, -ium, -nis*.

Словообразовательные суффиксы и префиксы способствуют формированию нового слова:

Англ: -ment settlement, installment

-er writer, reader;

-ian phonetician, optician

Нем...: ver- vergehen, vertreiben

-er Lehrer, Schreiber

-ig ledig, windig.

Вслед за М.Ю.Казак [см.: выше], приведем морфемный анализ русского слова *журналистка*: выделяются четыре морфемы – корень (основная морфема) *журнал-* (выражает основное предметное значение «периодическое издание»), суффикс *-ист-* (выражает значение лица), суффикс *-к-* (значение женского рода), окончание *-а* (грамматическое значение рода, числа, падежа).

Кроме аффиксов есть также и так называемые аффиксоиды (полуаффиксы), а именно морфемы, восходящие к корневому типу, но с ослабленным лексическим значением и с достаточной регулярностью выполняющие функцию аффикса в словообразовании. Наиболее яркими примерами полуаффиксов являются в английском языке суффиксоиды *-man* и *-boy* в словах типа *postman*, *spaceman*, *horseman*, *fisherman*, etc.; *cowboy*, *newsboy*, *playboy*, etc. В немецком языке: префиксоиды и суффиксоиды: *Bombe-*, *Super-*: *Bombenerfolg*, *Bombenschlag*, *Sexbombe*, *Supermensch*, *Superkleid*.

Надо отличать слог от морфемы. Слог не является единицей словообразования. Морфема может состоять из двух и более слогов.

В казахском языке, относящемся к агглютинативным по строю языкам, слово также имеет морфемную структуру. Слово состоит из корня, корня и аффиксов /составные слова/, производных слов, удвоенных слов, сложносокращенных слов, словосочетаний. Корень – первоначальная, неделимая основа слова. Виды корня:

1. Простой корень (*ата, кітап, адам, мектеп*)

2. Удвоенный корень (*тау-тау, кезек-кезек, ата-ана*)

3. Сращенный корень (*белбеу, Көкшетау, бозторғай*)

Лексические морфемы (суффиксы): *бала – бала+лық*, *мал – мал+шы*, *дәрі – дәрі+гер*, *өнер – өнер+паз* и т.д. Грамматические (словоизменяющие) морфемы (окончания): *бала-лар*

(множественное число «дети»); бала-лар-мен (падежное окончание «с детьми») [см.: Жаналина 1998].

Морфемы подразделяются на свободные и связанные. Свободные могут, как основные морфемы образовывать отдельные лексические единицы. Связанные морфемы не употребляются в качестве самостоятельных лексических единиц и рассматриваются в качестве служебных для построения слов только в связке с основной морфемой. Корневая морфема выражает основное значение слова и остается стабильной даже при изменении форм слова (нем: lesen-las-gelesen; stark-stärker-am stärksten; Haus-Häuser; рус.: цвет-цвета; лес-лесом; хорошо-лучше; шал-шалдар-шалдармен; ку-кулау).

Морфемы могут быть вариативными и иметь разные формы. Варианты морфем называются алломорфами, которые часто проявляются при словообразовании. Например, нем. der Garten – der Gärtner – das Gärtchen; der Berg – das Gebirge; singen – der Gesang – der Sänger; рус. Здоровье-здравый; восток-восточный; снег-снежный; белый-белешенький-белехонький. «В казахском языке выбор алломорфов служебных морфем определяется фонемным составом корня», - подчеркивает Л.Жаналина, и в качестве доказательства особого влияния закона вокального сингармонизма в языке приводит такие примеры вариативности морфем, которые, по своей лингвистической природе и грамматической характеристике должны были бы быть воспроизводимыми и устойчивыми: шаңқы - бұрғы - сүзгі; тоқылдақ-шіңкілдек-тайлақ [Жаналина 1998:20-21].

Помимо префиксов и суффиксов в лингвистике выделяют еще ряд позиционных типов аффиксов: например, регулярное чередование гласных внутри корня, в результате которого меняется значение слова, может описываться как **«инфикс»** или **аддитивная морфема**, например: лексический инфикс – *blood – to bleed*; грамматический инфикс – *tooth – teeth*. Tragen – trug, finden-fand, Vater-Väter, Mutter-Mütter.

Грамматические инфиксы также называют **«внутренними флексиями»** в противопоставлении с грамматическими суффиксами, которые называют **«внешними флексиями»**. Поскольку инфиксация не является продуктивным (регулярным) способом словообразования или словоизменения в современном английском языке, подобные случаи чаще рассматривают как **частичный супплетивизм**. О **полном супплетивизме** речь идет тогда, когда в рамках одной парадигмы объединяются абсолютно разные корни, например: *go – went, sein-war*.

При изучении морфем необходимо разграничивать морфемы как абстрактные языковые единицы от их конкретных речевых манифестаций, вариантов в конкретных контекстных окружениях; варианты морфем называются «алломорфы». Например, алломорфы корня снег – снежный (снег-снеж - два корневых алломорфа).

Различают еще так называемую «нуль-морфему». Нулевая морфема: «значимое отсутствие», суффикс, не выраженный звуками и буквами (на письме), но передающий определённое грамматическое значение. Например, в случае английского существительного house значение нулевой флексии - "общий падеж, единственное число", в случае прилагательного small - "положительная степень". Отсутствие окончания в форме dance, противопоставленной только форме dances, служит признаком общего падежа единственного числа, но признаком множественного или единственного числа настоящего времени, если dance входит в систему форм dances, is dancing, has been dancing, danced и т.д.

Большое количество грамматических форм с нулевой флексией - одна из особенностей современного английского языка.

Грамматическая форма слова, имеющая нулевую флексию, омонимична его основе. Например, форма положительной степени прилагательного hot (т.е. hot- + нулевая флексия) внешне не отличается от основы hot-, входящей в состав сложных слов hot-headed, red-hot и др.; форма общего падежа единственного числа существительного enemy (т.е. enemy- + нулевая флексия) внешне совпадает с основой enemy- в составе сложных слов enemy-held, enemy-encircled и др. В немецком языке нулевую морфему наблюдаем в форме повелительного наклонения, например: Imperativ = Bleib+0, Geh+0, Sitz+0.

Касательно других видов морфем можно еще сказать, что различают так называемые «псевдоморфемы», которые встречаются лишь в единичных случаях и трудно подвергаются как вычленению, так и анализу. Если взглянуть на эти структуры с позиции истории языка, то они, скорее всего, являются языковыми реликтами, появившимися по разной причине в ранний период развития в словах и застывшие в такой единичной форме. Например, псевдоморфемы в немецких словах: Bräutigam *gam* и beginnen *gin*; англ.: hamlet *ham* и др. Псевдоморфемы не входят в перечень постоянных морфем языков и вызывают определенные трудности при морфемном анализе слов или анализе непосредственных составляющих (конституэнтный анализ).

Таким образом, каждое слово имеет свою морфемную структуру и может способствовать путем разложения на составные морфемы восприятию выражаемой семантики.

Основные понятия словообразования

Словообразование как полноправная наука имеет в своем арсенале специфический набор терминов и понятий, которые по своей сути определяют ее дифференциальную специфику в системе языка. Основные термины и понятия, приводимые в работе, опираются на определения, в той или иной мере представленные в трудах по грамматике современных языков:

- немецкого (В.Флейшер, М.Д.Чернышева, И.И.Степанова, Г.Н.Эйхбаум, П.Браун, Г.Альтманн, В.Г.Адмони),
- русского (И.С.Улукханов, Е.А.Земская, Н.Ю.Шведова, А.В.Бондарко, В.Н.Белоусов, В.В.Лопатин, В.Н.Вомперский),
- казахского языка (Р.Сыздык, Ш.Сарыбаев, М.Балакаев, И.Кенесбаев, Г.Мусабаев, Б.Абилкасимова, С.Исаев, А.Кайдар, Л.Жаналина).

Начнем со словообразовательного типа, который включает в себя словообразовательный формант, определяемый словообразовательной мотивацией, как находим у И.С.Улукханова [Улукханов 2012:7].

В современном словообразовании выделяют два вида мотивировки: мотивировку признаком и мотивировку всем содержанием. Мотивировка признаком присуща простым словам, а мотивировка всем содержанием действует активнее в сфере композитообразования. По мнению Л.К.Жаналиной, «при мотивировке признаком реализуется наиболее совершенный вариант приспособления языка к выражению мысли» [2011:105-106].

Мотивация является важным связующим и имманентным явлением при словопроизводстве, ибо лингвистическое осмысление производной лексемы на уровнях *lanque* и *parole* задается именно его внутренней структурой. Это значит, что словообразовательная морфемика становится не просто значимой, а интенциональной (смыслонесущей). *Цель деривата раскрывается через мотивацию производящей основы.* Между элементами любого живого языка непременно завязываются определенные связи и взаимодействия.

Определенный языковой уровень будет тем системнее, чем меньшее количество правил требуется для его полного описания и чем

большее количество фактов охватывается каждым из правил. Еще со времени структурализма известно о степени системности словообразования таким образом: все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении. Поэтому для выявления форм и моделей словообразования требуется не поверхностный взгляд, напротив, - тщательное сопоставительное изучение форм, методов, словообразовательных средств и наличия словообразовательного значения у форм, которое напрямую зависит от мотивационных структур.

О характере соотносительных связей лексем, находящихся в отношении семантической транспозиции известно, что слова, сопоставляющиеся по конверсии, связаны внутренней семантикой и морфологически не различаются как основное и производное, так как их основы одинаковы, и только определенная дифференциация их семантического строения может указать на основу слова и его производное. Е.С.Кубрякова, останавливаясь на особенностях семантической транспозиции, пишет, что «суть процесса заключается не в расширении и не в сужении основы, а в ее переосмыслении, в повороте производящей основы, в рассмотрении ее под новым углом зрения» [1976:290]. Как видим, мотивационные отношения между производящей и производной основой настолько сильно «впаяны» во внутренний формат деривата, что без их раскодирования трудно поддается объяснению вновь создаваемая форма слова и его семантика. В идеале мотивация производного прозрачна, однако во многих единицах она бывает затемненной, либо утерянной со временем. В последних случаях приходится применять для анализа специальные лексикографические источники.

Итак, словообразовательная мотивация – это отношения между двумя однокоренными словами со следующими признаками:

1) значение, одного из которых полностью входит в содержание другого. Например: Arbeit «работа»/ arbeiten «работать» («совершать работу»)/ Arbeiter «рабочий» («тот, кто работает», «тот, кто совершает работу»);

2) значение одного слова тождественно значению другого или синтаксические позиции слов различаются. Примеры: рус. *бежать-бег*, *быстрый-быстро*, нем. *laufen-Lauf*, *sitzen-Sitz*, *Laut-lauten*, каз. *отыру-отырыс*, *шыгыс-шыгу* - слова образуются разными частями

речи; второй компонент таких пар является синтаксическим дериватом, по Е.Куриловичу;

3) слова могут различаться стилистически суффиксами при совпадении синтаксической функции: рус. *вор-ворюга*, *преподаватель-препод*, *овраг-овражек-овражище*, нем. *Heinz-Heini*, *Buch-Büchlein*, *Vater-Väterchen*, каз. *құлын-құлыншақ-құлынтай*, *Жарқын-Жақа-Жақатай*.

Мотивационные отношения возникают между словами одного словарного гнезда, т.е. совокупности множества слов, восходящих к одному корню. Однако, по мнению И.С.Улуканова, не все отношения между членами словообразовательного гнезда являются словообразовательной мотивацией. Так, к примеру, слова *овражек-овражище* являются носителями оппозиционных признаков «маленький» / «большой», не присутствующих в обоих словах одновременно. В данном случае словообразовательная мотивация присутствует в следующих парах слов, как показано в диаграмме:

Однако словообразовательная мотивация отсутствует между *овражище* – *овражный*; *овражек* – *приовражный*; *овражный* – *приовражный*. В этом случае отсутствует производящая первооснова «овраг» и слова являются сами производными, т.е. вторичными номинациями.

Словообразовательный формант

Одним из основных понятий для словообразования является *словообразовательный формант*. Этот термин введен В.В.Лопатиным

и И.С.Улукхановым, далее его значение изменялось по мере развития словообразования.

Под словообразовательным формантом понимается наименьшее в формальном и семантическом отношениях словообразовательное средство из числа тех средств, которыми определенное слово отличается от слов, находящихся с ним в отношениях мотивации. Так, в казахском языке основа *тарих* связана с прилагательными *тарихи*, *тарихшыл* так же, как с существительными *тарихшы*, *тарихнама*, *тарихшылдық*. Отличие первоосновы от указанных прилагательных заключается в суффиксах *-и* и *-шыл*. Формантом слова *тарихшыл* является суффикс *-шыл*, наименьшее формальное и семантическое словообразовательное средство, отличающее это слово здесь от производящей основы *тарих*. Таким же образом устанавливаем форманты в словах *тарихшы* (суффикс *-шы*), *тарихнама* (суффикс *-нама*), *тарихшылдық* (суффиксы: *-шыл*, *-дық*). Если посмотреть на значения производных слов, то они все являются в своей семантике мотивированными от производящей и мотивирующей основы: *история* – *исторический*, *историк*, *историография*, *историчность*. Как нетрудно заметить в этом примере, формант может состоять из одного словообразовательного или нескольких словообразовательных средств. Это можно увидеть и в таком примере: *fahren* - *abfahren* (Präfix *ab-*), *mitabfahren* (Präfixe: *mit-*, *-ab*).

Таким образом, словообразовательный формант выражается зачастую аффиксами (суффиксами, префиксами, инфиксами, полуаффиксами) или их сочетанием. Иногда при процессах усечения основ и сокращения формант представляется именно этими явлениями: *Uni* от *Universität* (отсечение в основе *-versi-* и суффикса *-tät*).

Наряду с этим, Л.К.Жаналина пишет, что в понимании словообразовательного форманта есть еще нерешенные проблемы. Так, к примеру, нет единого подхода к пониманию явления, нет единого мнения, из каких материальных элементов словообразовательный формант состоит и как он соотносится со словоизменятельными аффиксами, входит ли в его состав окончание [2011:418]. Автор считает, что конкретный набор элементов, составляющих словообразовательный формант, зависит в различных языках от состава в них морфем. Так, в русском языке, например, различаются три вида словообразовательных формантов (далее - СФ): 1) Чистый СФ со всеми типами словообразовательных аффиксов,

которые в производных словах используются отдельно, не соединяясь с другими словообразовательными аффиксами: *тепл-о*, *не-давно*, *карандаш-ик*, *карьер-ист*. Модель: один словообразовательный аффикс+один словоизменятельный аффикс. Если в функциональном аспекте чистые СФ одно- и двухморфемные, то в системе все они являются одноморфемными. Например: *кастрюль-н-ый* / *кастрюль-н(ый)*; *куку-шк-а/куку-шк(а)*; *озор-ник/озор-ник(нулевое окончание)*. 2) Смешанный СФ состоит из разнотипных словообразовательных аффиксов (префикс, суффикс, постфикс, флексия). Такие сочетания называются *конфиксами*. Они удлиняются функциональными окончаниями в изменяемых производных словах: *над-лоб-н-ый*, *коротк-о-волн-ов-ый*, *колос-и-ть-ся*, *про-штра-и-ть-ся*; *по-ровн-у*, *в-ручн-ую*, *мим-о-ход-ом*. 3) Осложненный СФ возникает, когда при формировании звукового облика производного слова наряду с чистыми и смешанными СФ принимают участие фонологические трансформации в виде звуковых чередований, перемещения ударения, усечения основы слова. Эти средства не изменяют значения деривата, но все же их надо учитывать как формообразующий элемент: *двига(ть)/дви-ну(ть)*; *кто/кто-нибудь*; *мороз/морожен-ое*; *рог/о-рогов-е(ть)*.

Согласимся с Л.Жаналиной в том, что СФ – показатель отношений производности [2011:431]. Именно он маркирует словообразовательную мотивацию.

Словообразовательное значение

Значение, выраженное с помощью словообразовательного форманта называется *словообразовательным значением*. Л.К.Жаналина справедливо считает, что «словообразовательный формант в номинации вторичен по отношению к своему содержанию» [2011:205]. Содержание, словообразовательное значение отличается рядом признаков от грамматического (категориального и частного) и от лексического значений.

Различие это состоит, по мнению И.С.Улукханова [1992:10], в следующем. Словообразовательное значение охватывает часть слов, относящихся к той или иной части речи. В этом состоит его отличие от категориальных грамматических значений, таких, например, как значение предметности у существительных, признаковости у

адъективов или процессуальности у глаголов, охватывающих все слова данной части речи.

Словообразовательным значением считается значение словообразовательного аффикса [Жаналина], значение морфемы [Шанский]. Словообразовательное значение не образует рядов значений, которые находятся в отношении противопоставления в рамках единой морфологической категории, охватывающей все слова одной части речи. В этом состоит отличие словообразовательных значений от частных грамматических, таких как, например, значения совершенного и несовершенного вида, образующие морфологическую категорию вида.

Словообразовательное значение не является индивидуальным значением слова. Оно выделяется из соотносительных рядов мотивированных или одноморфемных слов. Словообразовательное значение выстраивает ряды производных одного словообразовательного типа или многоморфемных слов, имеющих одну общую морфему. В этом состоит одно из его отличий от лексического значения. Кроме того, словообразовательное значение в отличие от лексического имеет специальное средство выражения – словообразовательный формант. Такое значение, как «агентивность», является словообразовательным; оно свойственно части существительных и выражено специальными суффиксами, сравним форманты *nomina agentis*: рус. –*изация* (пастеризация), –*ёр* (бойкотёр, гипнотизёр), нем. –*ung* (*Pasteurisierung*, *Faradisierung*), каз. –*шы* (гипнозшы).

Словообразовательное значение выделяется путем сопоставления мотивированных и мотивирующих основ. В отличие от грамматического и лексического, словообразовательное значение, помимо компонентов, входящих в его состав, всегда содержит указание на отношение мотивированного слова к мотивирующему. Если в качестве примеров взять деонимы, о которых мы говорили раньше, то здесь наблюдаем следующее: мотивации, основываясь на транспозиции значения производящей основы, подпадают под один общий вопрос, выясняющий основную причинно-логическую связь между означаемым и означающим – (названо, например, реальным собственным именем - почему? или: по какой причине?). Этот основополагающий вопрос имеет модификации в каждом отдельном случае, такие как, например, *страдивари*, *Silvester*, *Шықбермес Шығайбай* (почему?), *Kognak*, *регби*, *қостанай жылқысы* (откуда?),

буденовка, *Sandwich* (как что?), *Судыр Ахмет*, *Herkules*, *Емеля* (как кто?), *алашордашыл*, *олимпийский*, *cāsarisch* (какой?), *verballhornen*, *жантықтану*, *скитаться* (совершать действия как кто?) и некоторые другие.

Единство мотивирующей категории способствует появлению словообразовательных стандартов в виде идентичности словообразовательного значения. Опираясь на концепции М.Докулила и Е.А.Земской [1992:94-96], выделяем следующие виды словообразовательного значения у номинативных частей речи:

- агентивность (*nomina agentis*) – выражает деятельность (рус. *геопозиционирование*, *копирайтинг*, *апгрейд обновление*; нем. *Piercing* «пирсинг», *Carsharing* «групповое пользование автомобилем»; каз. *шөктіру* «усаждение», *мобильдік қызмет корсету* «мобильное обслуживание»)

- акториальность (*nomina actoris*) – выражает наименования лиц и предметов (рус. *аниматор*, *байкер*, *бакалавр*, *дистрибьютер*; нем. *Laptop* «ноутбук», *Zubegleiter* «кондуктор»; каз. *меңгерік* «руль», *самалық* «балкон», *заңгер* «юрист»)

- посессивность (*nomina possessiva*) – выражает принадлежность (рус. *экшен-фильм*, *веб-дизайн*, нем. *Computermouse* «компьютерная мышь», каз. *IT технологиялар*)

- квалификативность (*nomina qualificativa*) – выражает качество (рус. *видеоролик*, *онлайн-урок*, нем. *Cyberkrieg* «кибервойна», каз. *интерактивті тақта*).

Здесь не учтены глаголы, как значимая часть речи, которая также подвергается деривативным изменениям и его форманты имеют словообразовательное значение действия: рус. *клон* – *клонировать*; нем. *SMS* – *simsen*, каз. *алтын* – *алтын шаю*.

Таким образом, понятие мотивированности относится к важным внутренним процессам, способствующим формированию словообразовательного (деривационного) значения производных основ и часто будет появляться в анализе дериватов. Производящая (по сути, корневая основа) дает главный мотив для выбора и сочетания словообразовательного форманта: нем.: *Bund* – *bundeseigen*; *mail* – *tailen*; рус. *Луна* – *прилуниться*; каз. *ғалам* – *ғаламшар*, *ғаламтор*, *ғаламдық*. Словообразовательный формант позволяет определить производное в группу слов по его значению, как было представлено выше.

Словообразовательный тип

Одним из центральных понятий словообразования является и понятие *словообразовательного типа*. Е.А.Земская дает следующее определение этому понятию: «Словообразовательный тип – это схема (формула) строений производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического отношения между производными и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования, а для аффиксальных способов тождественностью аффикса» [1973:182].

Согласимся с И.С.Улухановым, что в этом определении есть некоторые погрешности относительно «семантического соотношения между производным и производящим». В качестве аргумента он приводит нетождественность семантических отношений в парах как партизан – партизанить, столяр – столярить и смола – смолить, воск – вощить, мотыга – мотыжить, гарпун – гарпунить. Автор уверен, что множество уникальных семантических отношений остается не учтенными, если принять во внимание предлагаемое положение о тождественности всех семантических отношений производящих основ и дериватов, произведенных идентичным формантом.

И.С.Улуханов формулирует другое определение понятия «словообразовательный тип», к которому мы присоединяемся, и будем называть словообразовательным типом «формально-семантическую схему построения слов, характеризующихся: а) общностью частью речи мотивирующего слова, б) формально и семантически тождественным формантом» [2001:13]. Таким образом, каждый из разнообразных видов семантических отношений производящей основы и производного имеют свою специфику и содержание.

Л.К.Жаналина пишет, что словообразовательный тип можно понимать двояко [2011:370-373]. Во-первых, это схема, соответствующая четырем признакам: 1) части речи мотивированных слов; 2) части речи непосредственно мотивирующего слова; 3) формального соотношения между мотивированным и мотивирующим словами / словообразовательного форманта; 4) словообразовательного значения (полная или частичная общность). Например, по одному и тому же словообразовательному типу построены такие слова, как *қаламгер, майдангер, дәрігер, жауынгер* в значении лица в казахском языке или в русском языке: *исследователь,*

читатель, писатель и т.д. Таким образом, отнесенность к одному словообразовательному типу означает принадлежность к одному и тому же способу словообразования, объединенному одним и тем же типом словообразовательного форманта. Словообразовательный тип отличает разный тип аффиксов (*ғарышкер, табыскер, но: еңбекқор, жемқор*).

Во-вторых, словообразовательный тип – это комплексная единица, могущая объединять совокупности словообразовательных пар с тождественными формально-семантическими отношениями. Здесь словообразовательный тип характеризуется следующими признаками: 1) все мотивированные слова имеют общий формант; 2) все мотивированные слова имеют тождественные словообразовательные значения с возможными отклонениями от этого тождества (лицо по занятию / лицо по профессии: *меңгеру-меңгеруші = жүргізу-жүргізуші; қалам-қаламгер ~ дәрі-дәрігер*); 3) все мотивированные слова восходят к разным лексемам одной части речи (**читать-читатель; создать-создатель**).

Различают *открытые* и *закрытые* словообразовательные типы на основе их продуктивности и частотности. Закрытые отличаются малой продуктивностью и «закаменелостью» существующих словообразовательных пар: *гнать-гонять, катить-катать, лететь-летать* в русском языке; *қату-қатты, шығу-шығыс, кіру-кіріс* в казахском языке. Открытые словообразовательные типы характеризуются большой продуктивностью и повторяемостью (прототипны). Сюда относятся мотивированные слова с продуктивными формантами в виде аффиксов в языках. Например, в казахском языке суффиксы *-лық/-лік, -тық/-тік, -дар/-дер, -тар/-тер, -қар/-кер* и др. В русском: *-тель, -щик, -ость, -ник, -(и)ще* и др. Префиксы *-анти, -супер, -сверх, -не, мини-* и др. присутствуют во многих языках и являются открытыми словообразовательными типами.

Комплексы словообразовательных типов на основе формально-семантического тождества называются *словообразовательными архетипами* и имеют следующие признаки: 1) единство конкретного словообразовательного форманта в мотивированных словах; 2) общий инвариант словообразовательного значения; 3) единая частеречная отнесенность мотивированных слов; 4) различная частеречная принадлежность мотивирующих слов с разными словообразовательными типами. Например, словообразовательный

архитип с суффиксом *-чик/-щик* в русском языке, *-лық/лік* в казахском языке имеет три словообразовательных типа;

1. обидеть – обидчик; Бар-баршылык
2. жестяной – жестянщик; Кең – кеңшілік
3. чайхана – чайханщик; Шаруа – шаруашылык.

Словообразовательное гнездо

Уместным будет пару слов сказать о *словообразовательных гнездах*, относящихся также к словообразовательным характеристикам, выражающим систему определенных отношений, в которые вступают производящая и производная основы. Под словообразовательным гнездом понимаются однокорневые, синхронно сосуществующие образования, созданные на одной ступени деривации. Например, каз. *батыр, батырлық, батырша; туыс, туыстық, туысқан, туысқандық, туыстас*; рус. *место, местами, местечко, местность, местный, местожительство, местнический, местком, местонахождение*; нем. *Arbeit, Arbeiter, Mitarbeiter, Nachtarbeit, arbeiten, arbeitsgemäß* и т.п.

Среди мотивирующих основ много заимствованных слов, а словообразовательная активность иноязычного элемента – есть показатель укоренения заимствования в языке. Адаптация – процесс постепенный и длительный. Среди них встречаются и относительно разветвленные словообразовательные гнезда как, например, рус. *вулкан* [по имени древнеримского бога огня и кузнечного искусства Вулкана, в древнегреческой мифологии Гефест]: *вулканизат, вулканизация, вулканизм, вулканология*.

В системе словообразования в разные периоды жизни языка словообразовательные типы, да и способы тоже, приобретают разную степень активности. Образование слов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в активный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели. Причинами таких смещений акцентов являются либо потребности самого языка - недостаточность или избыточность тех или иных образований, либо определенный социальный заказ, наконец, просто языковая мода, когда под одну, полюбившуюся модель подгоняются разрозненные и часто неоправданные словообразовательными принципами формы. Например, при развитии техники, технологий, производства возникает необходимость в новых

наименованиях, которые и создаются по типу имеющихся в языке, только значительно расширяется круг образованных таким образом слов. При усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов.

При изучении активных процессов словообразования, необходимо отметить еще одно важное понятие, которое способствует появлению словообразовательных гнезд. Речь идет о так называемых «ключевых словах». Этот термин встречается в работах Е.А.Земской, Ю.Н. Караулова, Т.В. Шмелевой. В этих работах «ключевые слова» широко используются как базовые основы, рождая новые группы однокоренных слов.

Активность ключевых слов влияет не только на их словообразовательный потенциал, но и на связи с другими словами, актуализируя те или иные отношения между словами в лексической системе языка.

По определению Е.А. Земской, "«ключевыми словами» следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания"[1992:23]. К ключевым словам современной эпохи относятся как имена собственные, так и имена нарицательные, часто использующиеся в речи. Е.А. Земская выделяет 2 вида частотных слов:

1) слова, получающие высокую частотность и словообразовательную активность на короткий период времени, «действующие подобно взрыву или вспышке». Они обнаруживаются в период общественных катаклизмов, социально значимых событий, вспомним такие слова, как *перестройка, путч, оранжевая революция, террорист, саммит, азиада* и др. Особую активность, к примеру, ключевого слова *путч* можно видеть по количеству его производных: *путчисты, антипутчисты, послепутчевый, путчи́зм, постпутчевый, антипутчевый, путчистский*. К социальному и общественному катаклизму можно отнести мировую пандемию, вызванную COVID-19 и сопровождающуюся целым арсеналом новой лексики: *коронапандемия, постпандемия, пандемийный, антипандемийный, послепандемийный, допандемический*. В немецком языке следующие примеры ключевых слов времени пандемии: *Corona, Corona-Pandemie, coronakrank, Corona-Abitur, Anti-Coronavirus*,

Coronasemester, Corona-Wortschatz и др. Как пишет Винцент Балнат [2020:12], в немецком языке обнаруживаются 1500 различных словоформ с основой *Corona*, большинство из них сложные слова.

2) Второй вид «ключевых слов» – это слова активные, высокочастотные длительное время (год или больше). Они более показательны для эпохи, так как показывают явления, характеризующие ее более глубоко. В качестве примера можно привести вновь выше названный период пандемии, который длится уже два года и оброс в каждом языке целым арсеналом новой лексики, вызванной различными условиями жизни. Так, к примеру, в казахском языке: *инфекция, COVID-19 инфекциясы, коронавирус инфекциясы, инфекциялану, инфекциялық, инфекция таратушылық, инфекция ошағы, антиинфекция*.

Для сегодняшнего дня во всех языках ключевыми являются многие слова, относящиеся не только к мировым социальным катаклизмам, как пандемия, но и к сфере экономики, образования и политики. Сегодня во всех без исключения языках можно встретить ключевые слова, как *дистанционный, цифровой, онлайн, оффлайн, интернет-платформа, инновационный, технология* и др. Каждое из перечисленных лексических единиц стало словообразовательной основой, мотивирующей становление новых словоформ.

Системными закономерностями в словообразовании являются все закономерности, которые определяют возможность или невозможность образования слов. «Импровизируемое мною слово, - писал Ф. де Соссюр, - уже существует в потенции языка ..., а его осуществление в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования» [Соссюр 2001:165]. С этим тезисом можно согласиться с позиции исследователя словообразования, но не с позиции сторонника коммуникативности речи. Ведь слово предназначено, в конечном счете, для отражения коммуникативного смысла.

Мы разделяем мнение И.С.Улукханова о том, что «во всяком описании словообразовательной семантики должно быть представлено членение плана содержания с помощью средств выражения, присущих языку» [Улукханов 1992:17]. Мы принципиально отвергаем всякое рассмотрение смысла без учета того, какими средствами языка этот смысл выражен. Поэтому считаем, что смысл и форма выражения этого смысла настолько тесно переплетены, что

установление жестких текстовых границ между понятиями «логическая семантика», «лексическая семантика», «словообразовательная семантика» - трудная задача, да в этом зачастую и нет необходимости. Обычно исследование проводится в комплексе и общей взаимосвязи этих, казалось бы, относящихся к разным сферам языка, явлений. Это бывает продиктовано спецификой изучаемого словообразовательного процесса и результата его деятельности – корпуса производных слов, занимающих в силу своей структурной особенности и семантической специфики особое место в общем лексиконе современных языков.

Словообразовательная модель: моделирование и прайминг

Моделирование относится к основополагающим словообразовательным средствам, имманентным в каждом живом языке и требующим учета и анализа из-за своей множественности и флексибельности.

Актуальность нашего исследования заключается в попытке разобраться и проследить отдельные модельные пути зарождения новых слов и выражений, выявить имеющиеся тенденции в словообразовании и определить продуктивность и уникальность некоторых словообразовательных моделей.

Выведем для начала рабочую формулировку понятию «модель» и определим ее лингво-коммуникативные особенности. Под моделью слова понимаем его устойчивую типовую (прототипическую) структуру (схему, формулу), включающую в себя определенные в том или ином языке словообразовательные и словоизменительные компоненты, расположенные в том порядке, который способствует различению выражаемой словом семантики. Это есть лингвистическая природа словесной модели.

В коммуникации же у модели другие качества. Они обусловлены повторяемостью, частотностью и устойчивостью. Устойчивость модели как раз и влечет за собой ее воспроизводимость по подобию первично созданного и знакомого прототипа. Речь идет о действии, эффекте так называемой *имплицитной памяти* человека, т.е. памяти без осознания. Как известно в ученые-психологи выделяют при описании рабочей памяти и *эксплицитную память*, под которой понимаются процессы запоминания под осознанным контролем. В отличие от эксплицитной в тесте на проверку имплицитной памяти

человек легко выполняет задания, интуитивно опираясь на влияние своего прошлого опыта, сам того не осознавая. Здесь уместно будет сказать о так называемом свойстве прайминга, которым обладает словообразовательная модель. На самом деле имплицитная память человека действует на все стороны опыта без исключения. Это случается очень часто в повседневной жизни человека. Но в связи с тем, что здесь мы ведем речь о словообразовательных моделях, поэтому главным остается эффект *словообразовательного прайминга*.

Термин «прайминг» из психологии употребляем вслед за А.Бэддели и он «... касается наблюдения, что слово или предмет, будучи увиденным или услышанным более одного раза, будет воспринят с большей готовностью» [цит.из: 1,229]. В целом термин в психологии, как оказалось, воспринимается двояко: с одной стороны, это действие, «влекущее за собою более точное и быстрое решение задачи в отношении идентичного или сходного воздействия», с другой стороны, это результат, т.е. ответ человека «на появление объекта, с которым он незадолго до этого встречался» [там же]. О.Федорова пишет, что «первое более правильно будет называть преднастройкой (Величковский 1982), подготовкой (Андерсон 2002) или подсказкой (БСП 2003), а второе – эффектом предшествования (Бэддели 2001) или прайминг-эффектом» [там же]. В связи с устойчивостью грамматических моделей словесных знаков, а вследствие этого их априори ориентирующей роли при распознавании выражаемого смысла (преднастройка), полагаем психологический метод прайминга может использоваться при анализе данных эмпирического исследования, которое мы намереваемся провести.

Итак, модель имеет самую непосредственную связь со значением слова, более того, можно, наверняка, говорить о том, что значение слова в некоторой степени зависит от его внутренней модели. Е.В.Падучева пишет, к примеру, что «модель семантической деривации – это правило, которое позволяет получить толкование производной лексемы из толкования исходной» [Падучева 2004:149], напрямую связывая модель деривата с отображаемым значением. Далее у автора читаем: «Если бы модели деривации обладали абсолютной продуктивностью, то семантика корневой морфемы позволяла бы предсказать парадигму семантической деривации...» [там же]. Абсолютно соглашаясь с российским ученым, мы бы могли предложить в рамках наших дальнейших изысканий говорить о модельной парадигме в языке, потому что множественность моделей

все же исчисляема и, модель приводит не только к единой структуре, но однотипности приобретаемого значения слов, о которой мы собираемся говорить позже.

Итак, морфемы, моделирующие слова, являются значимыми частицами, это добавляет истинности выше сказанному. Так, к примеру, новое слово в казахском языке: уикилендіру «ввести в википедию» уики + -лен + -дір + -у явно восходит к казахскому варианту слова википедия – уикипедия и является по внутреннему содержанию гибридным образованием, обремененным казахским формативом, что позволяет носителям казахского языка правильно категоризировать единицу в отношении ее модели образования (мы не говорим здесь относительно смыслового наполнения, т.к. оно может вызывать определенные трудности с раскодированием в связи с малой частотностью употребления данного слова и отсутствием прайминга); или другое слово: бейнетіркегіш «видеорегистратор» бейне + тірке(у) + -гіш, модель, присутствующая в казахском языке и не вызывающая сомнения в ходе распознавания, ср.: көрсет-кіш, тоңазыт-қыш, отырғыш. Логика выстраивания внутрисловных морфем (корневая и словообразовательная) и примыкание к ним формообразующих аффиксов ведут не только к формированию итогового значения слова, но и его грамматических форм и категорий, как видим из выше приведенных примеров: инфинитивная форма глагола и сложное имя существительное.

В языке нет ни одной лексической единицы, не основывающейся на собственной модели. Модель, как структурная основа, ведет слово к функционированию на уровне речи. Модель, на наш взгляд, относится к наиболее устойчивому и исчисляемому процессу словопроизводства, по крайней мере, на уровне синхронного изучения, она позволяет воспроизводить «серийно» новые имена «по образу и подобию».

Вернемся к мысли о модельной парадигме. Она может быть вполне правомочной, ибо модель устойчиво объединяет слова одной структуры по форме и содержанию и образует единый модельный ряд слов, который можем назвать и парадигмой, т.е. совокупностью однотипных образований, имеющих еще и единообразное направление выражаемой семантики. Модель, как базис словообразовательного механизма, имеет отношение к формированию словообразовательного значения. Напомним о типологии словообразовательного значения М.Докулила и Е.А.Земской, о которой уже говорилось выше. Там

выделялись агентивность, акториальность, поссесивность и квалификативность именных частей речи.

Так вот, опираясь на эту историческую универсальную классификацию видов словообразовательного значения, попытаемся проследить за участием модели слова в формировании той или иной смысловой серии дериватов и выяснить степень активности той или иной модели для отражения современной реальности. По наблюдению Ш.Курманбайулы [6,6-28], в современной активной лексике казахского языка явно выделяются по частотности определенные категории слов. Так, по его утверждению, среди новообразований доминируют модели с суффиксами – лык/-лік, -дык/-дік, -тык/-тік, которые, как мы далее установили, имеют в своем большинстве агентивное, акториальное и квалификативное значение. Остановимся более подробно на анализе именно этой доминирующей группы слов и продемонстрируем примеры. Агентивы: тілбұзарлық «нарушение норм языка», болжалдылық «прогнозируемость», менбілермендік «самонадеянность», көшірімпаздық «склонность к копированию», жатып-ішерлік «тунеядство» и т.п. Надо заметить, все приведенные примеры в своей основной морфеме восходят к глагольной основе, а, значит, выражают определенное действие. В большинстве иллюстративных примеров этой группы глагол находится в глубинной первичной основе, на которой уже создан в свое время дериват со значением акториальности или квалификативности, поэтому значение слова в целом может иметь оттенок лица/предмета или признака, выражая абстрактное действие/состояние, как-то: шығар-ма-гер-ші-лік «творчество». Посмотрим на некоторые устойчивые модели этих *nomina agentis*:

S + -құмар + -лық, где S – имя существительное, а регулярный конституэнт –құмар (болу)- рассматриваем как суффиксоид с латентным значением «иметь тягу к чему-л.» (атақ-құмар-лық «тщеславность»; көлік-құмар-лық «автолюбительство»; қызмет-құмар-лық «карьеризм»; арак-құмар-лық «алкоголизм», бүлік-құмар-лық «бунтарство»);

S + V + -лық/-лік (-дык/-дік, -тык/-тік), где V – глагольная основа (қағаз-басты-лық «бумаготворчество», тіл-білгір-лік «знание языков», отан-сүйгіш-тік «патриотизм», көз-шалым-дык «зрительное восприятие», шешім-тал-дык «решительность»);

V + Suff (Suff...) + -лік/-лық (-дык/-дік, -тык/-тік), где Suff – словообразовательный суффикс (көшір-ме-ші-лік «плагиатство»,

кабылда-м-паз-дык «восприимчивость», шығар-ма-гер-ші-лік «творчество»);

Adj + V + Suff + -лік/-лык (-дык/-дік, -тык/-тік), где Adj – имя прилагательное (сокыр-сенім-ді-лік «фанатизм»);

әсіре- + Adj + -дык/-дік (-тык/-тік, -лык/-лік) (әсіре-әлеуметшіл-дік «сверхсоциальность», әсіре-діншіл-дік «сверхрелигиозность», әсіре-мактаншак-тык «сверххвастовство», әсіре-ұлтшыл-дык «сверхнационализм»).

Хочется отметить межъязыковую гармонию в том, что при переводе на русский язык используются суффиксы, придающие слову значения «деятельность» - ств-, «движение» -ость-, «учение» -изм.

Как было определено выше, в этой группе новообразований присутствуют и другие смысловые слои. Из общего корпуса, приведенного Ш.Курманбайулы, выделяются кваликатывы. Автор тоже замечает, что в своей модельной основе дериваты могут содержать имя прилагательное как часть речи, передающую признак и качество, такие, как: діндар, жиыншыл, кісішіл, оясыз, орыстақы и др. [6,8]. Конечная модель деривата:

Adj (S + Suff) + -лік/-лык (-дык/-дік, -тык/-тік) – жиын-шы-лык, кісі-ші-лік, оя-сыз-дык, дін-дар-дык и пр.

Однако здесь имеются и другие грамматические категории слов, которые в конечном деривате выражают признаковость. Примеры: дінаралык «межконфессиональный», жатырішілік «внутриматочный», тұлғаттык «портретный», зәкірлік «стратегический» и др. Если всмотреться в модель, имеющую особую продуктивность, то она следующая:

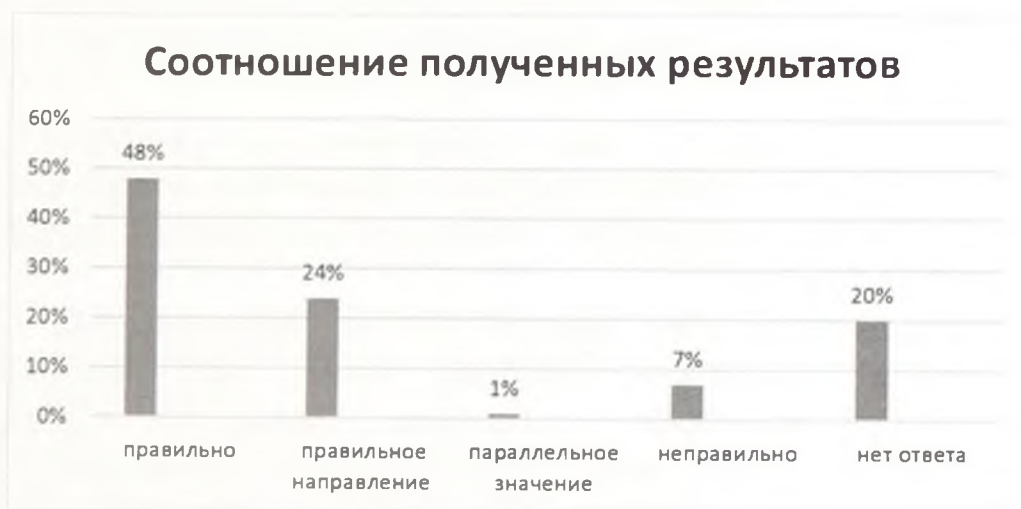
S + -ара + -лык, где -ара – суффиксоид со значением «меж» (топаралык «межгрупповой», тіларалык «межъязыковой», ұлысаралык «межэтнический», өніраралык «межрегиональный», калааралык «межгородской» и т.п.)

Акториативы в этом корпусе не так многочисленны. Среди обнаруженных примеров имеются такие, как: болашактык «болашаковец», жатжерлік «чужеземец», каптаулык «кавказец», мұздық «льдина», сулык «плащ», үштік «тройка», обозначающие лицо или предмет. Модель: S + -лік/-лык (-дык/-дік, -тык/-тік), ввиду ее множественного значения, а доминирующим все же, как было уже описано выше, является агентивность и кваликатывность, может привести к нарушению правильной раскодировки акториальности, поэтому, полагаем, необходимо знание контекста.

Умение моделировать внутреннюю структуру однозначно способствует вскрытию этимологического мотива появления словесного знака. А это очень важно не только при изучении языка и его лексики, как иностранной, но и для ориентировки самого носителя языка в массовых слоях новых лексических фактов. С целью проверки последнего нами проведен экспресс эксперимент на корректность распознавания новых лексических введений в казахском языке и выяснить наличие и роль прайминг-эффекта словесной модели. В качестве речевых стимулов был подобран корпус из 30 наиболее частых новых словоупотреблений из разных средств массовой информации. В экспресс эксперименте приняли участие 22 магистранта казахских групп обучения ЕНУ им. Гумилева в возрасте от 23 до 36 лет. Задание было: записать смысловую ассоциацию на звучащий стимул, если слово знакомо, указать его прямое значение и выделить слова, которые звучат относительно часто.

Итак, перейдем к анализу полученных результатов. Все ответы подразделены на категории в соответствии со степенью точности раскодированного значения. Параметры категоризации следующие: «правильный ответ», «правильное направление», «параллельное значение», «неправильное значение», «нет ответа». Ниже на схеме 1 изображен общий результат.

Схема 1.

Как хорошо видно из таблицы, около половины предъявленных слов-стимулов распознаны респондентами правильно, а более чем 20%

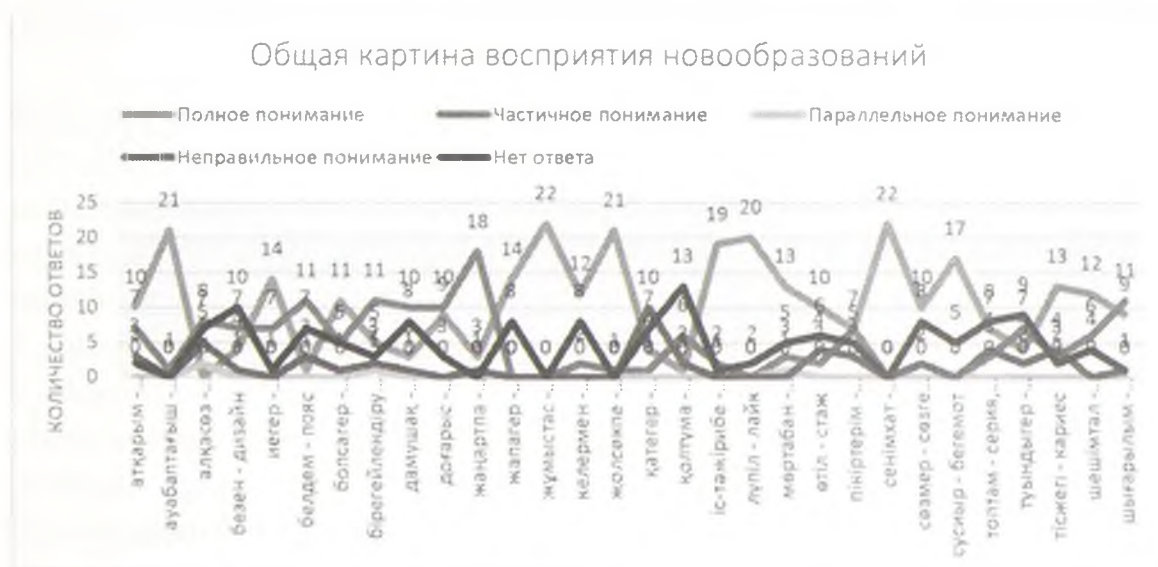
слов определены в правильном смысловом пространстве. Однако 27% слов поняты неправильно или вообще пропущены как незнакомые.

Теперь посмотрим, какие же новые слова оказались в лидерах с правильным восприятием у большинства респондентов. 100% правильно распознаны слова жұмыстас «коллега» и сенімхат «доверенность». Далее понятными оказались слова ауабалтағыш «кондиционер» и жолсөмке «дорожная сумка». Здесь всего лишь по одному ответу были зафиксированы неправильно, что составило 95% распознавания. Новое значение получает слово лүпіл - «лайк». На него правильно отреагировали 91% опрошенных. Достаточно прижилось слово іс-тәжірибе «практика», с ним знакомы 86% респондентов. Вышеназванные единицы являются, таким образом, полноценными неологизмами в казахском словаре, имеющими явную тенденцию к закреплению.

Если говорить о количестве респондентов, правильно понимающих предъявленные слова, то это 63% или 14 человек.

Проанализируем остальную лексику и попытаемся изобразить картину схематично.

Схема 2.

Как видно на схеме, вырисовывается достаточно выразительная пестрая картина. Среднее положение, при котором до 50 и выше процентов респондентов правильно воспринимают значение, занимают 14 слов или 47% всей предъявленной лексики. Среди них, к примеру, такие, как: жапагер «страдалец», келермен «клиент», мөртабан

«штамп», тісжегі «кариес» и др. Однако оставшаяся часть лексики, а это 16 единиц или 53% все же вызывают затруднения при восприятии и корректной раскодировке основного значения.

Эту часть, исходя из критерия корректности смыслового восприятия, можно еще подразделить на две группы: «приближенную к корректности семантики» и «далекую от корректности семантики».

К первой группе относим 8 слов, воспринятых правильно от 5 до 10 респондентами. Среди них такие слова: аткарым «функция», бірігейлендіру «идентификация», өтіл «стаж», шығарылым «выпуск», топтам «серия, сборник» и др. Оставшиеся 8 единиц относятся, соответственно, к самой маргинальной части семантической корректности при восприятии. Так, среди самых сложных слов оказались следующие: категер «корректор». Его не распознали 17 человек, что составляет 77% от всех участников. Далее идет слово колтума «оригинал», его не поняли 15 человек или 68% респондентов. В группе слов, которые оказались нераспознанными, такие, как: алқасөз «круглый стол», безен «дизайн», туындыгер «автор». Количество слов, представивших особую сложность как по модельной структуре, так и по содержанию, составило, таким образом, 27%. Если проанализировать модели этих некорректно воспринятых слов, то можно предположить причину такого результата. Достаточная прозрачность корневой морфемы почти всех этих слов дает ложную подсказку и направляет в другое русло семантики.

Вернемся к понятию прайминга. Именно оно здесь в качестве «подсказки» играет основную роль. Повторяемость и типичность как модели, а самое главное, выражаемого модельными компонентами значения, наталкивают на моментальное неправильное толкование слова. Так, к примеру, на стимул категер был дан ответ «кате жіберуші адам». Явное проявление прайминга. Модель «корневая морфема + суф. –гер/-кер» формирует акториальное значение: «человек с определенным родом действия» как-то: каламгер «писатель», ғарышкер «космонавт», саудагер «торговец», айтыскер «певец-импровизатор» и др. Этот опыт или «преднастройка» по О.Федоровой, относительно устоявшейся модели привел к так называемому отрицательному прайминг-эффекту. Читаем у О.Федоровой по этому поводу: «В случае, когда преднастройка ухудшает обработку целевого стимула, говорят об отрицательном прайминг-эффекте» [Федорова 2021: 231]. Таким образом, явление психологического прайминга или преднастройки при восприятии новых лексических единиц может

иметь как положительный (сенімхат ≈ алғысхат), так и отрицательный (алқасөз полученный ответ: «крылатое выражение» < карасөз – «назидание») эффект.

Считаем, что при моделировании дериватов в современном казахском языке с учетом знаний о прайминге необходимо при полной прозрачности этимона включать дейктические (указательные) компоненты, способствующие корректному восприятию предполагаемого значения в ходе коммуникации. Если речь идет, к примеру, о «корректоре», тогда, как минимум, должна быть еще одна часть в казахском варианте – катежөндегер (катежөндеуші).

Таким образом, подведем краткие итоги всему сказанному. В целом восприятие новых моделей слов соответствует ожиданиям и выполняет свою вспомогательную функцию в коммуникативной деятельности, о чем свидетельствуют результаты эмпирического экспресс-исследования. При этом надо помнить, что моделирование новых слов из-за своей высокой значимости и непосредственной связи с отражаемым значением требует тщательной подготовки, соблюдения правил этимологизации, в особенности претендующих на определенный модельно-семантический прайминг. Модель содержит не только формальные элементы структуры нового слова, но и выражает определенный смысл, объединяя однотипные слова в единое семантическое пространство. Модели и процессы моделирования в современном казахском языке заслуживают дальнейшего широкого исследования.

ГЛАВА 3.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словопроизводство (деривация)

В традиционном практическом словообразовании, как уже predetermined выше, выделяют несколько способов словообразования: аффиксацию, сложение основ, аббревиацию, усечение основы и др.

Начнем со словопроизводства, иначе - деривация. Различают эксплицитную и имплицитную деривацию. Эксплицитная или прозрачная деривация имеет словообразовательный формант в виде суффиксов, префиксов, инфиксов и т.д., которые можно выделить в производном слове. Имплицитная или латентная деривация присутствует в виде изменения корневой гласной внутри слова и не может быть выделена как отдельный компонент слова (например, в немецком языке *binden* – *Band*; в русском – равный – ровня, расти – рослый и др.

Рассмотрим эксплицитную деривацию. Она доминирует в языках и является ведущим словообразовательным механизмом.

При использовании аффиксации характерно следующее словопроизводство: суффиксальное (рус. чаевые; нем. *leasen*, каз. карабайша), префиксальное (рус. недоучить, нем. *MitMission*, каз. Қыз Жібек), постфиксальное (рус. кланяться) и смешанное, представляющее собой различные комбинации формальных средств словообразования, например суффиксально-префиксальное (рус. подзащитный, нем. *Updaten*, каз. Қозы Көрпеш пен Баяндай), префиксально-постфиксальное (рус. переучиться), префиксально-суффиксально-постфиксальное (рус. расщедриться) и др.

Основная деривативная единица – это суффикс. Суффикс – это словообразовательная морфема, обладающая значением и стоящая в структуре слова за корневой морфемой. Суффиксы бывают продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные. Посмотрим на продуктивные суффиксы немецкого языка. Итак, к продуктивным суффиксам имен существительных относятся:

1) –er (-ler, -ner, -aner, -enser) – наименования лиц мужского рода, деятельность, происхождение и свойства которых так или иначе

связаны с предметами или явлениями, обозначенными опорными словами: Berliner, Bildner, Afrikaner, Künstler;

2) –ling (Lehrling, Frühling, Schreiberling);

3) –in – образует наименования лиц женского рода;

4) –ung, –ei, –heit, –schaft и суф. сред. рода –tum образуют абстрактные и собирательные имена;

5) –chen, –lein образуют уменьшительные имена сред. рода не только с реальным значением уменьшительности, но и с субъективно-эмоциональными оттенками ласкательности, пренебрежительности и т.п.

Опираясь на исследования германистов, можно составить определенное мнение по актуальности словообразовательных средств и в разговорной речи. Так, по данным Г.Глюк и В.Зауера [Glück, Sauer 1997:69], особой слово- и формообразующей активностью выделяются для существительных суффиксы –i / –y / –ie, –o, –e, а также дериваты с нулевым суффиксом: Klemmi (verklemmter Mensch), Speedy (eine umtriebige Person), Mollie, auch Mollo < Molotowcocktail, Hippie, Junkie (Drogenabhängiger), Prolo < Proletarier, Sehne (sehnen), Mache (machen) etc. Большое количество неологизмов в форме явных сокращений проникло в немецкий язык через молодежный сленг, например: Studi, Digi, Azubi, Prof, Uni, Gollo. Причиной столь массового сокращения словарных моделей является выраженное стремление к языковой экономии. Немцы экономят и имена собственные, обрезая фамилии: Schumi вместо Schuhmacher, Gorbi вместо Gorbatschow, но Merkelizer (Merkel-Raute) – для обозначения любимой позы рук Ангелы Меркель.

Что касается глаголов, то здесь новые единицы по большей мере сохраняют форму инфинитива, даже если основа в новой единице иноязычная: *mailen, simsens, leasen, surfen, shoppen*. Более того отдельные английские глаголы принимаются в немецкий язык и ассимилируются по образу и подобию глаголов с отделяемой приставкой: *outsourcen, downloaden, updaten*. Они подчиняются правилам спряжения и образования временных форм глаголов: *ich source out, wir haben upgedatet*.

Превалирование деривации как одного из популярных средств образования слов в языке не вызовет удивления среди исследователей. Но хочется отметить наиболее продуктивные суффиксальные формы. Таковыми являются суффиксы иностранного происхождения –ismus, –isierung, –ski, –nik для образования имен существительных (Finnlandisierung, Umweltismus, Besuffski, Krawallnik usw.).

Большое количество словообразовательных моделей выделяются для становления грамматических категорий как прилагательные и глаголы. Так, у прилагательных выделены продуктивными модели с суффиксами –mäßig, -bar, voll, -ig (bärig „positiv“, geierig „ungeduldig“, kartoffelig, zombig „hübsch“, kulturvoll, sternhagelvoll). Не менее продуктивны суффиксы прилагательных: -ig, -isch, -lich, -en, -bar, -haft, -sam. У глаголов активными признаются де субстантивная конверсия и англицизмы как *leasen* (*mietkaufen*), *relaxen* (*entspannen*), *frauengelenkt*, *pillen*, *schlagzeilen* etc.

Непродуктивными считаются суффиксы имен существительных: –sal, -nis, -rich, -el, -t, -l, -de

К продуктивным суффиксам казахского языка относятся следующие

1) суффиксы образования существительных: 'ғыш/гіш (сыпырғыш, шаңсорғыш), қыш/кіш (ұшқыш, ішкіш), гер/кер (кәсіпкер, саяс-кер, қалам-гер, ғарышкер, зангер), дас/дес (құрдас, замандас), -кор (жем-кор), тас/тес (құлтас, баптес) лас/лес (даулас), дык/дік (адалдык), тык/тік (жастык), лык/лік (зомбылык, тіршілік, ауыз-бірші-лік), шы/ші (сақ-шы, оқушы, төлеуші), паз (өнерпаз), хана (кітапхана), ша/ше (бөлімше, алаңша), ба/бе (жазба), па/пе (баспа), ма/ме (көрме, сынама), ым/ім/м (кешірім, қысым), ыс/іс/с (кіріс, атыс, шығыс), ык/ік/к (тесік, төсек, жарык), -қой (кәсіп-кой);

2) суффиксы образования наречий: дай/дей (мысырдай, аплатондай), тай/тей (суықтай), лай/лей -;

3) суффиксы образования прилагательных: ды/ді (ақылды, білімді), ты/ті (сауатты), лы/лі (үкілі, күлкілі).

Продуктивными можно признать дериваты, образованные при помощи суффиксоидов -тану (абайтану «абаеведение», альфарабитану «альфарабиведение», тілтану «языковедение», саясаттану «политология», дінтану «религоведение» и др.), -хана (мейрамхана «ресторан», дәмхана «столовая», емхана «поликлиника», нәрестехана «комната для младенцев», намазхана «молельня», зертхана «лаборатория» и т.п.). К таковым можно причислить и другие полуаффиксы: -нама, -құмар, -аралық и некоторые др.

В русском языке продуктивными являются следующие суффиксы: конкретных существительных -щик/-чик- (компьютерщик, интернетчик), -ер-(блогер, менеджер), а также уменьшительно-ласкательные -ик-, -чик- (айфончик, моторик); отвлечённых (абстрактных) существительных -изация- (интернационализация), -

ость (прозрачность); существительных собирательных -ств- (братство); -н- (блатной) для прилагательных; -к- (курилка, книжка), -ушк- (береговушка, кумушка).

К непродуктивным относятся суффиксы; -с- (плакса), -тух- (петух), -ырь (поводырь), -изн- (желтизна), -ень (бивень), -знь (боязнь), -тяй (лентяй), -уз (француз), -ав (рукав), тай (глашатай), -ст- (глазастый), -вь (свекровь) и некоторые другие.

Известно, что словообразование – явление формально-семантическое, и в связи с тезисом об исходном свободном корне в него следует включать только классическую деривацию, основывающуюся на принципе нанизывания морфем, так называемая *агглютинация*. Агглютинация выявляется при образовании слов путем использования аффиксов, чаще всего суффиксов. Морфемы языков квалифицируются нами по следующим источникам: Кузнецова Н.И., Ефремова Т.Ф. [1986], Камзебаева Р.Е.[2001], W.Fleischer, I.Barz [1992].

Следствием агглютинации можно считать и рост интерфиксации - появление внутреннего суффикса-интерфикса, который помогает «развести» несочетающиеся или неудобно сочетающиеся фонемы на стыке морфем.

Например, слова с суффиксом -анин (-ане) приобретают наращение -ч- (-чанин). Комплекс -чанин (-чане) все более становится универсальным при обозначении лица (лиц), по принадлежности к нации, народу; по отнесенности к городу, местности проживания: Астана – астанчане, астанчанин (ср.: англичане, датчане). При образовании подобных наименований часто возникают практические трудности, так как производящее слово-наименование имеет «нестандартную» форму. Так, от названия новой столицы Казахстана Астаны трудно было произвести соответствующие однокоренные слова, поэтому некоторое время ходили в параллельном употреблении разные варианты. Например, прилагательные от Астаны - астанайский, астанинский, астанчанский и даже астанский. Со временем установилась форма астанинский.

Процессы агглютинации и их следствия оказались достаточно плодотворными в языках. Их активизация объясняется тем, что словообразовательная система унифицируется, а словообразовательные связи становятся более прозрачными. Наложение морфем упрощает словообразовательные модели, делает их более экономными, следовательно, процессы эти соответствуют

внутренним потребностям языка [см.: Н.С.Валгина <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-010.htm>].

Суффиксы осуществляют включение обозначаемого в определенный семантический разряд – это может быть определенная часть речи или же другая семантическая группировка: класс имен действующего лица, класс названий для «вместилищ» знаний, класс признаков предметов, класс коллективов лиц и др. Кроме суффиксации, подлежат упоминанию сложение основ, усечение корневых морфем, контаминация, аббревиация и т.д. Каждый способ словообразования не просто служит созданию стереотипной серии дериватов с определенным значением и имеет свой диапазон действия, но он также связан с выполнением ономаσιологической функции.

Словообразовательные способы, таким образом, имеют свойство приводить к семантической конвергенции, т.е. «сортировать» производные на основе их структурной характеристики не только в грамматически единые категории, но и смысловые слои, строящиеся по логике гиперо-гипонимических отношений. Явление в словообразовательном процессе настолько широко представлено, что впору признавать словообразовательную конвергенцию универсальным свойством словообразовательного типа. Например, суффикс -ость, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде не допускавших подобные образования: светскость, детскость.

В казахском языке активным становятся полусуффиксы (*суффиксоиды*)²

–тану, –жай и др., способствующие становлению наименований учений и исследовательских направлений: Сәкентану «Сакеноведение» (от: Сакен Сейфуллин), Шокантану «Шокановедение» (от: Шокан Уалиханов), Өзінөзітану «самопознание»; әуежай «аэропорт», сапаржай «путешествие», мұражай «музей», орын-жай «предприятие» (пример: спорттық оңалту максатында орын-жай) и т.п. Или, например, введение новой бытовой и коммуникационной техники приводит к образованию необычных глаголов, поскольку этой техникой надо управлять, т.е. производить определенные действия. В таком случае в русском языке выручают

² Под полусуффиксами (суффиксоидами), а также полупрефиксами (префиксоидами) понимаются словообразовательные морфемы, имеющие тенденцию к лексикализации, т.е. обладающие выраженным значением и способствующие формированию модельных рядов в словообразовательной парадигме, сравним: dt. Superbombe, supergut, Superflieger etc.; рус. сверхзадача, сверхсильный, сверхскромно; каз. дәрісхана, кітапхана, намазхана

известные словообразовательные глагольные модели: ксерокс – ксерить, СМС – эсэмэсить, то же в немецком языке: mail - mailen.

Конвергентность типична и очень важна, на наш взгляд, особенно для терминологической лексики, в частности, в качестве примера, образованной на основе имен собственных. По словообразовательным формантам можно безошибочно определить не только класс терминологических номинаций, но и их семантический разряд; так, названия химических элементов образуются путем прибавления к производящей основе суффикса –ium в немецком языке и его варианта –ий в русском и казахском языках или наименования металлов опознаются по форманту -ит (–it) в русском, казахском и немецком языках. Сравним термины для обозначения радиоактивного химического элемента, образованные от фамилии русского ученого Дм. Ив. Менделеева: менделевий (рус., каз.) – Mendelevium (нем.); или термины для обозначения минерала, образованные от фамилии французского геолога Ж. Гарниера: гарниерит (рус., каз) – Garnierit (нем.). Как видно из примеров, терминология как система символов для отображения научной сферы человеческого познания стремится к международной стандартизации, что особенно важно в узких областях науки и техники для установления межъязыковой научно-профессиональной коммуникации. « ...Сходное мыслительное содержание в системах разных языков может иметь разные степени экспликации, - пишет В.Н.Ярцева, - но независимо от «дробности» значений одна грамматическая категория всегда объединена «ведущим смысловым началом»» [Ярцева 1975:9].

Если вернуться к *имплицитной деривации*, то она также достаточно представлена в языках, хотя и в меньшей мере. Итак, как было уже сказано, это изменения во внутренней структуре слов без видимых словообразовательных формантов. В немецком языке таких примеров много, они носят названия Аблаут (чередование гласных), Умлаут (изменение качества гласного) и Преломление (Brechung) – Fund (finden), Gabe (geben), Gift (geben), Grube (graben), Schritt (schreiten), Zug (ziehen), Bund (binden), Tritt (treten) etc.

Имплицитная деривация наблюдается и в русском языке, например, в таких словах, как древо (выпадение внутренней гласной), злато (выпадение первой гласной и изменение качества второй гласной), крона (от корона), круг (от кружить) и др.

В словопроизводство, по всей видимости, необходимо включить и *словотворчество*. Сюда можно отнести слова окказионального

значения, слова-однодневки, искусственные слова, звукоподражания и т.п.

Под окказионализмами (лат. *occasionalis* - «случайный») понимаются новоизобретенные слова, придуманные автором, как правило, в художественном тексте по известным моделям и получившие известность в языковом сообществе на уровне речи («серпастый паспорт» Маяковского), но и другие удачные выражения могут таким образом образовываться в речи: *приключенцы*, *узкобедренность*, *неправопорядок*, *Кургальджинейро* и т.д. К этой теме обратимся еще несколько позже.

Недалеко в смысле изобретательности находятся и слова-однодневки, т.е. созданные в момент речи, так называемые Ad-hoc-выражения (для ситуации): кое-какность, мелкоскоп (мелкий+микроскоп), каз.: сарыжүрек (от тоски), жүдеу тұру (жить бедно), куып кету (калька – «погнать не в ту сторону») и др.

К искусственным относятся слова, не имеющие смысла и протипичности в словарном составе, классические примеры искусственных слов привел Л.В.Щерба в своих «Основах языкознания» (1928): «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». «Woggles ugged diggles» Чарлза Фриза, «The iggle squiggs trazed wombly in the harlish hoop» Генри Глисона-младшего получили также известность в английском языке как примеры бессмысленных слов. Слова-звукоподражания (ономатопея) также можно отнести к словотворчеству – кукаречить, бакылдау, борсандау, piepsen, кликать и т.д.

Словосложение (композиция)

Этот способ образования новых слов может быть передан формулой «основа + основа», в результате чего образуется сложное слово (compound word, Kompositum). Сложению могут подвергнуться простые основы (cowboy, blackboard, spaceship; hellblau, Bahnhofsrestaurant, vierzehn; золоторезервы, сернобык; қаңбақшал, көктүтін), а также простая основа и основа производная (pen-holder, match-maker, baby-sitter; Begriffsverwirrung, Arbeitsbereitschaft; краснощекий, адамтеңдік).

Способ соединения основ может быть нейтральным, когда обе основы соединяются «встык» (англ.: eyebrow, sunrise, schoolgirl, bookshop; нем.: Zimmertür, Tischlampe; каз.: көктал, кызылсай), и с

помощью соединительного элемента (англ.: handicraft, tradesman, mother-of-pearl; нем.: Waldesrand, Herrenlage, Universitätsgebäude, Völkerfreundschaft).

При словосложении как способе словообразования, имеющем синтаксическую базу, выделяются два типа:

1) копулятивный или сочинительный (комбинация равноправных компонентов, например, *немецко-русский*, *глухонемой*, нем. *Dichterkomponist*, каз. *Күйсандық, атамек*);

2) детерминативный или подчинительный (среди сочетающихся компонентов выделяются главные и зависимые, например, нем. *Hausarbeit*, англ. *Bookshelf*, каз. *түпнұсқа, басқұда*).

К детерминативным композитам относятся и так называемые Bahuvrihi бахуврихи - сложное слово со значением принадлежности, обладания, называет человека или предмет по характеризующим его признакам, например, по части тела, по одежде (*Kahlkopf, Dummkopf, Schlaumütze*, «широкоплечий», синяя борода)

В этих процессах активно обнаруживается связь лексического (даже семантического) уровня языка и грамматического, словообразовательного. Например, можно наблюдать расширение словообразовательных моделей, произведенных от слов в новых значениях.

Словосложение как способ номинации особо характерен немецкому языку. Изучив более 30000 слов немецкого языка (сплошной отбор производился в алфавитном порядке на выбранную случайным методом букву «В» в регистре Duden), делаем следующие заключения. В новом лексиконе немецкого языка имеется, по исследованиям Петера Брауна [Braun 1997:9] всего 8% односложных лексем, *simplizia*. На 92% словарь состоит из словесных конструкций – сложных слов и дериватов. Такое сложное конструирование происходит, как констатирует Петер Браун, и из „экономических причин“; немцы „строят словообразовательные конструкции, чтобы сэкономить время и пространство“. При этом исследователь указывает, что противоречий здесь не наблюдается: из группы слов образуются сложные основы. Эту мысль автор подкрепляет следующими примерами: *Arzt in einem Krankenhaus – Krankenhausarzt; Arzt für Tiere – Tierarzt*. Все это приводит к появлению неисчислимого количества композит, основосложений в языке, что выделяется в научной литературе как одна из «основных тенденций современного

немецкого языка» и из-за чего появилось ироническое выражение «немецкий язык – пекарь новых слов» («Bäckerdeutsch»).

Сложные слова в подавляющем большинстве представлены детерминативными или подчинительными композитами, например: Doppelsalchow, Campingausrüstung, Dekalkierpapier, Containerbahnhof etc. Словосложение строится в большинстве своем (около 65%) по модели имя существительное + имя существительное. По этой модели образованы в выборке под буквой «В» целые словесные гнезда. Ниже приводим первый определяющий конституэнт композитов, имеющих самые многочисленные словесные ответвления (цифра рядом указывает на количество обнаруженных сложных слов в словообразовательном гнезде): Bund(es)...61, Betrieb(s)...54, Bau...50 Bild...46, Blut...46, Beruf(s)...42, Berg...37, Brief...32, Bu(ü)ch(er)...31, Bier...31, Brand...27, Bank...25, Bett...25, Brot...23, Boden...21, Brust...20, Bildung(s)...19, Büro...17, Butter...17, Bürger...17, Bauch...16, Bauern...15, Blumen...15, Berlin...15, Bad(e)...14, Bein...14, Bombe(n)...14, Bruch...13, Brems...13, Blitz...12, Brut...12, Block...12, Bienen...12, Bord...12, Bühne(n)...11, Bezirk(s)...11, Besitz...11, Bevölkerung(s)...11, Beamt...10, Box...10, Braut...10.

Если сложное слово в немецком языке раньше писалось исключительно слитно, то в последнее время часто наблюдаются разные варианты написания, что является в большинстве случаев результатом интегративных процессов и влияния английского языка. Много таких слов вводится, к примеру, с языком рекламы: Schoko-Genuss, Puder-rosa, Kreativ-Ideen, Tropen-Paradies, High-Tech, Know how, Network Computing, Service, Business, Broker, Hotline, Handy, internet shopping, Management, PC, CD-Rom, News, Web etc. Так, в одном небольшом рекламном тексте, состоящем из 9 предложений с номинативными частями речи количеством в 64 единицы, мы встретили 20 иноязычных слов, что составляет 31% всех значимых слов данной рекламы. Гибридные словосочетания с английским компонентом пишутся через дефис: *Ticket-Shop*, *Popcorn-Kino*, *E-Learning*, *High-Tech-Program* и т.д. Но этот способ используется часто и для немецких основ: *Letzter-Wille-Pille*, *Bund-Länder-Kommission*, *Uni-Verwaltung* etc. Написание через дефис частей сложных слов имеет ряд преимуществ: оно делает длинные основы членимыми, легкими для восприятия и понимания.

Другой способ графики немецких композитов представляется через выделение внутри сложного слова начала следующего

слагаемого с прописной буквы: *ServiceZentrum*, *InterCitiTreff*. Новые образования типа *e-Business*, *E-Commerce Business* и другие появляются в речи с большой скоростью и относятся к интернетной семантике. Здесь явно видна компрессивная функция словообразования, т.е. сокращение наименования – Е или е вместо E-mail. Новизна деривационной компрессии видна в не устоявшихся еще на сегодняшний момент правилах написания слов – производное пишется то через дефис (*E-Business*, *E-Commerce*), то слитно (*eCommerce*, *eBusiness*), то с большой Е, то с малой буквы е.

Большую группу сложных основ в немецком языке пишут отдельно, хотя они представляют одно неразделимое понятие. Части такого словосочетания могут быть также гибридными, т.е. разноязыковыми: *Korona Virus*, *Shell Verweis*, *Notizblock Anwendung*.

Части одного понятия могут соединяться и торгово-рекламным знаком «И» -&: *Einstieg&Aufstieg*; *Argumenten&Fakten*.

Одним словом, тенденции образования сложных слов в современном немецком языке изобилуют инновациями и разнообразными подходами. Однако все изложенные способы никак не противоречат целям коммуникации и не мешают восприятию новых лексических единиц как при написании, чтении, так и произношении.

Образование акронимов относится также к активным формам немецкого словообразования. Сюда относится контаминация: *StuRa* (*Studienrat*), инициальные сокращения: *GmbH* (*Gesellschaft mit begrenzter Haftung*).

Перейдем к анализу словообразовательной активности в казахском языке. Проанализировав более 1000 новых слов современного казахского языка, выделенных Мырзабергенем Малбаковым [Малбаков 1998], опираясь при выборке на русско-казахский словарь 1954 г. под редакцией проф. Н.Т.Сауранбаева (50000 слов), а также собрав свыше 500 единиц из текстов газетных статей («Егемен Қазақстан», «Астана Ақшамы», «Әділет», «Қазақстан үні», «Білімді ел»), приходим к следующим заключениям.

В казахском языке композиция, т.е. сложение основ в одно сложное слово является, как и в немецком языке весьма продуктивным видом словообразования. Этот вид деривации практически «заполонил» казахский язык, о чем пишет, например, Балкия Касым следующим образом: «Развитие в области политической, социальной и культурной жизни в последние десять лет стимулировали «бум» в области композитообразования казахского языка. «Половодье»

сложных слов, отличающихся трудностью их написания, становится одной из главных проблем, от решения которой в определенной мере зависит развитие языков» [Касым 2007]. Большой проблемой является, как отмечает автор правописание сложных основ, поэтому необходимо «ввести в действие правила правописания, упорядочение написания новообразований» [там же]. Удивительно, но такая же проблема есть и в немецком языке. Особенно это касается композитов с заимствованным компонентом. Выше указывалось на тот факт, что сложные основы пишутся на разный манер: как через дефис (*Schoko-Genuss, puder-rosa, Kreativ-Ideen, TropenParadies, Schnür-Boots*), так и путем графического разделения основ внутренней заглавной буквой (*HiWis, ServiceZentrum, TaschenAtlas, MitMission*).

В казахском языке, как считает Б.Касым, различаются слова сращенно-слитные (күнбағыс, топансу), сочетательные (тың жер, ас үй), парные (үрім-бұтақ, алыс-беріс), сложносокращенные слова (ТМД, ААҚ). Эта классификация и должна определять порядок их лексикографического образа.

По содержанию сложные слова казахского языка можно подразделить на детерминативные (подчинительные) и копулятивные (сочинительные) композиты. К первым относятся такие слова, части которых семантически неравнозначны, один определяет другой, как в следующих примерах: евроремонт (какой ремонт? - европейский), төсбелгі (какой знак? - нагрудный), доптаяк (какая палка? - для мяча, т.е. клюшка), шағынаудан (какой район? - небольшой, т.е. микрорайон), ауызсу (какая вода? - для питья) и др. В казахском языке изобилуют сложные основы, образованные при помощи модели имя прилагательное + имя существительное. Например, ақорда, ақбалық, ақбас, ақжелкен, аққұлақ, ақмарқа, көкбасшөп, көкжелек, көкнәр, көктайгак, қарашығын (налог), көктамыр, қарабай, қарабез, қарағаш, қарақал, қарақұмық, қараталақ и т.п.

Отличительным признаком композитов в казахском языке является обилие копулятивных основ, т.е. таких, в которых части сложного слова семантически равнозначны. Такого массового явления нет, к примеру, в немецком, английском, да и в русском языке. В этих языках копулятивные композиты единичны. А примерами таковых в казахском языке являются следующие слова: тұмсықмүйіз (носорог), бетбұрыс, елорда, елтаңба, тілашар, әнұран, ойпікір, пікірхат, ойтолқын, күйсандық (фортепиано), автокөлік (легковая

автомашина), *қорық-мұражай* (музей), *елбасы* (глава государства), *бортсерік* (бортпроводник) и еще многие другие.

Известно, что словообразованием и словоизменением в казахском языке управляют фонетические закономерности, поэтому неудивительно, что и среди сложных слов выделяются звуко-символические основы. Следующие примеры являются тому доказательством: *жора-жолдас*, *дәрі-дәрмек*, *жөн-жота-жөн*, *қат-қабат*, *тайталас*, *жау-жарық*, *жөн-жосық*, *жарықтығым-жарығым*, *жалбыр-жұлбыр*, *емін-еркін* и т. д. Эти основы в большинстве случаев пишутся через тире. Повторение первых одного-двух-трех звуков усиливает феномен восприятия, слова мотивированы фоносемантически. В образовании словарной формы *лалагул* сыграла роль звуко-символическая основа в других языках. Сравним: русс. *лилия*, нем. *Lilie*. Ономатопея присутствует при образовании следующих слов: *даңғыр-дүңгір*, *зәмзәм*, *дүлдүл*. Звуко-символизм, таким образом, является для казахского образования сложных слов довольно заметным средством.

Необходимо выделить и так называемые парные слова, которые, по большому счету, можно было бы выделить из-за их большой языковой и речевой фреквентности (частотности) в один из подвидов композит казахского языка. Среди инновационной лексики выделены следующие примеры: *келісім-шарт*, *жалақор-арызқой*, *ат-көлік*, *мекен-жай*, *сын-қатерлер*, *ісқимыл* и другие, имеющую причинно-следственную, каузативную в широком смысле семантику. Все сложные основы могут в своей словообразовательной модели обременяться деривативными средствами как, например, суффиксами -лы, -лык, -ы и др.: *аталы-балалы*, *дауқұмарлык*, *отбасы*.

В современном казахском языке достаточно представлены подчинительные словосочетания, выражающие одно понятие и вследствие этого неразделимые, к таковым относятся *асқазан жарасы* «язва желудка», *ауырлық күші* «сила тяжести», *бос орын* «вакансия», *жайын ауыз* «легавая собака», *иіс май* «крем» и т.д. Именно к таковым относятся совершенно новые понятия, образованные путем идиоматически тесной взаимосвязи составных слов в едином выражении: «*Мәңгілік Ел*», «*Қазақ Елі*», «*Ұлы Дала*», «*Нұрлы Жол*», «*Қазақ хандығы*».

Словообразовательный аппарат казахского языка способствует становлению новых слов и такого рода, как *пресс-хатшы*, *астана-холдинг*, *инфрақұрылым*, *онлайн газеті*, «*Ұлт.kz*», *мәжілісмен*,

бейнеклип, аудиожазба. А еще могут образовываться и выражения в виде словосочетаний как то: ак және кара пиар, оффшорлы аймак, бартер жасау, сенатдепутаттары и т.п. В этих примерах наблюдаем синтез национальных корней с заимствованными элементами для выражения необходимых понятий. Такое явление становится также распространенной новой тенденцией в казахском словообразовании.

Таким образом, современный казахский язык, впрочем, как и другие языки, в частности, современный немецкий язык, подвержен динамическим изменениям. В нем наметились прочные тенденции к модернизации и национализации основного тезауруса интралингвистическим путем. Но в то же время в нем нет закрытости и абсолютного отторжения лексических инноваций, вливающих из глобальных языков, в частности, из английского языка. Эти процессы достаточно прозрачны и прогнозируемы. А это означает, что словообразовательная деятельность казахского языка выполняет две основные функции: способствует укреплению самобытности национального языка и одновременно его межязыковой интеграции.

Другие виды словообразования в языках

К другим видам словообразования можно отнести следующие: конверсия, сокращения и аббревиатуры, контаминация.

Конверсия – это переход слов из одной категории в другую (англ.: blacklist — to blacklist; daydream — to daydream; stagemanager — to stagemanage; babysitter — to babysit; honeymoon — to honeymoon — honeymooner; нем.: essen - (das) Essen, wenn – das Wenn, das Du, Ein Auf und Ab, das Deutsch, der Alte).

Сокращения, например: Графические символы: Prof., Dr., Ph.D, km, atm.

Рус.: ЦК КПСС, ЦСКА, РС, ABC

Нем.: Foto(graphie), Limo(nade), Crimi(nalfilm), (Ton)band, (Regen)schirm

Искусственные слова: Textil (ien) Dederon (DDR-on), mailen, klicken.

Под контаминацией понимается соединение (амальгамирование) фрагментов основ и собственно слияние (фузия) фрагментов. Например: Euroshima < Europe + Hiroshima, motel < motorist + hotel; docudrama < documentary + drama; vidkid < video+ kid; positron (positive

+ electron), advertistics (advertising + statistics), feminalls (feminine overalls).

Далее посмотрим на современное словообразование в русском языке. Автор отмечает наряду с этим и повышение продуктивности тех или иных словообразовательных способов. Например, малоупотребительный в прошлом суффикс -ант при обозначении лица стал очень активным: подписант, амнистант, реабилитант, эксплуатант, нобелиант, номинант. Расширяется количество бессуффиксных образований от глагольных основ: отлов, выгул, выпас, прикид, напруг, закуп. По аналогии появились и формы от прилагательных: наив, серьез (ср.: на полном серьезе); интим, беспросвет, нал, безнал, афган, неформал, инфантил; то же среди терминов: термояд, негабарит, конструктив, криминал и др.

Российский исследователь выделяет среди активных видов словообразования следующие:

- Производство наименований лиц при помощи суффиксов -чик, -щик, -ник, -тель, -тор, -ист, -ин, -арь, -яг-а (рыночник, пиарщик, биржевик, суверенщик, антиперестроечник, теневик, рефрижератор, конструктор (игра) льготник, дубляжник, бутылочник, платник (студент, обучающийся за плату), силовик, эвээмщик, компьютерщик, вещист, тупарь, блатняга)

- Абстрактные имена и названия процессов, образованные при помощи суффиксов -щин-а, -ух-а, -ость и -изм, а также -фикация, -изация: митинговщина, беспредельщина, групповуха, порнуха, чернуха, вживаемость, бессобытийность, совковость (советский -совок), газетность, советскость, офисность, гармонизация, криминализация, компьютеризация, кинофикация, теплофикация, спидофикация.

- Приставочные образования. Активны приставки пост-, анти-, про-, а также русские после-, сверх-: постперестроечный, посткоммунистический, постсоветский, посттоталитарный, поставгустовская (эпоха), постбойкотский (фильм),

постпрезидентская (жизнь), пророссийская оппозиция.

- Сложные слова: клиповед, клипорежиссер, телекиноискусство, телегруппа, телекоманда, телемания; мини-заповедник, мини-клуб, мини-зонт, блиц-вояж, блиц-опрос, брейк-мода, брейк-данс, шоп-туризм, ток-шоу, маски-шоу, евроремонт бизнес-справочник, арттерапия (с помощью воздействия искусством), смехотерапия, стрессотерапия, шокотерапия.

- Свертывание наименований с усечением основ. Модель словосочетания «прилагательное + существительное» с суффиксом – к(-а): *безотходка* - безотходная технология, *незавершенка* - незавершенное строительство, *кругосветка* - кругосветное турне, *синхронка* - синхронный перевод, *наружка* - наружная охрана, *ретро* (ретроспективный, ретроспектива), *ультра* (во фр. языке слово ультраароялист было усечено еще в начале XX в.), *спец* – специалист.

- Аббревиация: МИФ - Московский инвестиционный фонд; *Санфир* - система автоматизированной подготовки фотонаборных изданий, обеспечивающих редактирование; *Сом* - строительные и отделочные материалы.

Высокую степень продуктивности обнаруживают словообразовательные элементы иноязычного происхождения на основе собственных имен (гайдаризация, ельцинизм).

Процессы перехода к рыночной экономике, приватизации «вернули к жизни» в современном русском языке целую группу слов, ушедших, казалось бы, навсегда в пассивный запас языка: «гильдия», «меценат», «коммерсант», «господин», «гувернантка», «ментор» и пр.

В последнее время исследователи часто обращаются к изучению окказионального словообразования и созданию *окказионализмов*. Окказионализмы – это также новые слова, но призванные по-особому назвать какой-либо предмет (явление), действие или признак. Они, как и неологизмы, появляются впервые, но они ограничены контекстом. Окказиональные номинации способствуют лаконичности, экспрессивности, обеспечивая полноценное восприятие речи адресатом, и передают такие тонкие оттенки смысла и экспрессии, которые бессильны передать узуальные слова. Из этого следует, что окказиональные слова представляют собой, прежде всего важные стилеобразующие средства в системе языка.

Е.А. Земская таким образом охарактеризовала основные тенденции окказионального словообразования в русском языке конца 20 века:

1. В современном словопроизводстве обнаруживаются те же черты, которые характерны для современного языка в целом: рост личностного начала, высокая роль оценочных и количественных значений, активное перемещение в центральные сферы коммуникации смежной лексики.

2. Свобода от ограничений, расцвет индивидуального словообразования.

3. Особая активность в качестве базовых основ словообразования ключевых слов.

4. Социально ориентированное отсубстантивное производство имен существительных.

5. Антропоцентрический характер современного словообразования.

6. Высокая активность именной префиксации.

7. Аббревиация вовлекается в фонд экспрессивной речи.

8. Активное производство отсубстантивных относительных прилагательных.

9. Глаголы – на третьем месте по частотности словопроизводства (после существительных) [Земская 1992].

Но если взглянуть на большую часть окказиональной лексики в казахском языке, то она касается ассимиляции чужеродных основ так же, как мы видели в немецком языке. В результате таких процессов наблюдается, например, в сфере технического и бытового языка формирование интернационального жаргона, в особенности, молодежного сленга, представляющего из себя гремучую смесь из элементов английского, русского и казахского языков: *вебке кіру* «войти в веб», *соткаға звондау* «звонить на сотку», *құлаққа лапшаны ілу* «вешать лапшу на уши», *СМСқа жіберу* «послать смс-ку», *вацапта отыру* «сидеть в вацапе». Молодежный сленг во всех языках стал насыщенным, интегрированным, включающим в себя школьные, студенческие жаргоны, варваризмы, арготизмы, просторечия, окказионализмы, жаргоны социальных групп – байкеров, хиппи, рэпперов, компьютерщиков и др. Но это, по сути, другая тема, требующая отдельного исследования.

В современный казахский язык проникают новые слова извне в виде заимствований и укореняются. Так, *ақ және қара тиар*, *имидж*, *офис*, *рейтинг*, *консенсус*, *оффшорлы аймақ*, *клип*, *макияж*, *сенат* и другие. Гостерминком Казахстана пересмотрел более трех тысяч терминов сферы компьютерной техники и Интернета. Часть из них калькирована и переведена на казахский язык (*демеуші* «спонсор», *кәсіпкер* «бизнесмен»), часть остается иноязычными (*пресс-конференция*, *департамент*, *президент* и мн.др.). Многие заимствования прочно вошли в казахский лексикон, о чем свидетельствует их казахскоязычный словообразовательный форматив: аудиожазба «аудиозапись», бейнеклип «видеоклип», бартер жасау «применить бартер».

Среди новых тенденций в казахском словообразовании отмечается стремление к переводу на родной язык основных новых понятий и возрождение культурных ценностей, к которым относится и исконный казахский язык. Таким образом, к вышеуказанным четырем основным причинам появления неологизмов в языках, добавляются еще, как минимум, две – перевод на казахский язык всех неказахских основ и возрождение старых, некогда архаизированных культурно-исторических слов и понятий, которые зачастую переосмысливаются, модернизируются и расширяют свое лексическое значение. Повторная актуализация некогда забытых казахских слов и корней является, на наш взгляд, на данный момент достаточно продуктивным способом пополнения функционального словаря. Поэтому в настоящее время мы наблюдаем, по сути, «второе дыхание» лексем казахского языка. Так, например, вновь используются бывшие длительное время в архаизмах слова казахского языка, каккөшбасшы, көшкон, сахаба, дарбаза, әкім, жүйе, хұққ, тайказан, аймақ, уәкіл, сарай, баһадур, би, сұлтан, хан и многие другие. Большинство из них расширили и изменили объем семантики, а потому полноправно рассматриваются сегодня в качестве новых слов (көшбасшы раньше – предводитель кочевки номадов, сегодня – первый руководитель; көшкон раньше – процесс собственно кочевки, сегодня – миграция; тайказан – ритуальный бронзовый котел в мавзолее Ахмеда Ясави в Туркестане, сегодня может использоваться в переносном значении «фонд»). Некоторые лексемы подверглись фонетическим изменениям (хұққ - құқық, уәкіл - өкіл), другие стали стилистически нормированными (жасөспірім – раньше разговорный стиль: молодняк, сегодня – молодое поколение), а некоторые улучшили свое лексическое значение (сарай – сегодня в значении: мәдениет сарайы «дворец культуры»).

Среди новых названий – и возвращение исконно казахских собственных имен, в частности, географических наименований и их правописания: Семей (раньше: Семиалатинск), Көкшетау (ранее; Кокчетав), Маңғыстау, Атырау (бывш. Гурьев), Актау (бывш. Шевченко), Тараз (бывш. Джамбул), Аккөл (бывш. Алексеевка в Акмолинской области), Улытауская область (центр - Джезказган) и др.

Результаты словообразовательной деятельности современного казахского языка можно подразделить в соответствии с лингвистической природой и тематическими категориями дериватов на следующие виды: неологизмы общего значения, неологизмы специального значения (термины) и заимствования. Важную роль при

образовании неологизмов играет лексическая мотивация. Анализ показывает, что новые слова подразделяются на немотивированные и мотивированные основы. Так, к первым относятся такие, как жиһаз «мебель», сынып «класс», құлпынай «клубника», тұшпара «пельмени», ғаламтор «интернет», жаһандану «глобализация», мүлік «имущество», тәмам «завершить», керік «жираф», сайыс «соревнование», қаулыс «решение», аялдама «(автобусная) остановка», көлік «машина», керегетас (горсть), сөппе (вкрапленность), шөктіру (усаждение), шөгінділер (осадки), желі (жила) и др.

Наряду с этим неологизмы могут носить и мотивированный характер, что легко заметить на их прозрачном этимоне. Кстати сказать, что таковых насчитывается больше, нежели немотивированных, сравним: елбасы («глава государства» от: ел «народ» + бас «голова» + -ы), тікұшақ («вертолет» от: тік «прямо» + ұш «лететь» + -ак), ұшақ («самолет» от: ұш «летать» + -ак), зымыран («ракета» от: зымыра «быстро двигаться» + -н), сусиыр («бегемот» от: су «вода» + сиыр «корова»), тұмсықмүйіз («носорог» от: тұмсық «морда» + мүйіз «рог»), оралман («возвращенец» от: орал «возвращаться» + -ман), іс-қимыл («действие» от: іс «дело» + қимыл «движение»), қорық-мұражай (қор «фонд» + -ық + мұра «наследство» + -жай), кәсіпкер, төраға, тұрақтылық, мәжілісмен, сыбайлас, сыныптас, төсбелгі, арызкой, шағын аудан, ауызбіршілік, жекешелендіру, бәсекелестік, шақырылым («созыв» от: шақыр «созвать» + лым), баскесерлер (бас «голова» + кесу «отрезать» = террористы) и др. Мотивированность, свойственная в большинстве случаев казахским словам, присутствует и в этом ряду неологизмов: атпа (извержение), теміртас (железняк), құмтөбе (дюра), алыс өлшем (дальномер).

Как видно из приведенных примеров, активными словообразовательными способами являются аффиксация (суффиксация и префиксация) и словосложение.

Среди новых слов имеются и такие вкрапления из русского языка, как шенеунік (чиновник), көрме-жәрмеңке (ярмарка-выставка) и др.

Салиентные (существенные) языковые механизмы в основе деривативных процессов. Семантический сдвиг

Словообразование — это достаточно масштабный и разветвленный процесс, в результате которого появляются новые слова и новые значения слов. В последнее время ученые выдвигают идею о семантическом словообразовании (Н.И.Сергеева), имея в виду становление новых единиц в результате семантического сдвига.

Под семантическим сдвигом понимаем переход от одного видового значения к другому в пределах одного рода слов, замена соподчиненным значением. У Обычно результаты семантического смещения наблюдаются как смысловые расхождения как в рамках одной, так и разных языковых подсистем (например, в говорах, наречиях, диалектах), как например, в казахском *леген* «тазик» и «блюдо (сосуд)»; в немецком *Mücke* «комар» и «муха (австр.)»; в русском *бор* «лиственный лес» и «хвойный лес» и т.д. Для словообразования важны такие явления как сужение или расширение значения. Как справедливо отмечает Н.И.Сергеева [2012:324], семантическому преобразованию слова должны предшествовать аналитические подходы диахронии и синхронии в словообразовании. Диахрония как изучение исторического развития этимологии лексемного значения важна для вскрытия прямых денотаций и наблюдения за размахом смысловой динамики и степенью отклонения от первичного значения в период определенного времени. Синхронический подход к изучению языковой системы актуален для описания семантических пар, лексико-семантических вариантов, синхронных омонимов, словообразовательных типов, гнезд и т.д на определенном этапе развития.

Семантическая производность (появление лексических омонимов) характеризуется процессами становления единиц, имеющих семное расхождение с первичной основой и различие в дистрибутивной сочетаемости. Семантическое словообразование требует описания семантических словообразовательных пар (производящая и производная основы), семантическое словообразовательное гнездо, включающее словообразовательные пары, семантическую деривацию как тип словообразования (ср.: Сергеева 2012:326).

При описании языковых пар в семантическом словообразовательном гнезде выявляются метафорические и

метонимические переносы значений как основные факторы, повлекшие за собой расхождение в семных составах вновь появившегося значения слова. Далее остановимся более подробно на метафоре как о продуктивном способе становления семантических дериватов.

Словообразовательная метафора

Метафора (аналогия, латентное сравнение, «модус фиктивности»), как правило, дает основание для образования специфичного взгляда на концептуальную систему мира путем формирования национально-культурного содержания лексико-семантических дериватов, что является показателем того, что категория экспрессивности является неотъемлемым качеством всей вторичной лексики, произведенной метафорическим переосмыслением. «При метафоре один предмет (явление) уподобляется другому, причем образность такого метафорического наименования в разных случаях оказывается различной» [Шмелев 1964:58]. В зависимости от того осуществляется перенос на основании сходства релевантных, существенных дифференциальных признаков понятий или несущественных, второстепенных, окказионально выделяемых признаков метафоры делятся на языковые, узуальные и индивидуальные, окказиональные метафоры.

Границы языковых и индивидуальных метафор трудно определимы в связи с тем, что и первые, и вторые образуются по одним и тем же моделям метафорического переноса. «Метафора – явление чрезвычайно сложное и многоплановое» [Прохорова 1996:40].

Н. Д. Арутюнова выделяет по функциональным признакам следующие типы языковой метафоры:

1) номинативная метафора (собственно перенос названия), появляющаяся в результате замены одного дескриптивного значения другим и служащая основой омонимии;

2) образная метафора, рождающаяся вследствие перехода, идентифицирующего (дескриптивного) значения в предикатное и служащее развитию синонимических средств языка;

3) когнитивная метафора, возникающая в результате сдвига в сочетаемости признаков слов (переноса значения) и создающая полисемию;

4) генерализующая метафора (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающая в лексическом значении слова границы между лексическими порядками и стимулирующая возникновение лексической полисемии [1978, 4:340].

Между производными и производящими основами имеется связь как прямая, так и образная, т.е. на основе переносных и ассоциативных взаимоотношений. Для метафоризации в словообразовании, как видим, есть широкое поле и примеров тому можно привести достаточно много. Так, в казахском языке, по нашим наблюдениям, встречаются все виды метафоры – номинативная, образная, когнитивная, генерализующая. Казахская метафора в смысловом отношении этимологически прозрачна и во многом связана с природой. Этому есть объяснение. Казахи издревле кочевой народ, имевший тесную связь с окружающей средой, поэтому в его устоявшейся картине мира много сравнений с природными фактами и явлениями. Казахи жили и продолжают жить в зонах лесостепи, гор, рек, озер и морей. Казахская земля обширная, простирается через несколько географических поясов и зон. Все, что казахи видели вокруг себя, они запечатали в своем языке. В эту сферу можно включить три подгруппы слов: флору, фауну и природную стихию. Так, Е.К.Кенесов, опираясь на исследования Ф.Б.Кендыбаева, пишет: «...метафоры...обычно берутся из мира природы для характеристики облика девушки (чинар, тополь, береза, тал, лебедь, лиса, соловей) ...» и приводит примеры из литературы: «Шыңында өскен аскардың сен бір шынар (Ты – чинар, растущий на вершине гор) [Кенесов 2015].

В казахском языке имплицитное сравнение с красотами и суровостью степного края относится к характерным признакам в переносных значениях слов и выражений. Иногда такие сравнения могут идти вразрез с реальностями фольклора в других языках. Рассмотрим прилагательное *қоңыр*. Казахи с незапамятных времен славились своим певческим искусством и особенностями импровизированного вокала и спецификой звучания национальных инструментов. В практике традиционного музицирования, как пишет С.И.Утегалиева, активно используются народные музыкальные термины, обозначающие тембровые свойства звука [7]. Среди них понятие *қоңыр* (в переносном значении в сочетании со звуком – «густой, бархатный, певучий, мягкий», а также «приятный для слуха»; по отношению к тембру голоса – «природный густой» (*қоңыр дауыс*;

жайма-коңыр), в сочетании с күйем³ – «приятный» (коңыр күй), настройке музыкального инструмента – домбры, кобыза «ля-ре» (коңыр бұрау, әлкоңыр бұрау) и пр.

Наряду с этим встречаем достаточно широкое употребление переносного значения в сочетании с другими понятиями – время года – «прохладный» (коңыр күз), цвет – «холодный» (суык коңыр) или «густой» (кою коңыр), ветер – «приятный» (коңыр жел) и др. Казахи называют гуся *қоңыр қаз* (букв.: «коричневый») несмотря на то, что в других языках и в реальности гуся такого цвета оперенья не бывает, сравним в русском языке: *серый гусь* («серая шейка»), в немецком языке: *graue Gans* (даже, если *graubraune Gans*, все равно доминирование серого цвета с оттенком коричневого).

С понятием *қоңыр* в казахском языке образовано на удивление очень много обозначений, например: имен собственных – топонимов («Коңыр» — село в Алакольском районе Алматинской области Казахстана), спелеонимов (пещера «Қоңыр-Әулие» в Павлодарской области), урбанонимов («Наз Қоңыр» - жилой комплекс в г.Астане), наименований трав («коңыр»), названий музыкальных произведений (күй Ашимтая «Коңыр», күй Дины Нурпеисовой «Асем Қоңыр», күй Тулегена Момбекова «Тел Қоңыр»; известных песен «Үш Қоңыр», «Наз Қоңыр», «Ал-Қоңыр», «Қоңыр») названий музыкальных групп («Қоңыр Қаз», «Қоңыр»).

Все вышеприведенные примеры являются небольшим фрагментом того, что называется концептуальное мировосприятие и языковая картина мира, в данном случае, казахского народа. Добавим, что лексема *қоңыр* имеет и свое прямое номинативное значение – это прилагательное «коричневый», «темный», у которого имеются оттенки – акшыл-коңыр («свето-коричневый»), ала-коңыр («пестро-коричневый»). Таким образом, *қоңыр* – это полисемантическое понятие, имеющее большой смысловой потенциал, объединяющий звуковые (звук, голос), слуховые (благозвучность) и цветовые (коричневый и оттенки) эстетические мировосприятия и ассоциативные представления, характерные только казахскому народу.

В основе всех выше приведенных единиц лежит семантический сдвиг. Это, по сути, слова-омонимы (цвет-звук; имя нарицательное-имя собственное), либо отдельные значения полисеманта (звук-тембр;

³ Күй – название казахского музыкального произведения, инструментальной пьесы для сольной домбры (кобыза) или при сопровождении оркестра народных музыкальных инструментов

холодный-прохладный; красивый-приятный). Номинативная метафора - *қоңыр бұрау, қоңыр қаз*; образная метафора, расширяющая синонимические ряды: *суық қоңыр*; когнитивная метафора – *қоңыр күз*; генерализирующая метафора: *қоңыр дауыс, қоңыр жел*.

Метафорическая аналогия может распространяться и на имена собственные в основе вторичных номинатов и способствовать расширению значения номинативных единиц. В результате ассоциативной мыслительной деятельности возникают на основе имен собственных апеллятивы, имеющие в качестве *tertium comparationis* аналогичность внешних признаков (русс. аполлон, нем. Adonis, каз. Төлегендей), похожесть черт характера (русс. Ксантиппа, каз. Қарабай, нем. Messalina), схожесть деятельности (русс. донжуан, цербер, нем. Argus, каз. алдаркөсе), аналогия по функции (нем. Tattersall, русс. сивилла, каз. жезтырнак) и др. Прозрачность демаркации между указанными видами метафор дает себя знать, т.к. все приведенные образцы имеют к тому еще и ассоциативно-логическую связь с именем, формируя в результате устойчивые ассоциации и образность. В лексическое значение апеллятивных омонимов имен собственных включен аспект оценочной модальности, поэтому они однозначно экспрессивны. В данном случае с деонимами получается, что безоговорочно воспользоваться классификацией Н.Д.Арутюновой не получится, здесь наблюдается определенная степень окказиональности метафорических отонимных дериватов, а возможно, и внутривидовая диффузия, т.е. присутствует плюральность проявления видов метафоры в рамках одного деонимного производного.

Метафора сочетает в себе наряду с собственно номинацией экспрессивность, образность и отчасти окказиональность, именно этим фактом, на наш взгляд, деонимная метафоризация отличается от лексической. Словообразовательная метафора может совмещать в себе как абстрактность, так и конкретность, т.е. логические сущности разных уровней и синтезировать такого рода информацию в новые концепты. Она может изучаться как механизм, который «приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной невидимую картину мира» [Роль человеческого фактора 1988:180]. Образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного

образа ассоциациями, которые «предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких «оттенков» смысла» [Роль человеческого фактора 1988:179].

Латентность сравнения, или как его еще признают в лингвистике – принцип фиктивности, имплицированный в механизм действия метафорического переосмысления, антропоцентричен. Всему мерой является человек и его осознание мира. Он может сопоставить все и провести любые аналогии, соответствующие его представлению о действительности. Это может быть создание индивидуального образа на базе соответствующего слова-дескриптора или включение его в некоторый постоянный, но индивидуализированный контекст, или обрастание его определенным набором опять-таки индивидуальных, специфических ассоциаций, или выделение в нем какого-то особого нестандартного, нетривиального признака, и т.п.

Таким образом, к наиболее характерным особенностям метафоры относятся: образность, отбор в интеракции релевантных для создания образа признаков.

Посмотрим на отдельные примеры и их метафорическое значение. например, *дамоклов меч* (нем. Damoklesschwert) (по имени Дамокл, согласно древнегреческому преданию, сиракузский тиран Дионисий I Старший предложил на один день престол своему фавориту Дамоклу, считавшему Дионисия счастливейшим из смертных. В разгар веселья на пиру Дамокл внезапно увидел над своей головой обнаженный меч, висевший на конском волоске, и понял призрачность своего благополучия) - «нависшая над кем-либо постоянно угрожающая опасность при видимом благополучии»; *сизифов труд* (нем. Sisyphusarbeit) (по имени царя Сизифуса в греческой мифологии, который перехитрил богов, дважды сумел избежать смерти и был приговорен ими за это вечно вкатывать в подземном мире на гору камень, который, достигнув вершины, скатывался обратно) - «тяжелая и бесплодная работа»; *пиррова победа* (нем. Pyrrussieg) (по имени царя Пирра, воевавшего на стороне города тарента с Римом и одержавшего победы при Гераклее и Аускулуме, последнюю - ценой больших потерь) – «победа, одержанная ценою больших потерь».

Все приведенные выражения восходят к известным фактам и именам мифических героев, а потому являются фактически языковыми универсалиями.

Метафора как «модель смыслопреобразования» [Роль человеческого фактора 1988:185] употребляется, как было показано на примерах, достаточно широко.

Если слово образовано методом семантической деривации, а в основе лежит имя собственное, то его этимология содержит целый комплекс исторической, либо культурологической информации, который вскрывает причины мотива переноса значения. «Каждая метафора – это верхушка затопленной модели», - так образно выразился об этом один немецкий философ. Подлинный мотив метафоры может устанавливаться лишь по прочтении семантической диахронии производных слов.

Таким образом, метафорический перенос значения приводит к семантической деривации, в результате которой формируется новое значение у уже существующей формы слова, а это означает расширение сферы функционирования данной единицы и ее нового статуса – либо в роли омонима, либо полисеманта. Метафора относится к продуктивным механизмам словообразовательного процесса.

Метонимия как способ номинации

Другим важным средством становления дериватов является метонимия - «механизм речи, состоящий в .регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [Арутюнова 1999:300]. Виртуальный толковый словарь дает следующее определение: Метонимия – это «замена названия какого-л. предмета, явления названием другого предмета на основании их смежности (например: «лес поет» вместо «птицы в лесу поют», «стол» вместо «еда», «карман» вместо «деньги»), а также слово или выражение, таким образом употребленное». «Метонимия является разновидностью импликационных связей», - читаем у В. Н. Прохоровой, которая под импликационными связями понимает «аналог реальных связей явлений окружающей действительности: связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками вещи» [Прохорова 1996:67].

Метонимия – это способ замещения определенных веществ и явлений, основанный на реальной взаимосвязи между внешним и

внутренним значениями. Крупный казахский ученый А. Байтурсинов считал, что «если в сопоставлении есть две вещи, близкие друг к другу и один тип выражения может встать вместо другого, то такой переход называется замещением (т.е. метонимией)» [Байтурсинов 1926].

О. Э. Королева пишет, что метонимия сегодня необоснованно смещена «на периферию научных интересов», и этот факт она объясняет не столько природой этого вида переносного значения, сколько «неизученностью метонимического переноса» [2002:4]. Мы склонны согласиться с автором этих убеждений, потому что именно метонимия демонстрирует выраженную (салиентную) продуктивность в процессах словообразования.

Она способна наравне с метафорой обнаруживать различные функции, покажем данные факты на примерах деонимов, слов, восходящих в своей деривативной основе к именам собственным.

Итак:

- собственно номинативная метонимия - *гагаринит* «металл», *август* «месяц года», *борей* «северный ветер», *Palladium* «химический элемент»;

- идентифицирующая метонимия - *Бөріқазған* «место раскопок», *аббасиды* «династия», *Orleansstrauch* «вид кустарника»;

- оценочно-модальную [часть тела – признак лица: *Menjobart* (бородка), *Қарынбай* (живот); имя – часть тела: *Lollo* (пышная грудь)], а вместе с ней образформирующую и экспрессивную функции дериватов.

Итак, гиперо-гипонимические отношения видовых обозначений, подпадающих под разряд синекдохической дихотомии «часть – целое» и «целое – часть» (*pars pro toto – totum pro parte*), характеризуется особой деривативной продуктивностью (см. об этом дальше по тексту). Например, гиперсема «лошадь» и ее многочисленные разновидности являются в словообразовательной аналитике метонимическими переносами, причем, эти наименования относятся к разряду универсальной лексики, т.е. они присутствуют во всех изучаемых языках: суффолкская, першероны, *Isabelle*, *Trakehner*, *Қостанай*, дон жылқысы; гиперсема «кустарниковое дерево» и ее видовые *Weymounthkiefer*, *Pereskia*, араукария, магнолия, бегония и др. Ассоциация объектов по их смежности, а также понятий по их логической близости превращается в связанность категорий значения. Такого рода метонимия служит номинативным целям и способствует развитию лексических средств языка.

Многие номинативные процессы в языках можно глобально, не вдаваясь в детали, мыслить как единый метонимический перенос по типам: лексема - лицо, признак лица; лексема - предмет, признак предмета. Возьмем в качестве примеров метонимическую терминологию, обозначающую как абстрактные единицы измерения в физике, так и конкретный передающий телеграфный аппарат: *ньютон*, *генри*, *морзе*. Это общеизвестные знаки, восходящие к именам английского математика и физика Исаака Ньютона, американского физика Джозефа Генри, американского изобретателя Сэмюэла Финли Бриз Морзе. Метонимия располагается в рамках логики переноса «имя изобретателя - открытие (изобретение)».

Мы полагаем, вслед за Е. О. Тиктинской [1990:53], что "метонимия базируется на отношениях, реально закрепленных в материальной действительности", поэтому "она является по сравнению с метафорой более регулярным видом переосмысления" для слов специального, т.е. терминологического содержания.

Модели метонимического переноса, характерные для деривативных переносов значения, охватывают практически весь возможный спектр смежных импликационных связей, возникающих между значением производящей основы и обозначаемым объектом реального мира, вследствие чего мы можем выделить

1) пространственную метонимию: "содержащее - содержимое", "материал - изделие", "местность - продукт из этой местности";

2) причинно-следственную метонимию: "действие - результат", "имя изобретателя - изобретение", "источник действия - лицо, совершающее действие";

3) временную метонимию: полдень - "обед", сбор плодов осенью - "осень".

Кроме выше изложенной, находим типологию А. Бириха, в которой автор предлагает шесть типов метонимии: «партитивную» (синекдоху), «каузальную» (причинно-следственную), «темпоральную» (временную), «локальную» (пространственную), «атрибутивную», «квантитативную» (количественную) метонимию [Бирих 1995:26-31]. В основу классификации положен тип связи между смежными денотатами. Принимая во внимание классификационные принципы и той, и другой типологии, синтезируем их в аспекте отражения языковой картины мира.

Деривация имплицитно мотив возникновения логически-ассоциативных отношений между исходными и целевыми значениями,

данный факт объясняет доминирование в среде секундарных отражений объектов мира каузальных, локальных, партитивных и темпоральных метонимических переносов.

Исходное имя, находящееся в центре переосмысления, предполагает при переносе следующие модели: лицо - производное (всегда подразумевается "по какой причине?") и местность - производное (связь "что-то откуда-то").

Приведем выборочно модели, которые выделяются своей содержательной типичностью и формальной эталонностью:

1. *Каузальная метонимия:*

1) лицо - открытие: (J.Kerr, англ. физик – *Kerreffekt* "преломление лучей света"; J.L.H.Down, британский врач – *Down-Syndrom* "монголизм"; А.Кунанбаев, каз. поэт - *абай шумагы* «нововведение в стихосложение»;

2) лицо – деятельность: G.Mendel, австр. исследователь генетики - *tendeln* "проявляться в наследственности по законам Менделя; M.Pupin, амер. электротехник – *pupinisieren* "вставить катушку Пупина" (в телеф. каб.), Ч.К.Бойкот, англ. управляющий – *бойкотировать* «прекращать отношения в знак протеста»;

3) лицо-изобретение: P.v.Mauser, W.Mauser, нем. конструкторы - *Mauser* "револьвер"; A.Calmette, K.Geren, франц. ученые – *БЦЖ* «вакцина против туберкулеза», Ж.А.Пуассон маркиза де Помпадур – *кресло Помпадур, платье Помпадур, сумка Помпадур*;

4) лицо - понятие: Pyrrus von Apirus, царь Эпира в 307-302 и 296-273 – *Pyrrussieg* "лжепобеда"; Tartüff, персонаж комедии Мольера – *Tartüfferie* "лицемерие");

5) лицо - признаковое лицо: Асанкайгы, каз. поэт - *асанқайғы* "печальный, скорбящий человек", Б.Б.Шолак, каз. спортсмен - *балуан шолақ* «сильный человек»; Донжуан, литер. персонаж - *донжуан* «любовеобильный мужчина»;

6) лицо - изделие: Jacquard, франц. ткач по шелку - *Jacquard* "ткань с большим узором, изготовленная на джакардовом станке"; J.Maggi, швейц. промышленник - *Maggikraut* "жидкие, темно-коричневые пищевые приправы"; A.Stradivari, итал. мастер по изготовлению скрипок - *страдивари* «скрипка»;

7) лицо-учение (политическое, религиозное, научное движение): Muhammad Ibn Abd Al Wahhab, основатель религиозного учения - *ваххабизм* "пуританское учение Ислама"; G.W.F.Hegel, нем. философ - *Hegelianismus, гегельянство* "философское учение Гегеля"

II. Локальная метонимия:

1) местность-изделие: Neapel, город в Италии - *Neapolitaner* "вафли с начинкой"; Taraggona, город в Испании - "темное сладкое вино"; Tilsit, город в Калининградской обл. - *Tilsiter* "сорт сыра";

2) местность – признак предмета: Mossul, город на р. Тигр в Ираке - *musselinen* "нежная, неплотно вытканная ткань из хлопка или шерсти";

3) изготовитель – предмет: Горьковский автомобильный завод - ГАЗ «марка автомобилей»

4) местность - животное (насекомое, птицы и т.д.) Taranto = Tarento, город в Италии - *Tarantel* "ядовитый паук"; Rambouillet, город во Франции – *Rambouilletschaf* «овца с мягкой шерстью»;

5) местность – лицо: Tabor, поселение в южном Бёмене (Словакия) - *Taborit* "член радикальной группировки гусситов в Чехословакии"

6) местность – место: Tusculum, римский город - *Tusculum* "спокойное, уютное поместье";

7) местность - заболевание (вирусы, вызывающие болезнь): Texas, штат США - *Texasfieber* "малярийная эпидемия крупного рогатого скота в теплых странах"; Lassa, селение в Нигерии - *Lassafieber* "опасное инфекционное заболевание";

8) местность – спорт: Badminton, местность в Англии - *бадминтон* "спортивная игра"; Ragby, город в Англии - *регби* "спортивная игра");

9) местность – танец: Boston, амер. город - *бостон* "вальс");

10) местность - металл (минералы, драгоценные камни): Itterby, местность в Швеции - *Itterbium* "редкий металл"; Балхаш, озеро в Казахстане - *балхашит* «вид природного дёгтя».

Для деривационной транспозиции играет очень важную роль такой вид метонимии как *синекдоха*, несущая смысл означивания посредством дробления целостности семантики «целое – часть целого» или «часть целого – целое». А.А.Реформатский различает по основанию семантического сдвига *pars pro toto* «часть вместо целого» и *totum pro parte* «целое вместо части» как подтипы синекдохи. Существенным отличием синекдохи является количественный, мы назовем его партитивный признак смежного соотношения того, с чего переносится и того, на что переносят наименование.

Посмотрим на отдельные примеры. Примером для первого подвида *pars pro toto* приведем из казахской прозы, вслед за

А.К.Утебалиевой: *Жұрт жазда жиын той болмаса, алыстан бір аса қадірлі қонақ келмесе, бостан-босқа қан шығармайды* [Утебалиева 2012:223]. Как автор объясняет, выражение *қан шығармау* (букв.: «не проливать кровь»), необходимо понимать, как «не резать скот». Здесь явное замещение целого понятия «скот» его частью – «кровь», которая обязательно проливается при резке скота. Поэтому это предложение в переводе будет звучать так: «Если нет празднества летом или не приезжает высокий гость издалека, люди просто так *скот не режут*». Или еще один пример позаимствуем у А.К.Утебалиевой, который демонстрирует обратный процесс - целое вместо части (*totum pro parte*): *Жол-жөнекей соккан елдерің не дейді?* Переведем буквально: «Что говорят *народы*, которых видел на своем пути?». Имеется в виду «люди, которых встречал в пути». Метонимия *totum pro parte*.

К примеру, множество единиц лексической терминосистемы, как пласт вторичных основ с точки зрения синекдохи и ее логико-ассоциативных связей в семантике может быть рассмотрена именно как партитивная (отношение «часть – целое» и «целое – часть») метонимия. Это касается всех сфер номинации. Например, в химии под общее понятие «химический элемент» входит большое количество различных наименований, идентифицированных собственным именем. Кроме того, один вид химического элемента может далее распадаться на гипонимические уточнения, которые можно было бы релятивно назвать микрогипонимами, т.е. гипонимами второго, а может и третьего ранга. Сравним: *гальванический элемент*, который изобрел итальянский анатом и физиолог Луиджи Гальвани (1737-1798), распадается на дальнейшие виды воздействия химическим источником тока: *гальваническое покрытие, гальванотехника, гальванопластика, гальваностегия* и др.

Синекдоха как механизма для выражения отношений «часть – целое» и «целое – часть» присутствует в тематических корпусах для проведения лингвистического анализа. Например, фактический материал можно подразделить на следующие виды:

а) перенос части тела на целое понятие: *Achillesferse, ахиллесова пята* - уязвимое место человека, сравним в контексте: "Wer in die geheimen Dienste tritt, ... der muß seine Blößen, verwundbaren Stellen, Achillesferse sorgfältig verbergen" (Habe, Namen:386); *косе*

б) перенос имени на часть тела: *наркес көз* “әдемі, сұлу көз”;

в) перенос часть тела – на часть тела: *Lollo* обозначает "большая пышная женская грудь;

г) перенос части растения на все растение: *Maggikraut*, *maggi* обозначает не только отдельную траву, но все растение, используемое для приготовления приправ.

д) перенос названия всего растения на его части: *Forthysie*, *алдараспан* может означать "ветки растения"

е) перенос названия вина на его отдельный сорт: *Morio-Muskat* означает не только вино в общем, но его мускатный вид;

ж) название пряжи может перенестись на отдельную ткань из нее: *Масо*, *Раната*, *мохер*, *жібек*.

Темпоральная метонимия отражает длительность состояния. Перенос формируют смежные отношения между состоянием и периодом длительности этого состояния. К темпоральному типу метонимических переносов могут быть отнесены следующие единицы: *seit Adams Zeiten*, со времен Адама и Евы" с незапамятных времен", *ein augusteisches Zeitalter* "эпоха, время, когда особенно поддерживается развитие литературы и искусства", *Heinri-deux-Stil* "второй период развития стиля французского ренессанса", *aus Olims Zeiten stammen*, Ноев ковчег" быть очень старым, допотопным", *in Olims Zeiten* "при царе Горохе". Все указанные слова и сочетания слов имеют временную соотнесенность с денотатом и являются одновременно идиоматичными в лексическом и семантическом плане.

Итак, необходимо еще раз указать на релевантность номинативных метонимических переносов в деонимизации для языкового отображения объективной реальности, для переосмысления значения онима и его знаковой перекатегоризации. Данный факт выделяет ДЛ в составе общего лексикона и характеризует ее как производную лексику со специфическими гиперо-гипонимическими признаками семантики, которые она демонстрирует при сравнении со знаковыми элементами языка.

ГЛАВА 4.

ТЕРМИНЫ И СПОСОБЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

Изучение понятия «термин», требует обязательного учета трех основных лингвистических признаков современной терминологии: 1) ограниченность сферы функционирования; 2) специфичность сферы номинации и 3) обязательность дефиниции. Специальная лексика образуется в каждой области производства, связанной социальными и общественными отношениями. Терминология обеспечивает возможность общения в процессе профессионально-научной деятельности и помогает оптимизировать развитие человеческого познания.

Термины, как единицы языка, хотя и выделяются в определенную категорию слов, тем не менее они подвергаются тем же языковым явлениям, как и любая лексика в языке.

В современной теории терминоведения отчетливо выделяются два направления. Исследования первого направления противопоставляют термин как особую единицу слову - единице языка, подчеркивая все дифференциации между терминологической системой и системой общей лексики. Наиболее четко выражено это противопоставление в теоретической работе А.В.Суперанской, Н.В.Подольской и Н.В.Васильевой «Общая терминология». Здесь однозначно ощущается специальность номинации. Все слова специальной лексики имеют повышенную референтную направленность, поскольку они создаются для именования специальных денотатов (референтов). Для термина именуемое понятие есть одновременно именуемый объект, т. е. доминирует связь "имя-понятие". За термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной, ограниченной определённым понятийным полем. Авторы подчеркивают, что любая терминологическая система есть продукт рационального, искусственного создания специалистов, «... все типы специальной лексики обнаруживают много общего и могут быть противопоставлены лексике общей» [Суперанская 1989:26].

Другая позиция, которой придерживается большинство лингвистов, признает терминологическую лексику как часть словарного запаса литературного языка. В.Н.Прохорова, являясь «убежденной сторонницей «словности» термина и «лексичности»

терминологии», и, рассматривая «термины как слова и фразеологические единицы литературного языка, выступающие в особой функции» [Прохорова 1996:6], приводит в поддержку своей позиции выдержки из работ различных авторов:

«... терминосистемы формируются средствами естественного литературного языка, его общелитературной формы, главным образом» [Даниленко 1971:72];

«Исследователи при всем разнообразии точек зрения на многие терминологические вопросы неизменно отмечают, что терминологическая лексика, являясь частью общелитературного языка, во многом подвержена тем же лексико-семантическим процессам, по которым развивается словарный состав литературного языка в целом» [там же: 73];

«Термины – это слова, и ничто языковое им не чуждо» [Котелова 1988: 124].

Мы присоединяемся к мнению А.В.Суперанской: эта номинативная система может быть противопоставлена словам с общеупотребительной функцией. Чтобы не быть голословными, приведем примеры, относящиеся к химической терминологии: *кулонометрия, трансуран, левизит*. Любой реципиент может легко сказать, что узкоспециальное содержание этих терминов вряд ли сравнимо со смыслом, скажем, таких слов, восходящих к топонимам, как *каракуль, кашемир, шотландка, джерси*, которые относятся к текстильной терминологии. Строгая специфичность значения образцов препятствует их широкому использованию. Они не частотны и моно функциональны в рамках очерченной семантики. Подобные слова можно поляризовать относительно общей лексики. Однако сказанное касается не всей научной терминологии.

Терминологические системы разных разделов науки и техники имеют уже свой сформированный тип номинации. Появление новых понятий в научных дисциплинах и отраслях, обладающих достаточно упорядоченной терминологией, нередко сопровождается номинацией по уже установленной схеме. Во-первых, ясно, что ни одно из новых открытий, изобретений и новых находок не останется необозначенным, а займет свое место в существующей системе терминов. Во-вторых, язык прогнозируемо облечет номинацию в форму термина, который будет, скорее всего, иметь известную словообразовательную структуру, характерную для других терминов в этой области. Необходимая терминологическая информация адекватно

воспринимается благодаря специальному контексту, выделяющему коммуникативно-релевантный признак объекта, о котором идет речь. Решающую роль в данном процессе играет семантико-синтаксическая сочетаемость термина, как подчеркивает М.Н.Володина, проводившая определенные наблюдения над научно-терминологическими контекстами в современном немецком языке [Володина 1998:39-56]. Характерной чертой современного этапа популяризации естественно-научных знаний является тенденция к обратной связи между наукой и обществом, как подчеркивают исследователи. Эта тенденция отражается в ориентированных на общество интенциях естественнонаучного изложения.

Терминология не является смысловым концептом только лишь одной определенной научной области, а есть целостная система, объединяющая научное содержание и словообразовательный механизм языка. Термины требуют для адекватного восприятия и ассоциирования на уровне коммуникативного акта ориентации на конкретного адресата и определенной популяризации знаний, что придает элементам языка качественно новое функциональное своеобразие.

Относительно словообразовательных характеристик отонимных терминов следует сказать следующее. Во-первых, выделяется стандартность и стереотипность словообразовательных типов. Устоявшиеся и традиционные схемы образования специальной лексики типичны не только для одного отдельно рассматриваемого языка, а для совокупности сравниваемых языков. Полагаем, эта типичность принадлежит к универсальным явлениям на межъязыковом уровне. Типичность словообразовательных типов диктуется единым фондом человеческих научно-профессиональных знаний и требований мировых стандартов в этой сфере общечеловеческой коммуникации. Во-вторых, обращает на себя внимание семантика словообразовательных формантов, приводящая к семантической конвергенции. Явление семантической конвергенции словообразовательных формантов в терминосистемах обнаруживает себя также на межъязыковом уровне и может квалифицироваться как словообразовательная универсалия.

Фундаментальные естественно-технические науки имеют точки соприкосновения как на межпредметном, так и на межлексическом, общезыковом уровне. В результате появляется такая часть терминов, которая может заимствоваться и являться компонентом многих

терминологических систем и одновременно составной общей лексики, ср. *мощность, предел, капитал* (нем. *Leistung, Grenzwert, Kapital*, каз. *күштілік, шегі, капитал*). Но касательно научных терминов, которые произведены исключительно путем деонимизации (термин-дериват восходит к именам собственным), подобного не скажешь, ср.: *вольт, гайморит, берклий*. Материал показывает их семантическую узость и абсолютную специфичность. В этом положении они действительно не могут стоять в одном ряду с общеупотребительной лексикой.

По нашим наблюдениям, узко профессиональные слова и термины представляют релятивную инновацию в лексике, они вербализованы как сложными структурами, так и словосочетаниями: *кіндік қозғалыс* «физ. центральное движение», *күлтүтқыш* «мет. золоуловитель», *бітеугүл* (биол. бутон), *гүлдесте* (биол. букет), *алқагүл* (биол. лавр), *егеуқұм* (физ. наждак), *заттаңба* (экон. этикетка), *көбіктас* (экон. Пемза) и др.

Нетрудно заметить, что большинство этих и других простых и сложных по структуре терминов казахского языка демонстрируют высокую степень деривационной мотивированности, что типично далеко не всем языкам. В последние десятилетия ввиду сильного влияния и доминирования английского языка, все чаще образуются новые термины, имеющие в основе иностранные морфемы, которые трудно поддаются лексическому декодированию, что явно затрудняет процессы воспроизводимости и словообразовательной продуктивности таких основ. Поэтому в этом ракурсе приведенные примеры казахской терминологии являются хорошим примером сохранения чистоты языковых основ. Хотя, надо признать, и казахский язык подвержен достаточно интенсивно явлениям языковой интеграции и проникновению иноязычных слов.

По словообразовательной структуре, как было замечено, термины бывают как односложными, так и дву- и многосложными. Так, Б. Касым подразделяет семантически сложные термины на 5 групп:

1) в области государственной политики: *атазаң* – конституция, *елұран* – клич, *елтаңба* – герб, *төбетоп* – верхушка, *әнұран* – гимн и т.д.;

2) в области рыночной экономики: *баспабас* – бартер, *делдал* – брокер, *жобакаржы* – смета, *жәрдемақы* – пособие, *каламақы* – гонорар, *шотесеп* – расчет, *өнертабыс* – изобретение, *демеукаржы* – дотация, *мүлікбасы* – товаровед, *жарнакіріс* – дивиденд и т.д.;

3. в области юриспруденции: кепілпұл (задаток), айғақадам (понятой), терісқылық (проступок), ашкөздік (алчность), жанжал (дебаш) и др.;

4. в области прессы и информационных технологий: дәйексөз – цитата, сынасөз – врезка, сөзтізбе – словник, түпнұсқа – оригинал, ізтаңба – оттиск, түпжиек – корешок, үнжазғы – магнитофон, үнпарак – листовка, азатжол – абзац, тыйымсөз – табу, пікірсайыс – дискуссия, білгісаяр – компьютер и т.д.;

5. в области биологии: меңдуана, кырықбуын, каскыржем, өлеңшөп, саңырауқұлак, таусағыз, сасықкурай, түйежоңышка, салаубас, таңкурай, шоңайна, шайкурай, итжидек, итмұрын, таукалақай, усасыр, өгейшөп, түйежапырақ, алтынтамыр и т.д.

Здесь замечаем, что многие термины – это слова национального языка, сложенные в новую лексическую форму для выражения нового понятия. Это как раз примеры того, мы подчеркивали выше, как казахский язык пытается создать свои исконные обозначения как для известных понятий (магнитофон, гимн, конституция и др.), так и для новых понятий (пособие, дотация, бартер и др.).

В казахский язык, как и во все другие национальные языки мира вливаются большими порциями слова-заимствования, этот процесс, как уже предопределено выше, отличается достаточной выраженностью. Превалируют в этом отношении слова из английского языка, как это наблюдалось и на примерах немецкого языка. Это объясняется, по крайней мере, тремя причинами. Во-первых, это появление новых понятий в области политики, экономики и общественного развития. Во-вторых, это всеобщие категории, связанные с компьютером и коммуникационными технологиями. И, в-третьих, это процессы мировой глобализации, охватывающие все области жизни государств и народов. Казахстан является участником единого мирового пространства, а потому подвержен влиянию всех мировых процессов, в том числе языковой интеграции.

Гостерминком Казахстана, по данным КазИНФОРМ, пересмотрел более трех тысяч терминов из сферы информационных потоков и Интернета [6]. Часть из них калькирована и переведена на казахский язык, а другая часть остается иноязычной. Таким образом, в современном казахском языке можно выделить при характеристике заимствованных основ слова, которые подвергаются или не подвергаются ассимилятивным действиям со стороны принимающего языка. Есть термины, которые давно закрепились в казахском языке

как пласт иностранных слов, среди которых такие, как форум, делегация, мемориал, конференция, филиал, конгресс-холл и другие. К новым заимствованиям относятся *холдинг, нанотехнология, лизинг, интеграция, акционер, мультимедия, бизнес, брифинг, сайт, имидж, офис, рейтинг, консенсус, пресс-конференция, пресс-брифинг, бизнес-семинар*, и так далее.

Термины техники, образованные от имен собственных и их номинативные особенности

Для дальнейшего рассмотрения способов образования терминологической лексики обратимся к корпусу терминов, образованных от имен собственных, которые мы, как уже говорилось выше, называем деонимами, т.е. это слова с расширенной семантикой и переходом в разряд имен нарицательных.

Итак, наиболее многочисленными, по нашим наблюдениям, в терминологии являются технические термины. Это объясняется бурным развитием техники в наше время. Все изобретения, как правило, увековечивают в своих названиях имена изобретателей, техников и инженеров-конструкторов. Имена технических объектов можно разделить на несколько категорий. Среди них выделяются названия 1) транспортных средств - автомобилей, самолетов, судов, поездов, танков - и деталей их механизмов; автоматического оружия; 2) бытовой, в том числе, ткацкой техники; 3) других изобретений и технических понятий.

Не всем любителям современных импортных легковых автомобилей известно, что марка их автомобиля имеет прямое отношение к имени производителя. Так, например, название *форд* восходит к имени американского промышленника Генри Форда (1863–1947). Крупнейшая автомобильная монополия США носит сегодня название «Форд мотор». Мерседес назван в честь дочери Мерсédес немецкого инженера и промышленника Карла Фридриха Бенца (1844–1929). А вот названия других известных автомобилей происходят от названия места их производства, так марка *лимузин* произошла от названия исторической французской провинции Лимузен, а знаменитая *волга*, понятно, от русского гидронима Волга. Название автомобильных серий марки ГАЗ кроют в аббревиации инициальные буквы завода, на котором производятся машины – Горьковский автомобильный завод. Подобный метод номинации наблюдаем в

марке тяжелого советского танка времен второй мировой войны ИС, т.е. Иосиф Сталин. Названия других легковых, грузовых и сельскохозяйственных машин российского производства содержат топонимические дейксисы своего происхождения, ср.: автомобиль жигули - г. Жигулевск Самарской обл., автомобиль запорожец - г. Запорожье Запорожской обл., трактор беларусь - государство Беларусь и т.д.

В 19 веке в Северной Америке был популярен легкий, двухместный, двухколесный автомобиль с откидывающимся верхом тилбери, названный так в честь лондонского машиностроителя Тилбери. Полицейские патрульные машины в Германии имеют после 1946 года прозвище «Петер» в соответствии с начальной буквой слова «полиция», сейчас их кличут Peterwagen. В русском авиастроении традиционным номинативным способом стало усечение онимного корня с оставлением его начальных двух фонем, именно таким образом произведены названия серии самолетов АН (Олег Константинович Антонов), ТУ (Александр Андреевич Туполев), ЛА (Семен Алексеевич Лавочкин), ЯК (Александр Сергеевич Яковлев). В немецком языке, напротив, имя авиаконструктора сохранено в апеллятиве полностью, сравним: Messerschmidt (Willi Messerschmidt), Zeppelin (F. Graf von Zeppelin). Среди образцов имеются и деонимные названия водного транспорта, например, папирусная лодка Ра, построенная по образцу древнеегипетских судов, названа в честь древнеегипетского бога солнца. Плоское грузовое судно носит название Trauner в созвучии с притоком Дуная Трауном. Универсальной в своем значении и распространении стала транспортная машина на железнодорожном ходу с ручным приводом для перевозки людей и грузов на небольшие расстояния, названная дрезина (нем. Draisine) в честь немецкого изобретателя К. Фрейхер Дреза фон Зауэрброна (1785–1851).

Двигательный механизм машин состоит из множества элементов и деталей, которые также имеют своих изобретателей. Автомобилестроение, как известно, имеет долгую историю своего развития. Любая сфера техники развивается благодаря развитию человеческой мысли. Реальная личность накладывала свою печать на этапы усовершенствования самодвигающихся аппаратов. Появление понятия дизель произвело в технике целый переворот, потому что оно связано с созданием поршневого двигателя внутреннего сгорания с воспламенением от сжатия. Получивший широкое применение из-за

своей экономичности на судах, тепловозах, грузовых автомобилях и электростанциях, двигатель назван в честь своего создателя, немецкого инженера Рудольфа Дизеля. В словообразовательной парадигме этого деонима насчитывается 8 дериватов в немецком языке (Diesel, Dieselantrieb, dieselelektrisch, Dieselkarren, Dieselkraftstoff, Diesellok, Diesellokomotive, Dieselmotor), 5 – в русском языке (дизель, дизельная электростанция, дизельное топливо, дизель-поезд, дизель-электроход) и 2 – в казахском языке (дизель, дизельді). Наряду с Dieselmotor известен и Ottomotor – «4-тактный газовый двигатель внутреннего сгорания», изобретенный в 1876 году немецким инженером Николаусом Августом Отто. Не меньшую важность для машины имеет такая ее деталь механизма как кардан – шарнирный механизм, обеспечивающий вращение двух карданных валов, изобретенный итальянским математиком Джероламо Кардано и названный, как нетрудно заметить, в его честь. Карданный механизм (Kardangelenk) предусматривает наличие карданного вала (Kardanwelle), карданного сочленения, карданной передачи (Kardanantrieb), карданной трубы (Kardantunnel). Здесь наблюдается в немецком и русском языках полное совпадение деонимной терминологии с малой асимметрией в апеллятивной части терминов. Автошины не обходятся без вулканизации, понятия, которое также прочно вошло в обиход во всех языках.

В поездах используются особые виды тормоза, которые передаются под давлением воздуха из вагона в вагон. Они также названы в честь своих изобретателей американских инженеров Дж. Карпентера (Karpenterbremse) и Дж. Вестингхауза (Westinghousebremse). Именем немецкого инженера А. Флеттнера маркировано название механизма, обеспечивающего движение вперед на судах – Flettnerrotor; вспомогательный руль, закрепленный на заднем крае основного руля, назван также Flettneruder.

Многочисленный деонимный регистр для обозначения транспортных средств продолжается номинативным рядом для огнестрельного оружия. Приведем перечень их названий с указанием имени и фамилии изобретателей. Итак, деонимы винчестер, браунинг, кольт, берданка восходят к именам американских конструкторов – О.Ф.Винчестера, Джон Браунинга, Сэмюэл Кольта, Х.Бердана; маузер – к имени немецких конструкторов Р.ф.Маузера и В.ф.Маузера; наган – к имени бельгийского оружейника Л.Нагана. Названия автоматического оружия советских конструкторов образованы по

одной модели – путем аббревиации с сохранением начальных букв составных лексемного сочетания, сравним: ППС – пистолет-пулемет Судаева (А.И.Судаев), ПМ – пистолет Макарова (Н. Ф.Макаров), ППШ – пистолет-пулемет Шпагина (Г.С.Шпагин), АК – автомат Калашникова (М.Т.Калашников). Боевые машины реактивной артиллерии во время второй мировой войны получили нарицательное диминутивное имя «катюша».

Для текстильной индустрии были изобретены ткацкие машины, облегчающие ручной труд и являющиеся показателем технологизации процесса производства. Это, в первую очередь, ставшая повсюду хорошо известной Жаккарда машина (Jacquard), получившая свое название по имени французского ткача шелка Жозефа Мари Жаккарда, изобретшего революционный механизм ткацкого станка для выработки крупноузорчатых тканей. Имя французской актрисы Е.Рашель, которая носила одежду исключительно из ткани, изготовленной на специальной машине, было присвоено этой текстильной машине, которая может выбивать различные узоры (Raschelmachine). Машина для изготовления дамских чулков получила свое название по имени британского инженера В.Коттона – Cottonmaschine.

В области металлургии широкое распространение получили мартеновские печи – пламенные регенеративные печи для переработки чугуна и стального лома в сталь, название которых стали языковыми универсалиями (нем. Martin-Ofen, каз. мартен пеші) и восходят к имени французского инженера Пьера Мартена. В немецком языке присутствует композитный деоним Siemens-Martin-Ofen – «пламенная печь для выплавки стали из железа», название происходит от имен немецких промышленников братьев Ф. и В. Зименс и француза Пьера Мартена. Это онимное сочетание дало ряд производных, связанных по тематике с деятельностью печи – Siemens-Martin-Prozess, Siemens-Martin-Stahl, Siemens-Martin-Verfahren. С функционированием промышленных печей связаны и деонимы Cowper -«нагреватель воздуха в больших печах» (по имени английского инженера Е. А.Купера) и Segerkegel - «керамическая пирамида, которая, расплавляясь, показывает температуру в керамических печах» (по имени немецкого техника Х.Зегера).

Среди других изобретений, которые трудно группируются из-за своей малочисленности, можно упомянуть универсальные морзе азбука (код), морзе аппарат (нем. Morsealphabet, Morseapparat, morsen;

каз. Морзе коды, Морзе аппараты), названные так в честь американского изобретателя Сэмюэла Финли Бриз Морзе; машина казни гильотина (гильотинировать) (нем. Guillotine, guillotineren), которую из гуманных целей предложил использовать французский врач Ж. Гильотен; катушка Пупина (пупинизация) (нем. Pupinspule, pupinisieren) по имени американского электротехника М. Пупина. Многие номинации обнаруживают асимметричность выражения в сравниваемых языках. Лексемы отсутствуют в словарях, хотя, казалось бы, речь идет о довольно известных технических понятиях. Так, например, только в русском языке есть выражения Мора весы, бикфордов шнур, Рэлея диск, Сегнерово колесо, Кулона весы. В немецком языке устанавливаем следующие деонимы с технической семантикой, произведенные от имен собственных: Alwegbahn, Nonius, Simmerring, Bemlot, Withworthgewinde, Thomasbirne, Yaggiantenne. Отсутствие подобных важных терминов в энциклопедических словарях языков свидетельствует о недостаточной их информативности и неполноте фиксации языкового материала.

Приведенные образцы дают основание для утверждения, что термины, обозначающие важные для жизнедеятельности человека объекты, технические новшества, являются *универсальными* явлениями номинативной деятельности сравниваемых языков. Симметричность назывной функции можно наблюдать в идентичных названиях легковых автомобилей, в особенности, иностранного происхождения, деталей механизмов машин, названиях автоматического оружия, текстильной техники и других.

Таким образом, языковая представленность технического прогресса путем номинации на основе имен собственных проявила себя как одна из активных сфер отражательной деятельности языка. Универсальность языковых знаков ориентирована в основном на распространенность того или иного объекта технической реальности и его необходимости и ценности в процессе жизненного обеспечения человека. Увеличение числа интернациональных элементов в технической терминологии обусловлено потребностями самой жизни. Каждая техническая инновация, получая незамедлительно свое терминологическое обозначение в языке, является социальным фактором, показателем технического прогресса. Основной тенденцией, характеризующей современное состояние языков мира, является процесс интеграции, затрагивающий различные уровни

языка, выражающийся, в том числе, в пользовании единым ономастическим фондом.

Культурное и научно-техническое взаимодействие разных народов приводит к установленному факту обилия лингвистических универсалий. И в то же время национальные языки продолжают номинативную деятельность, соответствующую национально-историческим, социально-культурным и этническим особенностям народа. Поэтому каждый язык обнаруживает определенное количество дериватов, остающихся функционировать в рамках одного языка.

Мы не рассмотрели терминологию, касающуюся современных компьютерных и коммуникационных средств, которые также многочисленны. Но предполагаем, что их словообразовательные типы и модели не будут сильно отличаться от тех, которые описаны выше.

ГЛАВА 5.

НЕОЛОГИЗМЫ И ПРОЦЕССЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК АКТУАЛЬНЫЕ ПУТИ РАСШИРЕНИЯ ЛЕКСИКОНОВ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Понятие неологизма

Характерной особенностью словаря является его способность бесконечно разрастаться за счёт новых слов и новых значений, которые образуются различными путями. Поскольку язык постоянно развивается, он не может обходиться без неологизмов. Неологизмы (греч.- neos - новый и logos - слово) - новые слова, возникающие в языке в связи с развитием общественной жизни и возникновением новых понятий. Создание неологизмов - свидетельство жизни языка, его стремление выразить всё богатство человеческих знаний, прогресс цивилизации.

Словари обычно отстают в фиксации неологизмов. Частота появления новых слов и выражений в устном языке опережает обычно письменный язык. Например, в английском языке, как свидетельствует Интернет, каждые 90 минут рождается одно новое слово. И не меньше слов устаревает, уходит в пассивный запас (архаизируется), либо отмирает. Какие-то из новых слов в устной и письменной речи так и остаются окказионализмами или разовыми словами, а какие-то приживаются и входят в активный словарный запас. Процесс этот зачастую нерегулируем и считается стихийным. Однако есть и регулируемая часть, когда новые слова и выражения вводятся в оборот одновременными актами номинации и фиксируются в лексикографических источниках. Такое можно наблюдать в современном казахском языке (см. в работах Терминологического комитета РК).

Создание новых слов осуществляется, прежде всего, как отражение в языке потребностей общества в выражении новых понятий, постоянно возникающих в результате развития науки, техники, культуры, общественных отношений и т.д., как было уже не раз предопределено выше. Установление тенденций развития словообразовательных процессов в языке, совершенствование теории и практики лексикографии и пр. – всегда были и остаются

важнейшими проблемами лексикологии и лингвистической науки в целом.

Огромный приток новых слов и необходимость их описания обусловили создание особой отрасли лексикологии – неологии – науки о неологизмах. Неологизмами являются слова или словосочетания, которые появились в речи сравнительно недавно и до сих пор являются новыми для носителей языка. Более употребительные неологизмы прекращают считаться неологизмами, но их место обычно приходят новые, более свежие слова, которые получают статус неологизмов. По статистике, в языках ежегодно появляется несколько десятков тысяч неологизмов. При этом большинство из них быстро входят в обиходную живую речь и быстро становятся ее неотъемлемой частью.

Неологизм в лексикографии и лексикологии является относительно новым специальным термином (он появился в середине 20 века). Определение понятия неологизма в лингвистической науке является на сегодняшний момент еще не завершенным, хотя существенных и противоречащих различий в дефинициях ученых не наблюдается. Все же отсутствие единого определения базового понятия «неологизм» может объясняться различием выдвигаемых критериев. Правомерными кажутся вопросы Л.В. Сахарного о том, что же такое «новые» слова в языке: «те, что ещё не появились? – тогда «слово» ли это? Те, что уже «появились», но еще не вошли в обиход? – тогда это еще не слова языка; те, что уже вошли в язык? – но тогда, где и как эти «новые» слова в плане образовательном отличаются от «старых»? [Сахарный 1983:18]. Отдельные из этих вопросов не получили до сих пор однозначного ответа. В связи с неоднозначностью самого понятия «неологизм» имеется разноречивость в классификации новых слов.

Однако посмотрим на существующие положения дел по поводу интерпретации термина «неологизм». Е. В. Гулыга и Е. В. Розен под неологизмом понимают «новую лексическую единицу», это обозначение они применяют «как по отношению к целым лексемам, так и по отношению к лексико-семантическим вариантам слова – семемам» [1,16-19].

Д. Герберг указывает, что неологизм отличается от употребляющейся основной лексики тем, что «1. либо форма и содержание, либо 2. только лишь содержание лексической единицы большинством участников коммуникативного общества на протяжении определенного времени признаются новыми» [Herberg

2004:3]. Посредством неологизмов удовлетворяется запрос коммуникативного общества на новые номинации, ведь известно, что новые явления и предметы реальности требуют своего вербального выражения. С развитием общества потребности и запросы его увеличиваются. Неологизмы могут возникать в языке и как обозначение появляющихся в жизни новых вещей, явлений, качеств и т.д., и как новое название того, что уже имеет в языке наименование.

Временное отношение, определяющее сущность неологизма, делает его релятивным и исторически обусловленным явлением. Так, В.Г. Гак, считая главным временной критерий, определяет неологизмы как «новые слова, возникающие на памяти применяющего их поколения» [Гак 1998:90]. Принятие во внимание более или менее определенного времени появления единицы, а также фазы ее распространения и закрепления в языке является решающим фактором в определении данного языкового процесса.

А.И. Горшков под неологизмами понимает «слова, значения слов или сочетания слов, появившихся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [Горшков 1979:131]. Здесь же оговаривается, что определение неологизмов по денотативному или стилистическому признаку не охватывает всех новых слов, а определение неологизмов как слов, отсутствующих в словарях, не опирается на присутствующие новообразованиям особенности. Термин «неологизм» рассматривается в Словаре как объединяющий для языковых и речевых новообразований.

Н.З. Котелова понимает под неологизмами «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в языке и ранее», но бывшие менее активными и находившимися в пассивном словаре, а потом ставшие широко употребительными. Наряду с такими словами новыми признаются также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [Котелова 1983:71].

Следующая дефиниция, которую мы формулируем, объединяет, на наш взгляд, наиболее полно существенные точки зрения на неологизм, как понятие: *Неологизм – это лексическая единица либо значение единицы, которые в определенный промежуток развития языка появляются в коммуникативном обращении,*

распространяются, не противоречат устоявшимся нормам языка и на протяжении данного промежутка развития воспринимаются носителями языка как новые.

Постепенная узуализация, лексикализация, а потому и всеобщая языковая интеграция являются существенными отличительными признаками неологизма от других лексикологических новшеств, как, например, от окказионализмов и однократных образований. В качестве словообразовательного окказионализма нами рассматривается любое мотивированное слово, создаваемое, а не воспроизводимое в потоке речи – независимо от того, создано ли оно по продуктивной или непродуктивной модели.

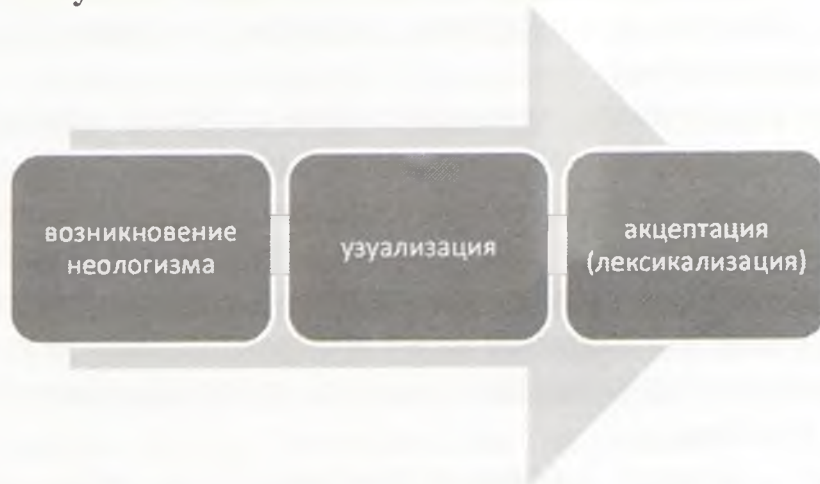
Неологизмы бывают общеязыковыми, то есть ново заимствованными или новообразованными, и авторскими, которые также называются индивидуально-стилистическими. Первые – это те, которые появляются в языке с возникновением новых реалий в жизни общества. К таковым сегодня можно отнести следующие: *мерчендайзер, фейк, копирер, холдинг, хаб, экстремизм, сайт, супервайзер, эдвайзер, спикер, селфи, селф-лайкинг, сталкер* и т.п.

К общеязыковым неологизмам относятся и семантические неологизмы, которые выражают уже существующие слова, получившие новые значения в языке в связи с изменением каких-то реалий, которые отображает язык. Среди них можно в современном русском языке перечислить такие: *зебра* (не животное, а полосы перехода на проезжей части), *челнок* (не судно, а мелкий торговец, привозящий товар с другой территории). Казахский пример: *мәлімет* «информация» - новый форматив от корня *мәлім* «известно», *мәлімдеу* «информировать», раньше «объявлять».

Авторские неологизмы, как правило, создаются поэтами или писателями, а также политическими или публичными деятелями. Такие неологизмы прикреплены к особому контексту. Авторские неологизмы всегда отличаются необычностью и свежестью. Например: каз. *қылшөтке, күйтабақ, қуынушы, қолтырауын, пернетақта*.

Новое слово проходит в языке следующие этапы, как показано на ниже следующем рисунке.

Рисунок. Этапы лексикализации неологизма

Иногда случается, что неологизм быстро устаревает и архаизируется или вовсе исчезает. Это связано с деактуализацией явления, для которого было создано новое слово. Так, к примеру, произошло со словом «перестройка». Наряду с этим могут возникать редко используемые новые слова, так называемые окказионализмы. Эти слова текстоцентричны, т.е. обусловлены только определенным текстом или контекстом. Вспомним выражение «*Потому что...*» одного из неудачных министров в Казахстане, которого так и прозвали «Мистер «*Потому что*». Но оно также по истечении времени забылось и сегодня отсутствует в обороте.

Таким образом, важной характеристикой неологизма является краткосрочность его языкового функционирования в данном статусе. Неологизм либо переходит в категорию полнзначного слова, фиксируется в словаре и получает возможность становится центром словообразовательного гнезда. Другой путь его развития – это устаревание и архаизация, переход в пассивный лексикон, либо полное исчезновение из лексического оборота. Есть еще один промежуточный путь развития неологизма между этими двумя полярными аспектами – это получение со временем другого значения и дальнейшее функционирование в другом значении. Так, к примеру, произошло со словом «аэроплан», которое на заре создания летательных моторизированных машин в 1903 году означало то, что мы сегодня называем самолетом. Однако слово «аэроплан» сохранилось в языке и от него образовались новые слова, типа «планер» - летательный аппарат без мотора.

В процессе исследования нововведений в словарях путем их сравнения по разным годам издания источников можно выделить несколько категорий. Большую долю выявленного материала составляет инновационная лексика. Понятно, что инновационность многих лексикографических нововведений является релятивной, поэтому необходимо дифференцировать явления неологии, вариативной лексики и стилистических неологизмов.

Каждый из указанных типов лексики подразделяется далее на подтипы. Собственно неологизмы содержат два основных вида новых единиц:

- 1) новые по формативу и семантике лексемы (неолексемы)
- 2) новые значения (семы) при старых формах устоявшихся лексем (неосемемы).

Вариативная же лексика складывается из грамматических вариантов одного и того же слова и территориально маркированных вариантов основной лексики. Стилистические неологизмы содержат как литературно - ненормативную лексику (говоры и диалекты), так и социально окрашенный словарь.

Под инновационной лексикой подразумеваем, таким образом, новый словарь языка, в который входят собственно неологизмы, заимствования и гибридные образования с иностранным компонентом. Очевидно, что слова воспринимаются как неологизмы только до тех пор, пока выражаемые ими понятия не станут привычными, после чего они прочно входят в словарный состав, как было указано выше, и уже не воспринимаются как новые.

Следует отметить, что неологизмы, как правило, возникают на базе существующей языковой традиции, используя имеющиеся уже в языке словообразовательные средства. В каждом языке, таким образом, можно наблюдать изменения и определенные *тенденции лексического обновления*. Точное выявление тенденций дает возможность определить те направления и те объекты изменения, которые проявляет язык и его словообразовательные механизмы. Лингвисты опираются в исследованиях на факторы, вызывающие изменения в языках. Факторы могут быть не только внутриязыковыми, но и внешнего порядка, например, социальными и экономическими

Если синтезировано взглянуть на общие причины изменения, в частности, расширения словарного состава языков, то они, в целом, кажется универсальными, захватывающими все живые языки. Причина тому глобальные процессы развития мира, в который

втянуты все страны и народы. А значит, мотивы и тенденции в развитии их языков также будут иметь весьма схожие черты.

Петер Браун выделяет четыре основные причины, способствующие появлению новых слов в языках. К ним относятся:

1) необычайно большой спрос на новые наименования во всех областях современной жизни;

2) стремление к четкости и детализации выражения;

3) стремление к языковой экономии;

4) стилистические мотивы [Braun 1997:159].

Присоединимся к автору и будем придерживаться в дальнейшем этой классификации.

Казахский язык. Общая характеристика внутриязыковых процессов

Относительно казахского языка можно сегодня сказать, что он находится в стадии резкого подъема и коренного обновления. После обретения Казахстаном суверенитета, к тому и в новом статусе Государственного языка он стал активно функционировать во всех сферах общества, и, расширяя границы словообразовательной продуктивности, демонстрирует номинативную мощь.

Так, к примеру, среди новых тенденций в казахском словообразовании необходимо отметить стремление к национализации основных новых понятий и возрождение культурных ценностей, к которым относится и исконный казахский язык. Актуализация забытых некогда казахских слов и корней является на данный момент продуктивным способом пополнения функционального словаря. Поэтому в настоящее время мы наблюдаем, по сути, «второе дыхание» лексем казахского языка. Так, например, вновь используются бывшие длительное время в архаизмах слова казахского языка, как *көшбасшы*, *көшқон*, *сахаба*, *дарбаза*, *әкім*, *жүйе*, *хұқұқ*, *тайқазан*, *аймақ*, *уәкіл*, *сарай*, *баһадур*, *би*, *сұлтан*, *хан* и т.д. Многие из них расширили и изменили объем семантики, а потому полноправно рассматриваются сегодня в качестве новых слов (*көшбасшы* раньше – предводитель кочевки номадов, сегодня – первый руководитель; *көшқон* раньше – процесс кочевки, сегодня – миграция; *тайқазан* – ритуальный бронзовый котел в мавзолее Ахмеда Ясави в Туркестане, сегодня может использоваться в переносном значении «фонд»), некоторые подверглись фонетическим изменениям

(хұқұқ - құқық, уәкіл - өкіл), другие стали стилистически нормированными (жасөспірім – раньше разговорный стиль: молодняк, сегодня – молодое поколение), а некоторые улучшили свое лексическое значение (сарай – сегодня в значении: мәдениет сарайы «дворец культуры»).

Среди новых названий – и возвращение исконно казахских собственных имен, в частности, географических наименований и их правописания: *Семей, Көкшетау, Маңғыстау, Атырау* (бывш. Гурьев), *Ақтау* (бывш. Шевченко), *Тараз* (бывш. Джамбул) и др.

Результаты словообразовательной деятельности современного казахского языка можно подразделить в соответствии с лингвистической природой и тематическими категориями дериватов на следующие виды: неологизмы общего значения, неологизмы специального значения (термины), заимствования, семантическая деривация. Новые слова подразделяются на немотивированные такие, как *жиһаз* «мебель», *сынып* «класс», *құлпынай* «клубника», *тұшпара* «пельмени», *ғаламтор* «интернет», *жаһандану* «», *мүлік* «», *тәмам* «завершить», *керік* «жираф», *сайыс* «соревнование», *қаулыс* «решение», *аялдама* «(автобусная) остановка», *көлік* «машина» и др.

Неологизмы современного казахского языка в соответствии с их лингвистической этимологией можно подразделить на следующие виды: неологизмы общего значения, неологизмы специального значения (термины) и заимствования. Если посмотреть на прозрачность этимона, то новые слова подразделяются на немотивированные основы такие, как *жиһаз* «мебель», *сынып* «класс», *құлпынай* «клубника», *тұшпара* «пельмени», *ғаламтор* «интернет», *жаһандану* «глобализация», *мүлік* «имущество», *тәмам* «завершить», *керік* «жираф», *сайыс* «соревнование», *қаулыс* «решение», *аялдама* «(автобусная) остановка», *көлік* «машина» и др. Неологизмы могут носить и мотивированный характер, что легко заметить на их прозрачном этимоне: *елбасы* («глава государства» от: ел «народ» + бас «голова» + -ы), *тікұшақ* («вертолет» от: тік «прямо» + ұш «лететь» + -ак), *ұшақ* («самолет» от: ұш «летать» + -ак), *зымыран* («ракета» от: зымыра «быстро двигаться» + -н), *сусиыр* («бегемот» от: су «вода» + сиыр «корова»), *тұмсықмүйіз* («носорог» от: тұмсық «морда» + мүйіз «рог»), *оралман* («возвращенец» от: орал «возвращаться» + -ман), *ісқимыл* («действие» от: іс «дело» + кимыл «движение»), *қорық-мұражай* (кор «фонд» + -ық + мұра «наследство» + -жай), *кәсіпкер*, *төраға*, *тұрақтылық*, *мәжілісмен*, *сыбайлас*, *сыныптас*, *төсбелгі*,

арызқой, шағын аудан, ауызбіршілік, жекешелендіру, бәсекелестік, шақырылым («созыв» от: шақыр «созвать» + -лым) и др. Как видно из приведенных примеров, активными словообразовательными способами являются аффиксация (суффиксация и префиксация) и словосложение.

Среди активных суффиксов казахского языка назовем: -кер, -гер (*кәсіп-кер, саяс-кер, қалам-гер*); -қор (*жем-қор*), -лық (*жала-қор-лық*); -шы (*сақ-шы*), -лік (*ауыз-бір-ші-лік*), -қой (*кәсіп-қой*) и др. Продуктивными можно признать дериваты, образованные при помощи суффиксидов -тану (*абайтану* «абаеведение», *альфарабитану* «альфарабиведение», *тілтану* «языковедение», *саясаттану* «политология», *дінтану* «религоведение» и др.) и -хана (*мейрамхана* «ресторан», *дәмхана* «столовая», *емхана* «поликлиника», *нәрестехана* «комната для младенцев», *намазхана* «молельня», *зертхана* «лаборатория» и т.п.). Среди новых слов имеются и русские вкрапления, как *шенеунік* (чиновник). Что касается композиции слов, т.е. сложения основ в одно сложное слово, то здесь особенностью является наличие как детерминативных (подчинительных), так и и копулятивных (сочинительных) композитов. К первым относятся такие слова, как *евроремонт, төсбелгі* (нагрудный знак), примерами вторых являются *тұмсықмүйіз* (носорог), *күйсандық* (фортепиано), *автокөлік* (легковая автомашина), *қорық-мұражай* (музей), *елбасы* (глава государства), *бортсерік* (бортпроводник).

В казахский язык, как и во все другие национальные языки мира вливаются большими порциями слова-заимствования. Превалируют в этом отношении слова из английского языка. Это объясняется, по крайней мере, тремя причинами. Во-первых, это появление новых понятий в области политики, экономики и общественного развития. Во-вторых, это всеобщие категории, связанные с компьютером и коммуникационными технологиями. И, в-третьих, это процессы мировой глобализации, охватывающие все области жизни государств и народов. Казахстан является участником единого мирового пространства, а потому подвержен влиянию всех мировых процессов, в том числе языковой интеграции. Поэтому в современном казахском языке можно выделить при характеристике его словообразовательных механизмов, заимствованные основы, которые подвергаются или не подвергаются ассимилятивным действиям со стороны принимающего языка. Таковыми являются термины, которые давно закрепились в казахском языке как пласт иностранных слов, среди которых такие, как

форум, делегация, мемориал, конференция, филиал и другие. К новым заимствованиям относятся *холдинг, нанотехнология, лизинг, интеграция, акционер, мультимедия, бизнес, брифинг, сайт* и так далее. Словообразовательный аппарат казахского языка способствует становлению гибридных новых слов: *инфрақұрылым, онлайн газеті, «Ұлт.kz», мәжілісмен*. В этих примерах наблюдаем синтез национальных корней с заимствованными элементами для выражения необходимых понятий. Такое явление становится новой тенденцией в казахском словообразовании. Однако считаем, что гибридное словообразование ведет к стиранию границ языков и приведет в конечном счете к языковой унификации. Это означает, что национальный язык будет постепенно терять самобытность и все сильнее подвергаться влиянию мировых языков. С другой стороны, это неизбежный процесс, вызываемый процессами языковой интеграции. Ни один язык сегодня не развивается изолированно, а только в интеграции. Казахский язык не является исключением из правил.

В противовес гибридности неологизмов можно выставить целый ряд интралингвистических словообразовательных приемов и принципов. Среди активных тенденций необходимо отметить калькированный перевод на казахский язык всех неказахских основ и семантическую деривацию. В настоящее время на основе семантического сдвига наблюдаем, по сути, «второе дыхание» старых лексем казахского языка. Так, например, вновь используются бывшие длительное время в архаизмах слова казахского языка, как *көшбасшы, көшқон, сахаба, дарбаза, тайқазан, аймақ, сарай, баһадур, би, сұлтан, хан* и т.д. Слова расширили и изменили объем семантики, а потому полноправно рассматриваются сегодня в качестве новых слов (*көшбасшы* раньше – предводитель кочевки номадов, сегодня – первый руководитель; *көшқон* раньше – процесс кочевки, сегодня – миграция; *тайқазан* – ритуальный бронзовый котел в мавзолее Ахмеда Ясауи в Туркестане, сегодня может использоваться в переносном значении «фонд»), некоторые подверглись фонетическим изменениям (*хұқұқ* - *құқық, уәкіл* - *өкіл*), другие стали стилистически нормированными (*жасөспірім* – раньше разговорный стиль: молодняк, сегодня – молодое поколение), а некоторые улучшили свое лексическое значение (*сарай* – сегодня в значении: мәдениет сарайы «дворец культуры»).

Таким образом, отметим для современного казахского языка наличие устойчивых тенденций к обновлению всего тезауруса, формирование при этом специфических экстралингвистических причин и доминирование словосложения как словообразовательного способа наряду с другими способами образования новых лексических словоформ. Как нетрудно заметить, многие процессы, свойственные немецкому словообразованию, присущи и казахскому языку, что свидетельствует о динамических инкорпоральных процессах, свойственных явлениям межъязыковой интеграции.

В современный казахский язык проникают новые слова извне в виде заимствований и укореняются. Так, *ақ және қара пиар, имидж, офис, рейтинг, консенсус, оффшорлы аймақ, клип, макияж, сенат* и другие. Гостерминком Казахстана пересмотрел более трех тысяч терминов сферы компьютерной техники и Интернета. Часть из них калькирована и переведена на казахский язык (*демеуші* «спонсор», *кәсіпкер* «бизнесмен»), часть остается иноязычными (*пресс-конференция, департамент, президент* и мн.др.). Многие заимствования прочно вошли в казахский лексикон, о чем свидетельствует их казахскоязычный словообразовательный форматив: *аудиожазба* «аудиозапись», *бейнеклип* «видеоклип», *бартер жасау* «применить бартер».

В сфере технического и бытового языка наблюдается формирование интернационального жаргона, в особенности, молодежного сленга, представляющего из себя гремучую смесь из элементов английского, русского и казахского языков: *вебке кіру* «войти в веб», *соткаға звондау* «звонить на сотку», *құлаққа лапшаны ілу* «вешать лапшу на уши». Молодежный сленг во всех языках стал насыщенным, интегрированным, включающим в себя школьные, студенческие жаргоны, варваризмы, арготизмы, просторечия, окказионализмы, жаргоны социальных групп – байкеров, хиппи, рэпперов, компьютерщиков и др.

Немецкий язык

Активные словообразовательные процессы наблюдаются во всех языках без исключения. Так, например, на особую продуктивную деятельность словообразования в немецком языке указывает целый ряд немецких лингвистов (ср. Браун 1997; Барц и Нойдек 1997; Дроздовский и Хенне 1980 и др.). В новом лексиконе немецкого языка

имеется, по исследованиям Петера Брауна [Braun1997:9], всего 8% односложных лексем. На 92% словарь состоит из словесных конструкций – сложных слов и дериватов. Такое сложное конструирование происходит, как констатирует автор, и из „экономических причин“; немцы „строят словообразовательные конструкции, чтобы сэкономить время и пространство“. Далее он указывает, что противоречий здесь не наблюдается: из группы слов образуются сложные основы. Эту мысль автор подкрепляет следующими примерами: *Arzt in einem Krankenhaus – Krankenhausarzt; Arzt für Tiere – Tierarzt*. Все это приводит к появлению неисчислимого количества композит, основосложений в языке, что выделяется в научной литературе как одна из «основных тенденций современного немецкого языка», и из-за чего появилось ироническое выражение «немецкий язык – пекарь новых слов» («Bäckerdeutsch») [там же: 630].

П.Браун отмечает, таким образом, среди новых тенденций немецкого словообразования чудовищную силу синтеза лексемных основ. Он, в частности, замечает, что ни один из европейских языков не может в этом отношении сравниться с современным немецким языком, который на сегодняшний день просто переполнен результатами словосложения [Braun 1997:159]. Явление словосложения появилось в немецкой грамматике в средние века и достигло на современном этапе огромных масштабов, когда можно наблюдать свертывание целых понятий и даже предложений в одну основу: *Spendenmarathon* (букв.: «марафон пожертвований»), *Bundesgesundheitsministerium* (букв.: «федеральное министерство здравоохранения»), *Fachkräftemangel* (букв.: «нехватка специалистов») или *Doppelstaatsangehörigkeit* (букв.: принадлежность двум государствам)).

Наблюдая за неологизмами в немецком языке, автор выделяет и тенденцию к новым видам правописания сложных слов, содержащих заимствованный элемент из английского языка, через дефис. Примерами этому служат множество слов, как то: *Schoko-Genuss, puder-rosa, Kreativ-Ideen, Tropen-Paradies, Schnür-Boots, Top-Figur, push-up-raffiniert, GalaxSea-Bad, High-Tech-Fahrrad, Bund-Länder-Kommission, Uni-Verwaltung*. Новой традицией в графике сложных неологизмов является, по свидетельству П.Брауна, разделение основ путем выделения их внутренней заглавной буквой: *HiWis, ServiceZentrum, TaschenAtlas, MitMission, MandolinenClub, UniversitätsLichtSpiele, InHausPost*. Особо продуктивно данное

написание в языке рекламы. Конечно, это придает длинному, по сути, слову наглядность и языковую выразительность.

Среди новых поступлений в немецкий печатный Duden также много заимствований из сетевого жаргона: "*Facebook*", "*App*", "*Social Media*", "*Compi*" - так немцы называют свой "комп", поясняет Duden. Или, например, "*Shitstorm*": согласно определению, это "приступ негодования в средстве коммуникации в интернете, который, кроме прочего, сопровождается оскорбительными высказываниями".

В словарь впервые включены понятия, возникшие в связи с финансовым кризисом, такие как "*Eurobond*", "*Finanztransaktionssteuer*" и "*Zockerpapier*", означающие соответственно "евробонд", "налог на финансовую транзакцию" и "азартные бумаги". Довольно много в новом издании и неологизмов, учитывающих равноправие полов. Так, например, помимо понятия "член правления" в словаре теперь фигурирует и слово "*Vorständin*", то есть "членша" правления.

Наряду со словосложением в современном немецком языке выделяются следующие словообразовательные способы:

- Словопроизводство при помощи суффиксов *-i/ -y/ -ie, -o* и нулевым суффиксом. Большим влиянием на нормативный язык имеет молодежный сленг, из которого вливается в национальный словарь неограниченный пласт новых образований типа: *Studi, Ersti, Digi, Dummi, Grüni, Azubi, Prof, Alk, Uni, Mum, Spacko, Gollo, Schmacko*.

- Внутряязыковая ассимиляция заимствованных из английского языка корней. Глаголы: *leasen, walken, fixen, juxen, palavern, shoppen, clubben, relaxen, anpowern, reinmoven, surfen, joggen, simsen* «*sms schicken*», *googeln* «*Google-Suche*».

- Контаминация с усечением основ: *StuRa* «*Studentenrat*», *AntifaHG* «*Antifaschistische Hochschulgruppe*», *UrMEL* «*University Multimedia Electronic Library*», *Thoska* «*Thüringer Hochschul- und Studentenwerks-Karte*».

- Образование окказионализмов и разовых слов: *blöken* «*husten*», *Folterkammer* «*Turnhalle*», *schwallen* «*viel reden*», *Münzmallorca* «*Solarium*», *Intelligenzallergiker* und *SchnippiNoop* «*der dumme Mensch*», *Erzeugfraktion* und *Kohlenbestrafer* «*Eltern*».

- Англицизмы, для которых в немецком языке даже придуманы термины, как то: *Denglisch* или *Engleutsch* из-за того, что это очень большой пласт лексики, целый язык. Примерами слов такого смешанного языка являются чисто английские корни: *Audit,*

Ghostwriter, Message, Patchwork, Thrill, Ticket, Business Class, Global Call, New Economy, Service Point; смешанные с немецкой составной корни: *Back-Shop, BahnCard, Laserdrucker, 630-Mark-Job, Outeinwurf, Slipeinlage, uncool*.

Русский язык

Анализируя активные процессы в современном русском языке, и, отмечая при этом словообразовательные новшества, Н.С. Валгина приводит пример со словом челнок, то получим следующую картину: *челнок* в значении «деталь ткацкого станка» дает только одно звено в словообразовательной цепочке - *челночный*; новое значение слова *челнок* (перекупщик) в современном просторечии значительно увеличивает цепочку, расширяя словообразовательные возможности данной мотивирующей основы: *челночник, челночница, челночиха, сочелночники, почелночить*; сочетательные возможности прилагательного *челночный* тоже расширяются: *челночный бизнес, челночный маршрут, челночная операция, челночные перевозки*.

Автор отмечает наряду с этим и повышение продуктивности тех или иных словообразовательных способов. Например, малоупотребительный в прошлом суффикс *-ант* при обозначении лица стал очень активным: *подписант, амнистант, реабилитант, эксплуатант, нобелиант, номинант*. Расширяется количество бессуффиксных образований от глагольных основ: *отлов, выгул, выпас, прикид, напруг, закуп*. По аналогии появились и формы от прилагательных: *наив, серьез* (ср.: на полном серьезе); *интим, беспросвет, нал, безнал, афган, неформал, инфантил*; то же среди терминов: *термояд, негабарит, конструктив, криминал* и др.

Российский исследователь выделяет среди активных видов словообразования следующие:

- Производство наименований лиц при помощи суффиксов *-чик, -щик, -ник, -тель, -тор, -ист, -ин, -арь, -яг-а* (*рыночник, пиарщик, биржевик, суверенщик, антиперестроечник, тeneвик, рефрижератор, конструктор (игра) льготник, дубляжник, бутылочник, платник* (студент, обучающийся за плату), *силовик, эвээмщик, компьютерщик, вещист, тупарь, блатняга*)

- Абстрактные имена и названия процессов, образованные при помощи суффиксов *-щин-а, -ух-а, -ость и -изм, а также -фикация, -изация*: *митинговщина, беспредельщина, групповуха, порнуха, чернуха,*

вживаемость, бессобытийность, совковость (советский - совок), газетность, советскость, офисность, гармонизация, криминализация, компьютеризация, кинофикация, теплофикация, спидофикация.

- Приставочные образования. Активны приставки *пост-, анти-, про-,* а также русские *после-, сверх-:* *постперестроечный, посткоммунистический, постсоветский, посттоталитарный, поставгустовская (эпоха), постбойкотский (фильм), постпрезидентская (жизнь), пророссийская оппозиция.*

- Сложные слова: *клиповед, клипорежиссер, телекиноискусство, телегруппа, телекоманда, телемания; мини-заповедник, мини-клуб, мини-зонт, блиц-вояж, блиц-опрос, брейк-мода, брейк-данс, шоп-туризм, ток-шоу, маски-шоу, евроремонт бизнес-справочник арттерапия (с помощью воздействия искусством), смехотерапия, стрессотерапия, шокотерапия.*

- Свертывание наименований с усечением основ. Модель словосочетания «прилагательное + существительное» с суффиксом *-к-а:* *безотходка - безотходная технология, незавершенка - незавершенное строительство, кругосветка - кругосветное турне, синхронка - синхронный перевод, наружка - наружная охрана, ретро (ретроспективный, ретроспектива), ультра (во фр. языке слово ультрароялист было усечено еще в начале XX в.), спец - специалист.*

- Аббревиация: *МИФ - Московский инвестиционный фонд; Санфир - система автоматизированной подготовки фотонаборных изданий, обеспечивающих редактирование; Сом - строительные и отделочные материалы.*

Высокую степень продуктивности обнаруживают словообразовательные элементы иноязычного происхождения на основе собственных имен (*гайдаризация, ельцинизм*).

Процессы перехода к рыночной экономике, приватизации «вернули к жизни» в современном русском языке целую группу слов, ушедших, казалось бы, навсегда в пассивный запас языка: «гильдия», «меценат», «коммерсант», «господин», «гувернантка», «ментор» и пр.

Здесь уместно сказать и о «реабилитации» большого количества топонимов. Вместо таких топонимов, как Ворошиловград, Жданов, Орджоникидзе, Калинин, Горький, Свердловск и др. вернулись

исконно русские названия: Луганск, Мариуполь, Рыбинск, Самара, Санкт – Петербург, Тверь, Екатеринбург и др.

Особенно много неологизмов появляется в научно-техническом языке в результате бурного прогресса науки и техники и компьютерных технологий. В большинстве своем это заимствования из английского языка.

Вот несколько абсолютно новых терминов из английского языка: *Лайк-шок (Like shock)* «чувство, которое возникает у человека, чей пост в соцсетях собрал гораздо больше «лайков», чем он ожидал»; *Чайка-менеджмент (Seagull management)* «стиль управления, при котором менеджер, внезапно налетев на объект, поднимает много шума, а затем так же внезапно улетает, оставив после себя полный беспорядок»; *телефонный зевок (Phone-yawn)* «феномен, наблюдающийся, когда один человек достает телефон и смотрит на экран, в результате чего окружающие люди делают то же самое»; *сдвинь, чтобы разблокировать (Slide to unlock)* «очень доступная девушка»; *хвастограм (Gloatgram)* «пост в инстаграм, показывающий, как хороша жизнь автора; обычно это фотографии еды или путешествий».

Как нетрудно заметить, все термины имеют отношение по содержанию к явлениям технического прогресса – экран монитора, мобильных сетей и т.п., одним словом, того, без чего невозможно представить современного человека и его жизнь.

Заимствование как результат интегральных процессов

Словарный состав - это та часть языка, которая всегда находится в движении и подвержена изменениям. К нему либо добавляются новые слова, либо слова меняют семантику, другие устаревают и переходят в пассивное употребление, третьи могут вообще исчезнуть и т.д. И таким внутриязыковым процессам нет конца.

При этом эти изменения происходят не как-то хаотично, а подчиняются определенным закономерностям, которые позволяют выявлять и наблюдать тенденции. Среди таких тенденций в современных языках наблюдается рост, например, языковой интеграции, обусловленная явлениями глобализации в мире. Языки вступают в более тесные контакты друг с другом, оказывают влияние друг на друга и позволяют языковым проявлениям проникать в словарный запас извне. Сегодня нельзя говорить о стране с одним

государственным языком. Таких моделей государственного строительства сегодня практически не существует. Все чаще в мире наблюдается многоязычная ситуация, когда несколько языков официально признаются и используются в одном государстве.

Примеров тому много: в России, например, это 24 официальных языка, в Индии – 23 официальных языка, если брать европейские страны, здесь же Швейцария с ее четырьмя официальными языками, такими как немецкий, французский, итальянский, ретороманский; Бельгия – с тремя языками: голландским, французским и немецким. Даже Франция в настоящее время имеет дело с несколькими языками, в том числе с арабским, из-за большого количества иммигрантов из арабских стран. Геополитическая и промышленная ситуация в мире все больше подталкивает к межгосударственным контактам во всех сферах общественного развития.

Многоязычие не зря воспринимается как вызов XXI веку. Каждый стремится говорить на своем родном языке. В такой ситуации, по-видимому, трудно вести межкультурный диалог. Здесь действительно нужен общий язык, который все до некоторой степени понимают. Исторически сложилось так, что Америка, как ведущая в экономическом и научно-техническом отношении страна в мире, говорит по-английски, и именно этот язык спонтанно используется во всем мире в качестве ключевого языка. Никто не требовал этого и не стремился к этому, естественная реальность привела к тому, что английский язык стал доминирующим мировым языком. Этот язык является не только языком-посредником в общении, но и источником пополнения словарного запаса.

Англицизмы в русском и казахском языках

Процессы интеграции являются характерным признаком развития современных языков и привлекают исследовательский интерес по многим причинам. Среди них необходимо подчеркнуть важность проведения сравнительно-сопоставительного анализа на уровне межъязыковых контактов с целью определения условий и механизмов развития одного языка относительно других языков.

Самой подвижной частью языка, как известно, является его лексический состав. В современный век стремительного научно-технического и коммуникационного прогресса все больше проявляется тенденция в использовании лексических единиц не только с

выраженным объемом семантики, но и межъязыковой сопряженностью их основного значения.

Пополнение словарного состава языков, как известно, идет двумя путями: 1) за счет использования внутренних ресурсов и 2) посредством заимствования слов, словообразовательных морфем, а также способов словообразования, как из родственных, так и неродственных языков. Целью настоящего исследования является обзор второго пути как результата интенсивных языковых контактов на современном этапе.

Широкомасштабная мировая глобализация приводит к языковой интеграции. Язык как социальное явление развивается синхронно с общественными изменениями, его словообразовательная функция обусловлена необходимостью называния новых предметов или явлений.

Современные внутриязыковые процессы, таким образом, не являются оторванными от активных внеязыковых явлений. Наблюдения за новым тезаурусом позволяют провести параллель между стремительными темпами развития общественно-политической жизни и их отражением в языковых знаках и их семантической репрезентации.

В языках, таким образом, существуют большие пласты лексики, которые образуются путем проникновения извне. Достаточно толерантное восприятие такого рода проникновений на самом деле легко объяснимо ввиду того, что это есть, в большинстве своем, обозначения новых понятий, процессов и явлений, возникающих в ходе развития межгосударственных, межнациональных и общечеловеческих отношений.

Заимствования исследуются в языках достаточно активно. Теоретические наработки и положения взяты за основу в нашем исследовании. Под заимствованием понимаем, вслед за Э.Ф.Володарской, «... языковое явление, заключающееся в акцепции одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающиеся по уровню и формам» [Володарская 2002:96].

Интернационализация лексиконов как критерий прогресса всех видов деятельности не вызывает на сегодняшний день особых возражений, и именно она лежит в основе расширения актуального словаря современных языков посредством заимствованной лексики.

На современном этапе вырисовывается общая картина, типичная для большинства языков, и она выглядит достаточно однообразно. Речь идет о доминирующем влиянии английского языка на все другие языки мира. Большая часть изменений в словарном запасе, которые мы наблюдаем сегодня в языках, происходит под влиянием английского языка. В результате интеграции национальных языков с английским языком в словарях, заимствованных из английского языка, формируются более широкие тематические слои. Заимствование из английского языка очень активно и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Интенсивный межъязыковой процесс требует тщательного изучения и фундаментального анализа не только форм и методов заимствований, но и причин, вызывающих такой приток иноязычных словоформ и словосочетаний. Давайте определим основной термин, с которым мы будем иметь дело,

В исследованиях используются термины «англо-американизм» и «англицизм». Англо-американизм - новый термин, возникший в 90-х годах XX века и означающий, как пишет А. В. Зеленин, «слово или словоизменение, характерное для американской версии английского языка или для заимствованного из него» [Зеленин 2003:94]. Некоторые ученые выступают против этого термина, утверждая, что общий термин не должен быть узконациональным или этнически и территориально ограниченным. Так, англицизм, согласно В.М.Аристовой, «понятие лингвистическое, поэтому исходным считается язык, а не что-либо узконациональное, этническое того или иного ареала. ... в группу англицизмов включены слова из американского, испанского, индийского и других вариантов английского языка...» [Аристова 1979:140]. С. Г. Сидоренко, Я. Баган, М. В. Тарасов и многие другие ученые придерживаются мнения, что «англицизм» должен использоваться как общий термин для обозначения заимствований из английского языка. британский и американский английский, а также другие варианты этого языка используются на территориях Австралии, Канады и Южной Америки. Мы, разделяя это мнение, используем в работе термин "англицизм".

Таким образом, под заимствованием понимается перенос лингвистических компонентов из одного языка в другой. Заимствование является одним из важнейших способов расширения словарного запаса воспринимающего языка. Языки мира использовали иностранную лексику и всегда заимствовали или переводили иностранные слова и обороты. И это хорошо известно и относительно

хорошо изучено в историях того или иного языка. Просто сейчас процесс особенно активно идет англо-ориентированный.

Итак, как было обозначено выше, в современных языках формируются словарные части, восходящие к английскому языку и его вариантам и относящиеся к инновационной иноязычной лексике. В результате возникают внутриязыковые механизмы, которые адаптируют заимствованную лексику, вследствие чего актуализируются словообразовательные процессы. Появляются новые словообразовательные структуры и модели, отличающиеся как спецификой внутренней структуры принимающего языка, так и межъязыковой универсальностью. Как показывает анализ, словообразовательные модели заимствований стремятся к контаминации, аббревиации, сокращению, гибридизации, морфемному сцеплению (сложные основы), конверсии и т. д. Достаточно частотно проявляет себя традиционное словопроизводство как единство двух планов – формального (структурно-схематического) и семантического (содержательного).

Проследим качество проникающей лексики. Среди заимствованной лексики выделяется достаточно большой слой интернациональных слов, т.н. интернационализмов. Интернационализмы в большинстве своем встречаются в области науки и бизнеса в силу растущих процессов международной кооперации. Средства массовой информации являются сегодня главным распространителем интернационализмов в языках. Несмотря на то, что в лингвистике отдельные ученые не рассматривают интернационализмы как заимствования и выделяют их в отдельную категорию словаря (Р.А.Будагов, С.Н.Халилова и др.), мы придерживаемся того мнения, что интернационализмы – это межъязыковая универсальная категория, которая принимается в язык и подвергается, как и любая другая заимствованная лексика, процессам языковой ассимиляции и национализации.

К областям, наиболее восприимчивым к интернационализмам, обычно относятся социально-экономическая, общественно-политическая, научно-техническая и культурная. Термины в этих направлениях тяготеют к единству и международной стандартизации. Например, такие английские слова, как *спикер*, *импичмент*, *инаугурация*, *секьюрити*, *мониторинг*, *саммит* и т.п. присутствуют в равной мере и в едином значении в казахском, русском и немецком языках. Подобными универсальными терминами пестрит и система

современного образования после внедрения в нее единых требований Болонского процесса. Примерами тому следующие слова (понятия)-интернационализмы: *бакалавриат, магистратура, PhD, аккредитация, кредит, тьютор, эдвайзер, транскрипт, академическая мобильность, стейкхолдер, мессенджер* и др.

Таким образом, к интернационализмам относятся термины различных наук, техники, политики, имеющие единый язык-источник и выражающее единое понятие, но подчиняющиеся внутренним адаптационным языковым механизмам принимающего языка. В результате последнего критерия интернационализм должен бы, по правилам, получать в языках особое фонетическое звучание и специфику графической формы, однако заимствования последних лет зачастую могут принимать лишь соответствующий графический образ, например: *ombudsman* – каз., русс.: *омбудсмен*, но не иметь при этом фонетической адаптации. Таких примеров множество: *провайдер, каворкинг, хедлайнер, риэлтер, фрилансер, мерчандайзер, фрипитчинг, спикер* и т.п. Все эти слова, произносимые на иностранный лад, представляют собой, во-первых, трудность декодирования, во-вторых, воспринимаются как инородное тело в ткани национальных языков, для которых английский язык не является по природе близким. Эти единицы являются, по мнению Т.А.Скрябиной, Л.А.Лошак, А.Ю.Гречановой, как минимум «нетранслитерированными варваризмами», что является очевидным и с чем нельзя не согласиться [Скрябина, см.: 39]. Сегодня все чаще встречаются заимствованные англицизмы в англоязычной форме написания: *smart, start-up, fun, friends, lounge, fashion, high tech, on-line* и т. п. Эти заимствованные неолексемы, используются так часто, что уже почти на законном основании, кажется, внесены в лексиконы языков именно в таком виде. Но есть и та часть слов в заимствующих языках, которые все же получают национальное фонетическое и грамматическое звучание (нем.: *die Akkreditierung, der Masterstudiengang*), либо даже частичный перевод, как, к примеру, в казахском языке: *академиялық ұтқырлық*.

Процессы заимствования и взаимопроникновения, а в результате взаимовлияния языков находятся в ракурсе исследования такой отрасли науки, как контактная лингвистика. Контактная лингвистика является относительно молодой наукой и сегодня находится на стадии формирования. Этим объясняется все еще не укомплектованная

научная терминология и подвижность круга основных проблем. Об этом поговорим ниже.

Заимствования различаются по нескольким критериям: способу заимствования, по форме заимствования, виду языковой ассимиляции. По способу заимствования наблюдается прямое, собственно заимствование и гибридное заимствование. Прямое прямом заимствовании иностранные слова заимствуются в такой форме, в какой они звучат в исходном языке, т.е. иноязычное фонетическое тело остается неизменным. В русском и казахском языках, которые в настоящее время все еще используют кириллицу в качестве основного шрифта, эти слова повторяются двумя способами: один раз латиницей, например: *Astana Hub Battle*, *Digital Almaty Awards*, *IT*, *invisible Governement*, *digital*, или заимствования пишутся кириллицей с сохранением иностранного произношения, как в это относится к следующим примерам: *хэштек*, *интер*, *плейфф*, *стартап*.

Таким образом, подобные заимствование иностранного слова можно назвать формальным заимствованием. На первый взгляд, англицизмы, введенные таким образом, на самом деле относятся к категории варваризмов. Эта категоризация может быть принята как результат языковой адаптации. На самом деле они нарушают традиционную морфемную структуру лексем и отклоняются от фонематических закономерностей языка. Вот почему они кажутся варварскими (чужими) по отношению к местному языку.

При вхождении в словари языков заимствования-англицизмы категоризируются по таким видам, как экзотизмы, варваризмы и собственно заимствования. Такой расклад появляется в результате языковой адаптации. Экзотизмы, у некоторых авторов «ксенизмы», «этнографизмы», «экзотическая лексика», «реалии» - это «чужое» слово, которое используется для описания жизни другого народа, его быта, истории, культуры. Такое обилие терминов, казалось бы, должно вызывать дискомфорт в анализе явления заимствованной лексики. Но ввиду того, что больших противоречий в интерпретации их содержания не обнаруживается, то вопрос не подлежит большой дискуссии, хотя все же присутствует необходимость определения основной терминологии. Ведь к тому же еще и каждый из указанных терминов может, в свою очередь, рассматриваться под разным углом зрения. Так, к примеру, касательно дефиниции термина «ксенизм» существует множество мнений, как утверждает Ч.Фёльдес, и более того, в англосаксонской науке термин мало, если не сказать, что

вообще не используется [Фёльдес 2018:123]. Рассматривая все подходы к интерпретации данного термина в современной германистике, автор заключает, что к ксенизмам могут быть отнесены не только «чужеродные» слова и выражения, но и структуры и модели и т. п.

По мнению Ч.Фёльдеса, ксенизмы в языке прессы, к примеру, могут иметь природу как обусловленную языком («*Xenismen primär sprachbezogener Natur*»), так и культурно обусловленную («*Xenismen primär kulturbezogener Natur*») [там же:125]. Никак не отрицая данную точку зрения, остановимся на термине *экзотизм* и вернемся к обзору заимствований в языках. Названия денежных единиц относятся, в нашем случае, к экзотизмам. Отличающийся особой важностью в современной жизни американский *dollar* звучит в казахском и русском языках как *доллар*, в немецком языке – *der Dollar*.

Особо хочется остановиться на варваризмах. Термин восходит к основе *варвары* (др.-греч.: *barbaros* — «негреческий», «чужеземец») — это люди, которые для древних греков и римлян являлись чужестранцами, говорили на непонятном им языке и имели чужую культуру. Исторически это были завоеватели, вторгавшиеся на территории, разрушавшие все на своем пути. Именно это легло в основное значение лексической единицы «варвары», которое в современном лексиконе имеет несколько переносных значений: грубый, невежественный человек; вандал [ru.wikipedia.org]. Этимологическая картина термина «варваризм», таким образом, прозрачна и несет в себе несколько отрицательный оттенок: «Слово из чужого языка или оборот речи, построенный по образцу чужого языка, нарушающее чистоту речи» (См.: Словарь Ожегова онлайн). Получается, варваризм — это слово, вторгшееся в язык и имеющее чуждый образ и обозначающее новое явление объективной реальности.

Варваризм, на наш взгляд, — это начальный этап, который проходит любое заимствованное слово или словосочетание в принимающем языке. Англицизм, если он не полностью осваивается языком и сохраняет черты чужеродной лексической единицы, то признается варваризмом. Как пишут Ж.Баган и М.В.Тарасова, при языковой ассимиляции некоторые заимствования могут сохранять форму написания, выдавая принадлежность к английскому языку [Баган, Тарасова 2018:35]. Так, к примеру, *спонсор* введен в языки безо всякого изменения английской формы — *sponsor*. В современном

казахском языке подобных варваризмов уже достаточно много, и они все больше завоевывают речевое пространство. Для сравнения: *High Tech, Coca-Cola, Impeachment, Energizer, Soundtrack, Single, Produzent, Crazy, Teenager, Scout, Trailer, Underground, Fitback, ток-шоу, кока-кола, импичмент, энерджайзер, тинзэйджер, скаут, трейлер, андеграунд, фитбэк* и многие другие.

Среди варваризмов также можно выделить экзотизмы, у некоторых авторов "ксенизмы", «этнографизмы», «экзотическая лексика», "реалии" – все это иностранное слово, используемое для описания жизни другого народа, его истории и культуры. Согласно Словарю лингвистических терминов О.С.Ахмановой [Ахманова 1966], экзотизмы – это слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемые для придания речи особого местного колорита. Как видим, акцент делается на функционирование данных слов в принимающем языковом контексте. Наша задача несколько иная. Она состоит лишь в процессе заимствования их в другой язык, а вот их будущее функционирование в условиях индоевропейских и других языков констатируется как факт. Но все же основное содержание данного определения не противоречит сути исследования - это иностранные заимствованные слова, которые используются в языках как обозначения ценностей и культурно-исторических, политических и др. реалий другой страны: *Dollar, Euro, Cent, Big Ben, Washington Post, Breiten Beach, cheeseburger, hot-dog* и т. д.

Ж.Баган и М.В.Тарасова пишут, что термины «ксенизм» и «варваризм» не противостоят термину «экзотизм», являются, по большому счету, синонимичными и их следует различать «по критерию освоенности» в принимающем языке [Баган, Тарасова 2018:36]. Полагаем, этот показатель освоенности должен быть еще изучен и систематизирован. Все-таки для абсолютной дифференциации, либо подведение под единый знаменатель все вышеприведенные термины требуют детального и фактического изучения хронологии их внутриязыковой адаптации и наблюдения над их семантическим «поведением» в синтагме.

Таким образом, подчеркнем еще раз, что в терминологических обозначениях заимствованной лексики на данный момент не достигнуто единства мнений. Однако сильных противоречий также не наблюдается.

Собственно заимствование заключается в том, что иностранное содержание передается гибридной формой при использовании средств собственного языка: еҒтініш, еДенсаулық, Астана.kz, Edu.kz, Ас-Тас-Invest, Каз-Test, стартап көрмесі, робототехникасы, инфрақұрылым. Как следует из этих примеров, структурно это, с одной стороны, гибридные образования (английский +казахский), с другой - казахские реплики.

Такое заимствование имеет три подвида: прямой перевод (калькирование), свободный перевод и перенос значения. Прямой перевод предусматривает дословный перевод лексем (после морфем) или группы слов: White Hause – Белый дом, Ак үй, Underground crossing - подземный переход, жер асты жолы. Свободный перевод допускает использование подходящих средств передачи чужого содержания средствами своего языка: Central processing Unit (CPU) – системный блок (процессор), орталық жүйе (процессор).

Заимствование (перенос) значения — это более свободное воспроизведение внешнего образца: Sekretary - секретарь – хатшы; referent – делопроизводитель – іс қағаз жүргізуші.

Кроме того, существуют так называемые интернационализмы. Под интернационализмами понимаются такие слова, которые имеют международное распространение, адаптируются по морфематической и орфографической структуре к принимающим языкам и являются общими в нескольких языках в одинаковом значении: политика, Сенат, парламент, президент, компьютер, глобальный, сотрудничество, коучинг, эндаумент-фонд, коворкинг, суперзвезда, ток-шоу, видеоклип, диско-боулинг, коллаборация, триллер, онлайн-банкинг, интернет-шопинг, сёрфинг и др. В казахском и русском языках эти слова активно используются, и все больше и больше появляется новых слов, которые признаются как международные. Словарь воспроизводится либо кириллицей с сохранением иностранной фонематической структуры, либо в некоторых случаях оставляется в иностранной графической форме: E-Mail, Check-up, Team, Show.

После введения единых требований Болонского процесса система современного образования также наполнилась такими универсальными понятиями. Примерами этого являются следующие слова (понятия)- интернационализмы: бакалавр, магистр, доктор философии, аккредитация, кредит, репетитор, эдвайзер, стенограмма, академическая мобильность и т. д. Однако следует отметить, что, хотя международные слова универсальны по своему значению, они

приобретают национальное фонетическое и грамматическое звучание в других языках (немецкий: *die Akkreditierung, der Masterstudiengang*) или даже частичный перевод, как, например, в казахском языке: академиялық ұтқырлық. В отличие от других языков, в казахском языке международные слова не имеют аналогов по своей природе, поэтому заимствования приобретают в большей мере оттенок казахских лексем как в фонетическом звучании, так и словообразовательной форме.

Заимствования, как уже было показано выше, изменяются в воспринимающем языке, ассимилируются и приспосабливаются к системе языка. При этом различают фонетическую, морфологическую и орфографическую ассимиляцию. Фонетическая ассимиляция — это адаптация заимствований к фонетическим нормам принимающего языка, например, в казахском - Қазnet не только используется графема Қ как в слове Қазақстан, но и читается как [kh], Open Banking - опен банкинг вместо *oupen banking*, jumper - кас. жемпір, сканер вместо скэнер. Морфологическая ассимиляция - это адаптация заимствований к морфологической системе языка. Например: boots - бутсы, jans — джинсы, slippers — слипы, веб-камера и др.

В процессе орфографической ассимиляции существительные в казахском и русском языках пишутся в нижнем регистре, иностранные буквы и сочетания букв заменяются кириллицей, иногда латиницей: депозит, контент, фэйк.

В зависимости от степени ассимиляции различают следующие стадии: а) Полная ассимиляция. Произношение, ударение, морфологическая форма в данном случае уже не выдают иностранного происхождения слова: например, вместо монитора в казахском используется *перне тақта*, вместо компьютерной мыши — *тышқан батырмасы*.

б) Неполная ассимиляция. Иноязычный облик слова все еще отчетливо выражен (ударение, отдельные орфографические и фонетические особенности, иноязычные суффиксы, префиксы): *фэйк, интерфэйс, хаб баттл*.

в) Совершенно неассимилированные слова. Это те, которые встречаются в русском и казахском языках в их неизменном иностранном виде: *high tech, stand up Show, уик-енд, тинэйджер*.

В качестве лингвистических причин заимствований можно назвать следующие:

1. Англицизмы закрывают "пробелы" в семантической системе русского и казахского языков: *локдаун, буллинг, инвестор, спонсор, имиджмейкер, ноутбук, сканер*

2. Пополнение тематических рядов и лексико-семантических групп заимствованиями выразительных синонимов: *инновации, реновации, ивенты, плэй офф, барбер, коучер, презентация*.

3. Потребность в эвфемистической лексике: *менеджер* вместо секретарь, *клин* вместо уборка, *фрилансер* вместо самозанятый, *бариста* вместо бармен, *смартфон* вместо мобильный телефон и т.д.

4. Заимствование иностранных слов для терминологического использования: *стикер, брифинг, мессенджер*.

В результате английские заимствования могут помочь нейтрализовать чрезмерную многозначность или уменьшить количество необязательных омонимов.

Заимствования из области компьютерных технологий и современных систем связи практически невозможно сосчитать. Здесь полное господство англицизмов, и без знания английского языка, как кажется, в будущем просто не обойтись. Вот несколько примеров: лайк, селфи, Instagram, сканер, принтер, мышь, саундтрек, хоумбанк, файл и т. Д. Еще много других слов можно встретить в казахском и русском языках.

Скорее, заимствованная лексика становится словообразовательной основой, с помощью внутриязыковой словообразовательной деятельности существительные преобразуются в глаголы, прилагательные, сложные существительные и т. д. Например, как показано в Таблице:

Таблица 2.

Исходное английское слово	Немецкий язык	Русский язык	Казахский язык
scanner	scan-en	сканировать	сканерлеу
Click	klick-en	кликнуть (щел-кнуть)	
Fake news	Fake news	фэйковые новости	Fake жаңалықтары
like	Liken	лайковать, лайкнуть	Like кою Like жіберу
selfie	Selfie machen	просэлфить, сэлфить	Selfie жасау
mail	Mail-en	Мэйл-ить	Мэйл жіберу
google	Googl-en	Гугл-ить	Гуглда отыру
newsmaker	Newsmaker	Ньюсмекер-ств-о	Ньюсмекер-лік

Пока на данный момент глаголы и выражения, в большинстве своем, окказиональны, но, как известно, если лексическая единица становится основой для создания новых слов, то это есть показатель ее частичной или полной языковой адаптации и вхождения в основной лексикон языка. Вышеприведенные примеры свидетельствуют о таких процессах, когда англоязычная лексика внедряется полномасштабно и имеет «вид на жительство» в принимающих языках.

В словообразовательном плане новые лексемы имеют свои особенности, которые также, по наблюдениям, имеют относительную универсальность в рассматриваемых языках. Среди заимствований преобладают слова-компози́ты, по большей части, двусоставные и этимологически прозрачные ввиду присутствия в них пояснительного компонента. Анализ показывает, что очень активным заимствованным элементом для образования новых слов являются лексемы *онлайн-* и *интернет-*, которые можно было бы рассматривать в качестве префиксоидов. Сравним: русс.: *онлайн-бизнес, онлайн-курс, онлайн-переводчик, онлайн-инструктор, онлайн-лекция; интернет-компания, интернет-банкинг, интернет-опрос, интернет-офис; каз.: онлайн-сабақ, онлайн-кітап, онлайн-күнделік, онлайн-жиналыс; интернет-жүйе, интернет-сұрақ, интернет-сағат, интернет-баға*. Сюда же можно добавить сложные основы с префиксоидами *IT-, топ-, бизнес-, мини-, биг-, фри-*; суффиксоидами *-трафик, -компания* и др. Этот список можно продолжать очень долго. Данная словообразовательная модель отличается особой продуктивностью ввиду простоты семантического восприятия из-за компонента на родном языке.

Итак, если посмотреть на этот обширный словарный запас, вошедший в языки, с точки зрения теории словообразования, то нетрудно заметить, что он объединяет в себе все традиционные словообразовательные структуры.

Сложные слова (компози́ты): *интер + фейс, инфра + құрылымрым (гибрид)*

Производные слова (дериваты): *зум+ер (от ZOOM), мобиль+ді*

Аббревиатура: *МООС (Massive open online courses - массовые открытые онлайн-курсы)*

Сокращения: *Wi-Fi (Wireless Local Area Network - беспроводная локальная сеть)*

Контаминация: *брексит (Britanie Exit - выход из Британии), каталексит (Catalonia Exit - выход из Каталонии)*

Смешанные формы: *эмбелогер (эмбебаб+блог+ер)* и т.д.

Стилистически в употреблении есть модные слова и окказионализмы: вау (Wow!), окей (OK), изи (easy) – легко, (clever) – умный, крезанутый (crazy) – шизанутый, сумасшедший и др.

Понаблюдав за всеми англицизмами, можно сделать вывод о двоякой целесообразности этого явления. Конечно, новых вещей и явлений, жизненно важных для развития, не избежать. Но те слова, которые создают параллельные выражения и заставляют отказываться от собственных слов только по причинам, которые кажутся более современными, нецелесообразны, и с ними нужно бороться. Особенно это касается молодежного языка, который все больше склоняется к иностранным словам из английского языка, которые становятся жаргоном и сленгом.

Здесь результаты двух исследований англицизмов в молодежных языках России и Казахстана. Результаты не сильно отличаются друг от друга. Посмотрим на следующую Таблицу:

Таблица 3.

Причины использования англицизмов	
Российская молодежь	Казахская молодежь
Облегчение общения – 49%	Желание быть понятым 50,5%
Поддерживать разговор – 28 %	Желание не отставать от сверстников 23,5%
Учиться английской речи – 23%	Отсутствие русского/казахского эквивалента -13,5%
	Желание быть современным - 8,5%
	Прочее - 13%
Источники английской лексики	
Социальные сети - 67%	Интернет, соцсети - 65%
Общение с друзьями - 24%	Музыка и фильмы - 36%
Тексты песен – 9%	Одноклассники, друзья - 23%
Реклама – 4%	Телевидение, реклама - 7%
	Прочее 2%
Сфера использования англицизмов	
Работа с компьютером – 47%	Коммуникация в интернете - 37%
Общение в быту – 24%	Чаты с друзьями - 24%
Общение в спорте – 16%	Редко использую англицизмы - 25%
	Использую везде и всюду - 12%
	Не использую - 1%
	При общении с взрослыми - 1%

Наряду с пониманием того, что английский язык в настоящее время играет роль языка-донора во всем мире из-за глобализирующихся процессов, существует необходимость в сохранении идентичности национальных языков. В связи с этим в Казахстане проводится важная общественная работа. Была создана специальная организация «Терминологический комитет» при Министерстве информации и общественного развития, которая следит за чистотой языка.

Таким образом, в современных немецком, казахском и русском языках можно наблюдать одинаковую картину доминирования англоязычной терминологии практически во всех сферах. Немецкий язык уже окрестили «Denglisch» = Deutsch + Englisch. Языковая ситуация в мире сегодня характеризуется абсолютным превосходством и авторитетностью английского языка как основного языка эпохи глобализации. «Англоязычная экспансия – сложное и противоречивое лингво-социо-культурное явление, обусловленное множеством факторов, связанных с послевоенным утверждением США на мировой арене...» [Спиряева 2017 :8]. Как бы данный процесс не называли, он является реальным фактом на данный момент.

Наряду с пониманием того, что английский язык в силу интеграционных процессов мировой глобализации взял на себя роль языка-донора, на наш взгляд, есть необходимость осознания сохранности самобытного характера национальных языков.

Языки мира прошли в своем развитии ярко выраженную фазу контакта, которая приводит к явлениям конвергенции. Словарные вливания из английского языка - признак современности, обусловленный прежде всего процессами сближения государств, народов и культур. Развитие человечества идет в едином направлении, наука и компьютерные технологии, медицина и телекоммуникации предоставляют свои услуги всем сразу. А это значит, что невозможно изолировать себя от мира, будучи его субъектом. Но в то же время мы считаем, что национальные языки (национальные языки) требуют сохранения своей уникальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные языки, развиваясь и интегрируясь находятся в режиме непрерывной динамики и изменчивости. Внутриязыковые процессы демонстрируют общие черты в структурно-словообразовательном аспекте. Такие словообразовательные механизмы, как деривация, композиция, блендинг, аббревиация, контаминация, инверсия и другие достаточно активны и продуктивны в современных языках. К ним необходимо добавить иноязычные вкрапления и заимствованные слова и словосочетания, которые в современных языках не относятся к редким явлениям, более того, абсолютно закономерны в условиях тесных языковых контактов.

Эти и другие механизмы, пути и методы становления новой лексики требуют регулярного наблюдения и изучения с тем, чтобы выводить тенденции формирования лексического состава.

Так, современный казахский язык характеризуется активными процессами обновления, касающимися изменения словаря. Причинами словарного «бума» в казахском языке, как выясняется, являются не только глобальные интегративные языковые явления, но и возрождение национальных основ языка, некогда ушедших в пассивный запас в силу внешних политических влияний. Поэтому появление в активном употреблении исконно казахских слов хотя и не вызывает социального возмущения, все же иногда приводит к трудности моментального восприятия значения новой единицы (дарбаза «ворота», садак «лук для стрельбы», төлнақыш «автогравюра», лауазым «вакансия», босуак «досуг», таптаурын «стереотип» и др.). Благодаря коммуникативной частотности слова приобретают устойчивость семантического кодирования, но для этого требуется определенное время. То же касается неологизмов, появляющихся путем лексико-семантической деривации: ұшқыш «пилот», тікұшақ «вертолет»; метафоризации: күйсандық «пианино», кылтырауын «крокодил»; смыслового калькирования: тұтыну қоржыны (потребительская корзина), көші-кон (миграция); прямого перевода: тышқан (компьютерная мышка), когнитивті лингвистика (когнитивная лингвистика), абстрактілі ойлау.

Современный русский язык является одним из быстро меняющихся и ведущих языков на евразийском и мировом языковом пространстве в связи с активными политическими, в том числе военными действиями и сильным стремлением к лидерству в области

цифровых технологий. В языке появляются новые тенденции к словотворчеству, а также открытость и прозрачность к заимствованию лексических и смысловых инноваций. Зачастую именно через русский язык происходит проникновение в казахский язык новшеств из английского языка.

Немецкий язык как один из лидирующих европейских языков демонстрирует очень большую восприимчивость к англоязычным заимствованиям. Его открытость к формированию слов смешанной лексико-семантической структуры приводит зачастую к полной замене исконно немецких основ, как в случаях *die Email, surfen, das Handy, der Job, der Bluetooth*. Здесь без знания английского языка совсем не обойтись. Современный немецкий язык – это смешанный немецко-английский вариант, это устраивает носителей языка и общество в целом, по всей видимости, это есть признак современного этапа развития цивилизации.

Таким образом, картина смешения и в то время индивидуализации в развитии присутствуют в языках в равной степени, а потому внутренние процессы остаются интересными и актуальными для лингвистических наблюдений в будущем.

Использованная литература

1. В.Г.Адмони Основные пути развития грамматической системы построения в индоевропейских языках // Грамматический строй как система построения. - Л.:Наука, 1988.-С.215-228
2. Н.Ф.Алиференко Современные проблемы науки о языке.-М., 2009.-416 с.
3. Аристова В.М. Англо-русские контакты. - Ленинград, 1978.- 240 с.
4. Архипкина Г.Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа. Автореф. Дисс. Доктора филолог наук, 2006 // <https://www.dissercat.com/content/kognitivnye-osnovaniya-i-antropotsentricheskie-parametry-grammaticheskoi-kategorii-chisla?ysclid=m3h60zvha7147927353>
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. - 607 с.
6. Байтурсынов А. Әдебиет танытқыш. – Алматы, 1926
7. Баган Ж., Тарасова М.В. Английские заимствования в русском и немецком языках в условиях глобализации. - М.: ИНФРА-М, 2018.-120 с.
8. Бижкенова А.Е. Словарь немецких, казахских и русских слов, восходящих к именам собственным.-Алматы: Ғылым, 2003.-160с.
9. Бижкенова А.Е. Актуальные вопросы современной лингвистики и лингводидактики. – Астана, 2014. – 274 с.
10. Біжкенова А.Е., Кенжетәева Г.К. Лингвистикалық ілімдердің қазіргі әдіснамасы. – Нұр-Сұлтан, 2022. – 195 б.
11. Бирих А. Метонимия в современном русском языке. – Мюнхен, 1995.-147 с.
12. Блох М.Я. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков// Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. – 2014. №1. – С.186-199
13. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. - М. 1986.- 160 с.
14. Блумфильд Л. Язык. – М., 1968. – 606 с.
15. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. – С.-П., 2004. – 175 с.
16. Braun, Peter Deutsche Gegenwartssprache: Bestand und Veränderungen. In: Muttersprache, Heft 1, 1997.S. 1-9

17. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов//Вопросы языкознания. - №2. – 2002. – С.96-118
18. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация. Дисс. доктора филол.наук, 1998. – 345 с.
19. Горшков А.И. Неологизм // Энциклопедия.- М., 1979 .- С.159
20. Гумбольдт В. Язык и философия.-М., 1985
21. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию.-М., 1984
22. Даниленко В.П. Общая типология языков в концепции В.Гумбольдта // <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/gumbtipol.htm>
23. Даниленко В.П. К соотношению научной и языковой картин мира // Словарь, грамматика, текст / Под ред И.Б.Барамыгиной. - Иркутск, 2000. -С.58-66
24. Даниленко В.П. Об основных лингвистических требованиях к стандартизируемым терминам // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики – М., 1971, Ч.1. – С. 72
25. Dokulil M. et al, Daneš F. Tvoření slov v češtině, 2. Odvozování podstatných jmen, Praha, 1967
26. Drosdowski, Günther, Henne, Helmut Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. In: Lexikon der germanischen Linguistik, 1980.-S. 619-632
27. Л.Жаналина Сопоставительное словообразование русского и казахского языков /учебное пособие/: - Алматы, Республиканский издательский кабинет Казахской академии образования им. Ы.Алтынсарина, 1998 г., 154 с.
28. Жаналина Л.К. О содержании и средствах выражения словообразовательного значения // Филологические науки, М., 1992. - №4.- 62-74 с.
29. Л.К.Жаналина Интегративное словообразование.-Алматы, 2011.-492 с.
30. А.Л.Зеленецкий Морфологическая классификация языков // Сравнительная типология основных европейских языков. - М.: Академия, 2004.-С.19-23
31. Зеленин А.В. Англоамериканизмы в русистике и в некоторых европейских языках//Русский язык в школе. - 2003.-№5.-С.94-98
32. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование, М.: Наука, 1973.- 220 с.

33. Земская, Елена Андреевна Словообразование как деятельность / Е. А. Земская; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. - М. : Наука, 1992. – 220 с.
34. Казак М.Ю. Морфемика и словообразования современного русского языка. Теория : учеб. пособие М.Ю. Казак. – Белгород : ИД «Белгород», 2012. – 80 с.
35. Касым Б.К. Проблемы и методологии исследования композитообразования современного казахского языка. - www.rusnauka.com/4_SVMN_2007/Philologia/18516.doc.htm
36. Кекілбайұлы Ә. Он екі томдық шығармалар жинағы. – Алматы: «Өлке» баспасы. – Т. 4. – 1999, 464 бет.
37. Кенесов Е.Б. Способы образования концептуальных метафор с компонентами-фитонимами//Современные проблемы и образования.-2015.-№2-2. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21702>
38. А.Е.Кибрик Как или Почему? // Типология и грамматика. - М.:Наука, 1990-С.21-28
39. Королева О.Э. Метонимия как тип значения. – Обнинск, 2002. – 158 с.
40. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1983. – С.71-81
41. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. 1988.- С.124
42. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2008. – 320 с.
43. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке, Казань, 1883, 109 с.
44. Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определения степеней мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования, Ташкент, 1976.
45. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова, М.: Наука, 1981, 200 с.
46. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка, 2002. Т. 61, №1. С. 13-24.
47. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. - М., 1962 – 266 с.

48. Малбаков М. Краткое приложение // Махмудов Х., Мусабаев Г. Қазақша-орысша сөздік. Алматы:Өнер,1998.-С.423-442
49. Нуржекеева Л.Б. Лингвистическая природа метонимии. Автореф. дис. канд. филол. наук - Алматы, 1991, 21 с.
50. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004. – 608 с.
51. Прохорова В.Н. Русская терминология. – М., 1996. – 125 с.
52. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 2010. – 536 с.
53. Русско-казахский словарь. Ред – проф. Н.Т.Сауранбаев.-М.: Гос.изд-во иностранных и национальных словарей, 1954.-935 с.
54. Сахарный Л.В. К тайнам мысли и слова .- М., 1983. – 159 с.
55. Сергеева Н.И. Производность лексического значения и единицы семантического словообразования//Вестник Чувашского университета. Лингвистика. - №2. - Чебоксары, 2012.- С.323-326
56. Т. А. Скрябина, Л. А.Кошляк, А. Ю. Гречанова Лексические инновации: англицизмы в языке современных СМИ. - <http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/20132/30.pdf>
57. Слесарева А.А. Глобализация английского языка, 2017 // <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-angliyskogo-yazyka/viewer>
58. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. – М., 1986. – С.18
59. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // Введение в языковедение: Хрестоматия / Сост. А.В.Блинов и др., М.: Аспект Пресс, 2001, С. 5-54.
60. Спиряева С.В. Английский язык в эпоху глобализации, 2013 // <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-v-epohu-globalizatsii/viewer>
61. И.П.Сусов Введение в языкознание.-М., 2007.-379 с.
62. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. – М., 1989.- 246 с.
63. Тиктинская Е.О. Диалектика метонимического и метафорического переносов // Лексикон человека и человеческая деятельность. – М. 1991.- С.48-55
64. Утебалиева А.К. Көркем шығармалардағы метонимиялардың колданысыhttp://www.rusnauka.com/4_SND_2012/Philologia/7_100489.doc.htm

65. <https://bl.cooksy.ru/metonimicheskoe-leksicheskoe-znachenie-eto/>
66. Утверждены казахские эквиваленты важнейших политических терминов — Гостерминком// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30097780
67. И.А.Ширшов Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке.-Ростов-на-Дону, 1981.-118 с.
68. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке, М.: Эдиториал УРСС, 2001, 256 с.
69. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // ВЯ, 1984, №1 .
70. Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // ВЯ, 1992, №5, С. 74-89.
71. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке, М.: Эдиториал УРСС, 2001, 256 с.
72. Федорова О. Syntactic priming in experimental linguistics. — 2020 // https://www.researchgate.net/publication/343156105_Syntactic_priming_in_experimental_linguistics
73. Fleischer W. Zum Verhältnis von Name und Appellativum im Deutschen // Wissenschaftliche Zeitschrift, Leipzig: K.Marx-Univ., 1964, S. 369-378.
74. Fleischer W. Deonymische Derivation // Studia Onomastica I, Leipzig, 1980, S. 15-24.
75. Fleischer W., Barz I. Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache, Tübingen: Niemeyer, 1992, 375 S.
76. Vincent Balnat. Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Französischen. Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique, Association des Nouveaux Cahiersd'Allemand, 2020, 38 (2). fffhal-02931171f
77. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний, М., 1992, С. 98-123.
78. Хасенов А. Лингвистика. Алматы, 1996, с. 116
79. Herberg D. Neuer Wotschatz. Neologismen der 90-er Jahre in Deutsch. 2004 Electronic Resource

80. Csaba Földes Xenismen in der auslandsdeutschen Pressesprache. Reflexionen anhand der Moskauer Deutschen Zeitung//Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Band 26: Sprache. München: De Gruyter Oldenbourg 2018. S.121–144.

81. Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985. – С. 319-321

82. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка // Типология грамматических категорий, М., 1975

А.Е. Бижкенова

**ГРАММАТИКА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ**
Монография

ISBN 978-601-385-047-4

9 786013 850474

Тираж 40 экз.
Шрифт «Times New Roman»
Заказ №15719
Типография ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
010008, г. Астана, ул. Кажымукана, 13 Б